

РОСТ ТОЛБЕРИ

МЫШЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рост Толбери

Мышь!

«Автор»

2026

Рост Толбери

Мышь! / Рост Толбери — «Автор», 2026

Хищные 90ые. После исчезновения отца, в поисках лучшей жизни, мама перевозит шестнадцатилетнюю Леру из деревни на окраину столицы. Новая школа встречает Леру травлей, люди вокруг - холодом и безразличием, мать снова начинает пить и водить мужчин, а в их новой квартире, кажется, присутствует нечто "нехорошее". Нескончаемый кошмар загоняет девушку в угол, но это лишь прелюдия к самому страшному дню в её жизни. Это история взросления юной девушки и её попытки выжить во времена, когда жизнь человека ничего не стоила. Самое ужасное, что почти всё, что изложено в этой книге, действительно происходило с реальными людьми. И всё ещё происходит.

© Рост Толбери, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предостережение 18+	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	62
Глава 9	71
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мышь!

Предостережение 18+

В книге содержатся обусловленные сюжетом и характерные для времени действия сцены курения, употребления алкогольных напитков и упоминание наркотических веществ. Помните, что курение и употребление алкогольных напитков и наркотических веществ наносит непоправимый вред здоровью, вызывает зависимости и может привести к уголовному и административному преследованию.

В книге так же имеются обусловленные сюжетом сцены сквернословия, самоповреждений, суицидальных мыслей, жестокости, травли, преследования, сексуального, психологического и физического насилия. Не рекомендуется впечатлительным людям.

Любые совпадения с реальными событиями и личностями - случайны или согласованы. Автор выражает глубочайшее уважение и сочувствие к жертвам подобных событий, и не преследовал цель задеть чувства кого бы ты ни было.

Глава 1

Глава 1

1995 год, Москва

Машина последний раз скрипнула, качнулась на кочке и остановилась.

Лера поспешила открыть дверь и выбраться наружу. В салоне пахло бензином, дерматиновым табаком и чем-то кисло-сладким, будто под сиденьем когда-то разлили молоко и забыли. Запах этот въелся в обивку сидений, в потолок, в самую ткань пространства, и за четыре часа дороги Лера так и не смогла к нему привыкнуть и боялась, что пропитается им сама.

Она поёжилась от ноябрьской влажной прохлады, потопталась на месте, разминая затёкшие ноги, стала неловко озираться.

Их новый дом выглядел мрачновато.

Длиннющая панелька в десять этажей, буквой «П», исписанная вдоль и поперёк пахабными надписями. Внутри – двор, неряшливый и заросший, с останками спортивной площадки и заплёванными скамейками. И продуктовый ларёк вдалеке, обклеенный рекламой сигарет и жевательной резинки. Вот и все достопримечательности.

Водитель, полноватый восточный мужчина, неспешно вышел из-за руля, поджёг сигарету, затянулся во всю грудь и тоже стал пялиться на окрестности. Пепел сыпался ему на живот, на засаленную куртку, но он этого не замечал или не считал нужным замечать. С вещами он помогать не собирался, но там уже суетилась мама. Вываливала всё из багажника и прицепа прямо на изломанный асфальт, припорошённый первым ноябрьским снегом. Закончив разглядывать окрестности, водитель уставился на Леру. Взгляд этот, липкий и приставучий, ей не понравился, и она поспешила на помощь матери, чтобы скорее отпустить его.

Вещей у них было не так чтобы и много. Мебель тащить с деревни не стали. С полтора десятка сумок, чемоданов, пакетов и коробок – вот и всё нажитое за жизнь. Мама расплатилась с водителем, он придирчиво пересчитал деньги, спрятал во внутренний карман куртки, выплюнул сигарету, неприятно уцепился за Леру взглядом напоследок, сел в машину и уехал.

Они начали носить вещи к подъезду, и затем и на третий этаж.

Встречала их Инесса Викторовна, важная мама родственница, вся такая холодная, резкая и деловая, в белой соболиной шубке, шапке с иголки, и с таким выражением лица, будто бы воротит от всех нос и вообще опаздывает по своим важным, государственным делам.

– Значит так, – только они поднялись и переступили порог, затараторила Инесса Викторовна. – Дверь железная, поставили в том году только. На замок всегда закрывайтесь, а не как там у себя в деревне. Ванна и туалет тут отдельные, кухня вот, зал вот, комната вот. Не могу я пока жильцов сюда найти, райончик тут плоховатый, поэтому даю вам полгода жить. А там, либо чего найдёте, либо на ноги встанете или платить начнёте, что меня больше устроит.

Она говорила быстро, отрывисто, и при этом ни разу не посмотрела ни на маму, ни на Леру — всё куда-то мимо, в стену, в потолок, в пространство.

– Спасибо, Иннушка, – мама неловко попыталась обнять родственницу, но та отстранилась, будто ей было неприятно.

– Я вам тут сдаю, чтобы бомжи какие или отморозки не вселились по беспределу, и очень надеюсь, что вы мне тут не порушите ничего. Ездить сюда я не буду, – отрезала деловитым тоном Инесса Викторовна. – Сами всё решайте и коммуналку платите. И по-людски будет, если вы мне тут ремонт оформите до лета. Ферштейн?

– Конечно-конечно, – залебезила мама. – Телефон ЖЭКа я уже взяла, завтра прогуляюсь, узнаю, чего там накопало. А ты это...

Пока взрослые обсуждали детали, и как маме повезло иметь такую сердобольную и состоятельную родственницу, Лера разулась, и, вертя головой по сторонам, пошла мыть руки.

Квартира была зачуханной, от прошлых жильцов остался пятна, разруха и запах, и ванной тоже досталось изрядно.

Плитка местами отвалилась, побелка на потолке отлипла кусками, зеркало над раковиной треснуло. Трещина шла наискось, деля отражение пополам, и когда Лера не удержалась и глянула на себя, ей показалось, что в зеркале она не одна, и эта вторая девочка, тоже уставшая и бледная, смотрит на неё со стороны.

Лера нахмурилась, вспоминая, что примета плохая, повернула кран, подставила руки, но вместо потока воды сантехника издала глухой стон, утробный, почти животный.

И вдруг вместо воды, ей в ладошки прилетел дурно пахнувший комок чёрной жижи.

Лера пискнула, закрыла рычащий, задыхающийся кран, схватилась за полотенце и принялась оттираться. Чёрная жижа была маслянистой и только размазывалась по рукам и ткани, упорно не желая покидать кожу, будто хотела стать частью неё.

– Трубы старые, когда поменяют, не знаю, – буркнула Инесса Викторовна, увидев её мучения и полную отвращения мину, повернулась к маме. – Марин, ну честно, не надо было приезжать, не одобряю я. Тут мёдом не мазато. Москва, она знаешь, слабых на раз пожирает. Проглотит, никто и не вспомнит. Тут другие порядки вообще щас, ни как в молодости. Крутится надо уметь, за себя постоять, голос когда надо поднять.

– Ну... ты-то поднялась, – заметила мама немного обескуражено. – Эх, Инка... В деревне нашей точно ловить нечего! Леспромхоз вот закрыть обещали... Работы нет, а Лерку учить надо... На ноги встать. Тяжело без мужика. Как я там одна, без хозяйства?..

– На ноги встать... Знала бы ты, чего мне это стоило, – закатила глаза Инесса Викторовна. – Ладно, это всё лирика. Ехать мне надо, с другими квартирантами разбираться. Ты, Маринк, тока квартиру мне не ухайдохай, а то разговор будет у нас серьёзный с тобой. Знаю я, какие бывают родственнички, но верю и надеюсь, что ты из числа нормальных, и что мне стыдно за тебя не будет. Косяков за тобой не было, ну я и не жду. И Боже упаси тебя снова пить начать.

Мама округлила глаза, а Инесса Викторовна вдруг изменилась в лице, протяжно посмотрела на потолок, перекрестилась.

– Бабке твоей должна была, вот, считай, отдаю.

– Ну... если не получится, я вернусь, – после паузы подытожила мама. – Хату-то я не продала, да и кому её там продашь в той степи... В общем, спасибо, Иннушка. Не переживай. Наведём тут порядки, и рассчитаемся с тобой. Что надо сказать, Лерк?

– Спасибо, тётя Инесса, – пропищала Лера, неловко подражая маминой манере лебезить. Инесса Викторовна фыркнула, смерила их презрительным взглядом, да вышла прочь.

Только она скрылась за дверь, как мама с явным облегчением выдохнула, повеселела и принялась распаковывать вещи. Лера смотрела на свои ладони. Чёрная жижа почти стёрлась, но в складках кожи остались тёмные линии, и руки выглядели так, будто она копалась в земле... или в чём-то похуже.

Хлопот было немало.

Раскладывали вещи, налаживали быт, готовили ужин из привезённых с собой макарон и лука. Ели в тишине, пытаясь найти свой угол за новым и непривычным столом, ёрзали по дивану, молчали. Потом оттирали пыль, грязь и следы попок прошлых жильцов, сколько хватило сил, пока совсем не стемнело.

Мылись по очереди — вода шла еле тёплая, с перебоями и стонами, но хотя бы без масла и черноты. Немного просохли и разошлись спать.

Лере досталась просторная комнатка с большим окном во двор. Стол в углу, покосившийся платяной шкаф, широкая кровать, почти полтарушка, цветастый ковёр на стене и такой же на полу.

Долго не могла сомкнуть глаз, хоть и хотелось. Слушала незнакомые звуки нового дома: металлические щелчки в трубах, чьи-то шаги этажом выше, приглушённый телевизор за стеной, далёкий собачий лай, задувающий в щель под окном ветер. Водила глазами по комнате. Даже темнота тут была другой — не деревенской, густой и тёплой, а городской, разбавленной жёлтым светом фонаря, который бил в окно сквозь голые ветки дерева и рисовал на потолке узоры.

Всё было чужим.

Ко всему придётся привыкать.

– Документы я подала ещё в той поездке, так что сегодня уже пойдёшь на первый урок. У меня тут всё записано, что и куда подойти. Ну и это, догонять как-то надо, пропустила ты изрядно, учителя в курсе, поблажку тебе сделают, но этот год закончить надо, а на следующий год поступать ещё, оценки нормальные должны быть, поняла меня? – ворвалась мама в ванную рано утром. – Деньги будут трясти – шли всех, честное слово, нету пока, и не будет. Пускай ужимаются. Знаю, я этих москвичей.

– Угу, – буркнула Лерка. Она уже и так собиралась, пытаюсь унять волнение, и привести себя в порядок, используя лишь половину зеркала.

– Угу-угу, – передразнила её мама. – Папки у нас нет теперь, будь он не ладен... Но мы как-то и без него справимся, даже, Лерк? Бабка твоя после войны так вообще одна с Омска приехала и выжила же как-то. А то годы голодные совсем были, не то что сейчас.

– Угу.

Мама, увидев её кривляния, нахмурилась и покачала головой.

– А по скромнее ничего нету? Ты мне назло это делаешь? Говорю тебе, держаться потише надо, а ты вон чего напялила. Мы тут люди новые, ну зачем столько внимания привлекать к себе?

– Шмоток особо нет, мам, – пожалала плечами Лера, изображая невинность и обречённость. – Чего перед отъездом перешлила, и что мне подружки подогнали, то и носить буду. Да и всё тут так ходят, не деревня же, в сапогах не надо по грязи топтать.

– Да... – вздохнула мама. – В этом году ты чего-то росту прибавила. Совсем взрослая. А мозгов не прибавилось, почему-то. Мальчишку себе уже хочешь закоблудить? Юбка эта короткая, колготки, кожанка. М?

– Так форма же...

– Какая же это ж форма! Так знаешь, кто одевается? Эти вот, у дороги стоят...

– Просто красиво, мам, ну отстань!

– Да я за тебя волнуюсь! – повысила мама голос. – Ты, Лерк, аккуратнее тут будь! Порядки тут другие. Городские ребята, они, знаешь, позлее могут быть, чем у нас в Знаменке. Лучше тебя мамка уму научит, чем они.

– Ну, мам! – взмолилась Лерка.

– Опоздаешь, егоза! И не завтракала ещё! – прикрикнула напоследок мама, да вышла прочь.

Лера фыркнула в спину мамы, и снова принялась вертеться перед разбитым зеркалом и работать расчёской. Волосы никак не укладывались, были грязноваты с дороги, их бы стоило помыть ещё вечером, но страх стать жертвой чёрной жижи в первый день школы оказался

слишком силён. Нельзя был ударить лицом в грязь, как-то опозориться и показать себя плохо, ведь первое впечатление – оно самое важное.

Так папа говорил, а от папы только фотографии, да советы и остались...

Лера тяжёло вздохнула, стараясь отогнать печальные и тревожные мысли, но не смогла.

Он уехал на заработки, сюда же, в Москву, прошлой зимой. Не в первый раз, но в последний. Где он только не мотался после Перестройки, чтоб дома хлеб был, и иногда даже конфеты с мандаринами. Обещал, что привезёт всякого, но не привёз. Как в лету канул. Мама разное говорила. Когда пьяная – что убили его и не найдём никогда. И что к «шалавам своим на юга укатил, устал от нас» – когда трезвая.

Чему верить Лера не знала. Знала только, что был бы он живой, он бы ей позвонил, хотя б сказать мельком, что всё хорошо с ним, чтобы у неё сердце не болело. И плевать было б, что он ушёл к другим жене и детям, на всё было бы плевать. Но он так и не позвонил. И уже, видимо, не позвонит.

Последний раз она видела его в январе. Уезжал он рано, на первом рейсовом, она не успела встать и посидеть на дорожку. Он стоял уже снаружи с сумкой через плечо, закрывал калитку и помахал её. Она помахала в ответ, думала что-то сказать, но промолчала. Зря не сказала. Считай, и не попрощались.

Глаза намокли и почти что проступили слёзы. Лерка до боли закусил губу и снова начала поправлять волосы, изо всех сил стараясь не расклеиться. В зеркале на неё смотрела девчонка с покрасневшими глазами и упрямо сжатыми губами, всё ещё бледная и усталая. Не красавица, но и не дурнушка. Обычная. Такие держаться тихо, теряются в толпе и их никто не запоминает. Но Лера не хотела теряться. Не для того она сюда приехала.

Как бы то ни было, впереди совсем новая жизнь.

Только бы всё получилось.

Не зря же все об этой Москве только и разговаривают.

Завтракать не стала.

Тошнило от нервов и страха, кусок в горло не лез, и было одновременно за себя стыдно. Ну чего она боится? Там, в школе, такие же девчонки, что были подругами и знакомыми ей в Знаменке. Такие же мальчишки, такие же учителя. Может, только побогаче и не такие компанийские и со вздёрнутыми носами, или как тут принято в Москве.

Покрутилась у зеркала, набросила сумку на плечу, да одним махом сбежала через все этажи по лестнице. На улице её приголубил порыв неприятного ветра, лизнул неприкрытые уши, забрался под тонкие чёрные колготки так, что аж больно стало. Ноги мгновенно заledenели, и она почти пожалела, что не надела тёплые деревенские рейтузы. Вот бы все посмеялись, если бы она зашла в класс в таких.

Уже светало, поток людей спешил на работу, и на неё никто не обращал внимания. Серые лица, опущенные головы, поднятые воротники. Все куда-то торопились, и в этой торопливости было что-то механическое, нечеловеческое, словно людей завели ключиком и пустили по рельсам.

В школе, скорее всего, так не будет. На неё снова будут смотреть как на пришельца и чужачку, ведь она такая и есть, никакая маскировка не поможет. Мама права, люди тут какие-то другие, она это чувствует. И так просто они её не примут.

Хотелось как можно дольше оттянуть этот момент.

Ещё от отца у неё остались деньги, которые она берегла как раз на какой-то такой случай. Порадовать себя в плохой день.

Пошла сначала к ларьку, долго пялилась на стекло сквозь решётку, изучая товары и дивясь их ценам, набралась смелости и постучалась в окошко.

Ей открыли. Из проёма дохнуло теплом и запахом растворимого кофе.

– Здравствуйте. Что на восемьсот можно взять? – спросила Лера крупную помятую продавщицу с недовольным лицом.

– Сигареты не продам. Жвачку можешь взять.

– А давайте.

В руку упал кубик «Лав Из», который она тут же открыла. Улыбнулась вкладышу, изображающему вечную парочку из растрёпанной девицы и глупого расслабленного паренька. Забросила жвачку в рот, разжевала, утопила в проступившей слюне, да пошла до школы.

Мимо гаражей, расписанных граффити, мимо стройки, огороженной покосившимся забором, мимо пустыря, закиданного снегом. Дошла быстро, только дорогу она выбрала не самую приглядную.

Школа как школа.

Типовая четырёхэтажка из красного кирпича, с решётками на окнах первого этажа и вытопанным двором. У входа курили старшеклассники — парни в кожанках и спортивных штанах, девчонки в коротких юбках и ярких куртках, туда-сюда сновали детки помладше. Лера прошла мимо, стараясь ни на кого не смотреть и не привлекать внимания, но всё равно поймала на себе несколько взглядов.

Прозвенел звонок.

Она всё-таки опоздала, и не стала сдавать свою лёгкую кожанку в гардероб. Поднялась на второй этаж, посмотрела расписание на стенде, поплутала по коридорам среди гробовой тишины и едва слышного бубнежа учителей. Коридоры были длинные, одинаковые, с зелёными стенами до середины и белыми выше, и Лера дважды свернула не туда, прежде чем нашла нужный кабинет.

Застыла в нерешительности перед обшарпанной дверью, попыталась хоть как-то успокоить дыхание, вцепилась в ляжку сумки, чтобы руки не дрожали. За дверью слышался голос учительницы — ровный, монотонный, усыпляющий. Лера сглотнула. Жвачка потеряла вкус и стала резиновой.

Вошла.

— А, проходи-проходи, — классная руководительница оторвала мел от доски, и махнула ей рукой. Женщина лет пятидесяти, сухая, с короткой стрижкой и очками на цепочке, в сером костюме, который сидел на ней как на вешалке. — Это наша новая ученица, Валерия Жукова. Опаздываешь, Лера. Меня зовут Ирина Борисовна.

Двадцать пар глаз тут же вцепились в неё. Она увидела ухмылочки, удивлённые взгляды, услышала шепотки. Лера жевала жвачку, старалась ни на кого не смотреть. Держалась холодно и свысока, как держались звёзды в телевизоре, когда репортёры задавали им глупые и провокационные вопросы. Подбородок чуть вверх, взгляд чуть мимо, плечи расправлены. Внутри всё тряслось, но снаружи — ледяная королева. Так, во всяком случае, она хотела выглядеть.

— Хороша кобылка! — раздался уже громкий голос парня с последних парт, и класс зашёлся смехом.

Лера не повернула головы. Даже не моргнула. Хотя внутри что-то сжалось, больно кольнуло и слегка сбило дыхание.

— Ну-ка, тихо! — повысила голос учительница. — Присаживайся, Лера, мы уже начали урок. И ты пропустила объявление: нужно будет сдать по пятнадцать тысяч на ремонт класса. Когда сможешь принести?

— Не знаю, — напряглась Лера. — Поговорю с мамой.

— Не затягивайте.

Классная указала ей на место на первой парте, но Лера туда бы в жизнь не села, чтобы не заклеить себя ботанкой.

Второе свободное место было на среднем ряду на предпоследней парте, куда Лера и поспешила сесть, так и почуяв затылком, как классной это не понравилось и как она буравит её затылок взглядом. Стул скрипнул, классная выдержала паузу, чтобы все успокоились, повернулась к доске и снова начала бубнить.

Лера позволила себе выдохнуть, выложила на парту початую в старой школе тетрадь по геометрии, раскрыла её, судорожно пытаюсь вспомнить, что там вообще было, и уставилась на доску, уже изрисованную и исписанную таинственными формулами и графиками.

Ни черта не понятно.

И догнать будет сложно.

Бубнёж устремился в сторону векторов и плоскостей, писульки на доске начали обрастать загадочными подробностями. Мел крошился, и учительница то и дело стряхивала белую пыль с пальцев. Все уткнулись в тетради, а Лере удалось немного помотать головой и поразглядывать свой новый класс в ответ.

Деревней тут и не пахло. Все были одеты совсем иначе, не как она привыкла, — куда более складно, разнообразнее и красивее. У девчонок — яркие заколки, серёжки, у одной даже покрашены губы тёмной помадой. У парней — фирменные кроссовки, спортивные костюмы, у кого-то — золотая цепочка поверх свитера. Значит, она не зря наряжалась. И совсем, получается, не выделяется.

Вроде как.

Позади неё собралась та ещё компашка, самый «сок» класса: худой смуглый парень со смешными усишками, которому давно надо было подстричься. С ним за партой — крепкий лысый и явно недалёкий громила, который даже не удосужился выложить тетрадку и сидел, развалившись, закинув ногу на ногу, покачивая кроссовком. И пара девчонок прямо за ней, которых она почти не успела рассмотреть, — только уловила запах дешёвых духов и сигаретного дыма, вьёвшегoся в одежду.

Поодаль от них, на самом последнем месте у окна, так же как и Лера, один за партой сидел высокий парень с короткими волосами, который на неё даже не посмотрел, и был одетый странно — в военные ботинки, широкие джинсы и какой-то походный балахон цвета хаки. Неформал, наверное, или как их тут таких называют. Слыхала она про таких.

— Ну и чё, откуда ты, нищобродка? — раздался со спины хриловатый и наглый голос. Спрашивала та, что была в цветастой олимпийке. — Лера скосила глаза и увидела крашенные рыжие волосы, собранные в хвост, острый подбородок и тонкие, плотно сжатые губы.

— Со Знаменки, — негромко ответила Лера, стараясь не привлекать внимания классной. — Километров двести отсюда.

— А, деревня... По тебе сразу видно. И чё припёрлась сюда?

— Мама притащила. Жизни там нету ей.

— А тут думаешь, будет?

— Увидим.

Повисла неприятная пауза. От этой девчонки повеяло настоящим холодком и угрозой. Лера уткнулась в тетрадь и попыталась сосредоточиться на уроке. Так и знала, что кто-то непременно докопается. Придётся себя показать, чтоб отстали.

— Чё там жуёшь в крысу? Жувка есть? — спросила хабалка, заметив, как Лера нервно ёрзает на стуле.

— Последняя была.

— Гонишь! — раздался возмущённый голос. — Нехорошо же жопиться.

— Отвечаю, последняя, — прошипела Лера, надеясь заткнуть приставалу.

— Ну смотри, не проотвечайся, — голос сзади стал ещё более холодным.

— Тихо там, на галёрке! — прикрикнула классная, и почти что на минуту это подействовало. — На перемене познакомитесь.

Воцарилась тишина, и урок продолжился. Писульки в тетрадке становились всё более непонятными. Буквы расплывались, цифры путались, и она поймала себя на том, что уже несколько минут рисует на полях — маленький домик с трубой, из которой идёт дым. Знаменский домик. Их домик. Она торопливо зачеркнула рисунок.

— Я — Машка Лапина, Лапа у меня погоняло. Меня тут все знают. А у тебя погоняло есть? — раздался позади голос.

— Нету.

— А сотка есть? Мне на жвачку не хватает.

— Не, нету.

— Какая-то ты некомпанейская, — буркнула Лапина. — Люди к тебе со всей душой, а ты Жучка какая-то. Вот тебе погоняло.

Компания похихикала, пропесочила все вариации на тему имени и фамилии Леры, подуспокоилась. И вдруг Лера услышала сзади показательное чавканье жвачкой. Затылок снова загорелся от пристального взгляда, на этот раз этой хулиганки.

— Сига, может, есть? Курить уже хочется.

— Не курю.

Ответ компашке не понравился, раздалось протяжное и недовольное «у-у-у». Лапа сзади громко и расстроено вздохнула, заёрзала на стуле.

— Ничего. Мы тебя научим делиться, деревня. Вот тебе жвачка, например.

Лера почувствовала едва ощутимое касание к волосам, и услышала новый взрыв мерзкого хихиканья.

Тело её хотело задёргаться, повернуться и посмотреть в лицо этой Лапиной, рука захотела вскинуться и почувствовать, что эта сучка сделала с её волосами. Она сразу же поняла что... просто не хотела принимать. Не хотела верить, что это происходит, что это происходит с ней, происходит в первый же день, в первый же час.

В ноздри ударил запах. Мерзкий, химический, сладкий.

Клубничная жвачка. Такая же, которую она купила на папины деньги. Которой бы она поделилась с этой Лапиной, если бы могла... Но этой Лапиной не нужна была жвачка. Ей нужно было другое. И она это получила.

Лера с трудом удержала себя в руках от всяких реакций. Пальцы сжали ручку так, что ногти воткнулись в кожу. Только скандала и драки на первом же уроке ей не хватало. Только не сейчас. Только не так.

Изо всех сил она старалась держаться и изображать учёбу, будто бы ничего не случилось. Записывала что-то в тетрадь, не понимая ни слова. Смотрела на доску, не видя её. Умоляла время идти быстрее.

Прозвенел звонок.

Лера подождала, пока гогочущая компания покинет класс, и бросилась к туалету. Подождала, пока оттуда уйдут все и начала крутиться перед зеркалом, пытаясь найти жвачку.

Упёрлась пальцами в липкую эластичную массу. Жвачка была размята и вдавлена в волосы умело, со знанием дела... втёрта, вмята, словно Лапа делала это не в первый раз. Как могла, обхватила, потянула, вырывая её вместе с клоком волос, стараясь удержать в глазах слёзы.

Выбросила.

Остаток дня прошёл как в тумане. На следующем уроке она отсела на первую парту, к тихой девочке с косичками и в очках, которая посмотрела на неё удивлённо, но ничего не сказала и чуть подвинулась, освобождая место. Лера была ей за это благодарна — молча, отчаянно, до комка в горле. Хулиганье ушло на два урока раньше, напряжение в классе немного

спало, но ей никто и слова не сказал и не попытался как-то познакомиться или хоть как-то обозначить её существование на белом свете.

Хотя бы не смеялись.

Может, и не заметили ничего.

Или заметили, но промолчали. Что, в общем-то, одно и то же.

Дома её встретили тишина и одиночество.

Мама вышла по делам — в магазин или искать работу, — а значит, не нужно будет прятать от неё волосы и прикидываться, что всё в порядке.

Лера швырнула сумку в угол прихожей, сорвала с себя куртку, бросилась в ванную.

От спокойствия и хладнокровия не осталось и следа. Она задыхалась, и её трясло. Руки ходили ходуном, и она вцепилась в край раковины, чтобы хоть как-то удержать себя на месте.

Она всё ещё чувствовала что-то инородное в её волосах, вместе со слюнями этой Лапиной. Словно какое-то насекомое. Мерзкое, холодное, склизкое. Она снова потянулась туда пальцами и попыталась выдернуть застывшие кусочки жвачки силой, но, естественно, это не помогло. Волосы слиплись, спутались, и чем больше она тянула, тем хуже становилось.

Вздыхнула, наткнулась глазами на висящие на крючке ножницы. Схватила их, попыталась подлезть к осквернённой пряди, отчаянно закрутилась перед зеркалом.

Прицелилась.

Попыталась унять дрожь в руке.

Решилась.

Отрезала.

Прядь упала в раковину, и Лера смотрела на неё — и почувствовала, как что-то внутри неё тоже что-то отрезалось.

Было очень жалко. В себе она почти ничего не любила, но волосы были исключением. Зимой они обычно блекли и теряли жизненную силу, но летом блестели воронёным крылом, на них заглядывались и мальчики и девочки.

Она сходила до прихожей, выдрала просроченный ещё с лета лист календаря, скрыла в него волосы и выбросила в мусорку. Маме этого видеть не нужно. Будут вопросы, на которые не хочется отвечать. Будут причитания, будет «я же говорила», будет «а я предупреждала», и от этого станет только хуже.

Вернулась в ванную.

Уставилась в разбитое зеркало.

Пять, десять или пятнадцать минут отчаянной работы расчёской показали, что причёска её лучше не стало. Место, где была прядь, теперь зияло — не дыра, нет, но заметное поредение, которое она пыталась прикрыть соседними волосами, и они не слушались, топорщились, лезли не туда. Пришлось собрать всё в хвост, показать эти оттопыренные уши. И так она и будет ходить какое-то время.

За что ей это?

Деревенским был нужен хотя бы формальный повод. Грубо разговаривала, миловалась с занятым парнем, рассказала секрет, украла. А тут-то чего надо было? Что Лера сделала не так, чтобы заслужить такое? Вошла, села, ответила на вопросы. Не нагрубила, не задрала нос, не полезла на чужую территорию, никого не трогала. Просто существовала. И этого оказалось достаточно.

И что, если это повторится завтра? Если завтра будет не жвачка, а что-то похуже? Понятно же, как это работает.

Видимо придётся подражаться. Не то, чтобы она была в этом хороша и не боялась, но те, кто не дают отпор — мучаются вечно.

Лера опустила расчёску и посмотрела на себя в зеркало. Трещина делила её лицо надвое — левая половина была чуть выше правой, и казалось, что у неё два лица, два выражения: одно — испуганное, другое — злое. Она выбрала злое. Стиснула зубы, сощурила глаза. Так лучше. Так — можно.

Снова это ощущение.

Будто кто-то буравит её затылок взглядом и хочет от неё чего-то.

Лера машинально подняла глаза, выискивая в зеркале пространство за своей спиной, и вдруг встретила взглядом... с чем-то.

Она ничего не увидела, но как будто бы в пустоте воздуха вдруг оказалось то, за что можно зацепиться.

Сердце кольнуло.

Она резко обернулась, но там уже никого не было.

Глава 2

В той, прошлой жизни, когда проблемы настигали её в Знаменке — она обычно уходила гулять одна. У неё были свои места. Стоянка заброшенных речных кораблей, похожих на скелеты доисторических чудовищ. Холм у старого кладбища, где всегда дул свежий ветерок, и было уютно, если не смотреть на могилы. И конечно же — пролесок с самодельной качелью, с которой открывался вид на изгиб реки. Там можно было раскататься до скрипа в ушах и представить, что взлетаешь над всем этим: над деревенской грязью, над вечными сплетнями, над бесконечной серой тоской по манящему и незнакомому миру.

Тут, в Москве, наверное, тоже можно найти такое место. Но пока что гулять по враждебным дворам не хотелось до дрожи в коленях. Наткнёшься ещё на эту бешеную Лапину и её свору или кого похуже.

Мама реагировала на проблемы иначе. В минуты отчаяния или тревоги не замирала и не пыталась сбежать, а наоборот, взрывалась деятельностью. Предпочитала затевать уборку. Могла часами тереть сковородки, пока та не начинали блестеть, как новенькие. Или перебирала вещи в шифоньере, в поисках никогда не виданной моли и её личинок.

Вот и Лере нужно занять себя чем-то полезным. Забить голову монотонной работой, чтобы та перестала жевать вязкую жвачку унижения и смогла её проглотить. Продолжить распаковывать вещи, например. Одежда и бытовая утварь заняли свои места на полках ещё в первый день, а вот определить место для остального хлама только предстояло. В прихожей всё ещё сиротливо громоздились три картонные коробки, перетянутые бельевой верёвкой.

Лера опустила на колени перед первой. Внутри, переложённые старыми газетами лежали семейные фотографии. Архив на несколько поколений и несколько семей, бережливо хранимый мамой.

Сверху была фотография, где ей пять лет. Она в белом платье с оборками, с бантом, сползшим набок, и держит в руках огромный цветок, перекрывающий пол-лица. Глупая фотка, но почему-то вызывает улыбку. Может потому, что её фотографировал отец. Он не был мастером ни фотоаппарата, ни момента, и всегда смешно кривился и прицеливался, когда фотографировал. Она не помнила, то день, но могла мысленно дорисовать, как это было.

Следующим был снимок, где отец — молодой, с ещё густыми волосами без седины, с ямочкой на подбородке — держит её за руку на школьной линейке. Первый класс, и самый первый раз, когда она пошла в школу. Палец скользнул по глянцевої поверхности снимка. Лицо отца было счастливым и каким-то нездешним, будто он уже тогда смотрел не в объектив, а куда-то сквозь него, в будущее, которое для него так и не наступило.

Снова накатила тяжесть.

Она открыла скрипучую дверь шкафа, спешно составила туда коробки одну на другую. Закрывает дверь, села рядом и навалилась на него спиной.

Входная дверь хлопнула так, что задрожала стенка в коридоре. Послышались голоса, смех, какая-то возня. Лера вздрогнула, выныривая из липкой паутины воспоминаний.

— Мам? — позвала она, но ей никто не ответил.

В коридоре они столкнулись. Мама была неузнаваема. Не та загнанная переездом и проблемами, уставшая женщина с кругами под глазами, которая вчера намывала полы, а какая-то другая — весёлая, нелепая, с неестественным румянцем на щеках и слишком громким и резким голосом.

Пьяная.

Точно пьяная.

Холодок прошёл по спине Леры.

И мама была не одна.

За талию, неподобающе низко, почти по-хозяйски, её обнимал незнакомый мужчина. Смугловатый, ухоженный, хорошо одетый, невысокий, с каким-то орлиным, хищным взглядом и небольшими усиками под носом.

— К... кто это, мам? — выдавила из себя Лера.

— А... это Эдик, — отмахнулась мама, будто вопрос был глупым, и будто она каждый день приводит в дом незнакомых мужчин. Она попыталась стащить с ноги тугой сапог, покачнулась и ухватила за плечо Эдика, хихикнула. — Я на рынок ходила, устроиться пыталась... Но вот хотя бы с Эдиком познакомилась. Друзей, сама понимаешь, на новом месте надо побыстрее заводить. Вызвался помочь. А они знаешь как за своих-то...

Эдик молчал. В его глазах, чёрных и блестящих, как маслины, не было ни интереса, ни неприязни — только лёгкая досада от того, что в квартире оказался лишний свидетель. Он тоже был пьян, но держался ровнее мамы, увереннее.

— У тебя как день? — маме наконец удалось избавиться от сапога, и она застыла на месте, с неловкостью пьяного человека, который вдруг осознал, что ребёнок застал его за чем-то стыдным.

— Да, нормально, мам, — соврала Лера, всё ещё плясь на прищельца.

— Нам с Эдиком чая бы попить, а то там холодина, ой-йо. Погреться надо. Ты давай-ка уроки у себя в комнате поделай, догонять тебе немало, а мы на кухне устроимся.

— Ты, мам, только это... — едва слышно попросила Лера, но мама её не услышала, или сделала вид, что не услышала.

Повернулась к Эдику, принялась снимать с него пальто, приговаривая что-то ласковое, мурлыкающее, и искать в шкафах место, где бы это всё можно было разместить. Вешалок не хватало, и дорогая дублёнка небрежно заняла место на приоткрытой двери шкафа.

Лера нахмурилась и молча пошла на кухню. Схватила с сушилки гранёный стакан, наполнила его водой из-под крана. Пошла в свою комнату, плотно закрыла дверь и подоткнула под нижнюю щель валявшуюся на полу майку.

Остановилась посредине, уставилась на школьную сумку, и вдруг поняла с тоскливой ясностью: у неё даже нет учебников, чтобы хоть как-то начать догонять программу. Завтра опять придётся кланяться у соседки по парте, ловить на себе косые взгляды, и быть «нищепродкой». В библиотеку, что ли подастся, или как тут у них принято?

В горле пересохло, хотелось пить, но вода пахла так, что Лера пробовать не рискнула.

В зале включился телевизор — сначала шипение помех, потом громкий, фальшивый смех из какой-то юмористической передачи, потом загрохотала музыка. В квартире стало шумно, тесно, нечем дышать.

От звуков того, что происходило в зале, пришлось закрывать уши подушкой и прятаться под одеялом с головой.

Смех мамы, её визгливый, захлёбывающийся шёпот, звон бокалов, гул мужского голоса — всё это просачивалось сквозь стены, сквозь майку, подоткнутую под дверь, сквозь стиснутые зубы. Гулянка закончилась глубоко за полночь, и только тогда ей удалось уснуть.

Снилась ей неприятная муть, тягучая и бессвязная.

Сначала она была в школе, но школа была не та — стены сужались, потолок давил, а из всех дверей тянуло жаром и удушливым дымом горящего пластика. Сначала убегала от каких-то теней и звуков, потом тени и звуки сформировались в Лапину, огромную, величиной с медведя. Лапина кричала на неё, но не словами — а каким-то истошным, вибрирующим визгом, от которого ломило виски и крошились зубы.

Потом вдруг сменилось на их двор, жарким летом и с только что скошенной травой.

Она увидела папу. Он был весёлым и улыбочивым, светился весь, занимался какими-то своими делами у сарая, насвистывая дурацкую мелодию из детского мультика. Он обернулся, увидел её — и вдруг помрачнел. Лицо его осунулось, постарело на глазах, кожа стала серой, как пепел. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но изо рта у него вырвался только пар, хотя вокруг был июльский зной.

Она хотела узнать у него, что случилось, где он был всё это время, но тут из нелогичного спутанного сна её вдруг выбросило, словно она и не спала вовсе.

Толчок был физическим — как будто кто-то резко дёрнул её за ногу, и попытался стащить с кровати.

В квартире было неестественно тихо. Даже холодильник не гудел. Только трубы у батареи странно щёлкали, будто по ним кто-то стучал ногтями или чем-то металлическим. Тик... Тик-так... Тик-тик... тик... Ритм сбивался, замедлялся, ускорялся. Словно кто-то пытался отстучать послание на азбуке Морзе, но не помнил букв.

Стало прохладно. Холодный воздух проник через не заткнутые щели в старой оконной раме, зазмеился по полу, забрался под одеяло, лизнул голые лодыжки. Вздогнув, она закуталась плотнее, натянув край до самого подбородка. Уличный фонарь с его ржавым рассеянным светом освещал только половину комнаты, и по большей части пол.

В полутьме она увидела, что дверь в её комнату открыта нараспашку, и за ней чёрный проём коридора.

Это было странно. Очень странно. Лера точно помнила, что закрыла дверь, и не просто закрыла — положила под порог старую майку. Майка эта сейчас лежала в стороне, у стены, словно её отшвырнули пинком.

Кто-то заходил пока она спала? Такого давно не было, чтобы мама проверяла дома ли она... Или это была не она?

Как уснула, Лера не запомнила. Просто в какой-то момент темнота под веками стала не такой густой, и она поняла, что уже утро.

В квартире было тихо, но уже не так, как ночью. Едва слышно над головой бумкали шаги соседей, трубы не щёлкали, но вода в них булькала и шелестела, с улицы доносился приглушённый шум мотора прогреваемой машины, кашель, голоса.

От сна осталось неприятное и муторное ощущение, от неудобной, промятой кровати затекли рука и шея. Она села, повертела головой, разминая позвонки выгнулась, вздохнула и снова легла.

Кошмары ей раньше не снились. Или снились, но она их не помнила. Но раньше она и не переезжала никуда, не теряла отца, не засыпала в чужой квартире, и не терпела унижение в первый день в школе.

Нужно встать и умыться.

Мама, похоже, вставать не собиралась. Из зала не доносилось ни звука, дверь была закрыта. Лера прошла на кухню, стараясь не смотреть на грязные тарелки и рюмки, оставшиеся с вечера. Заглянула в холодильник. На полке стояла кастрюля с супом. Она открыла крышку, и в нос ударил запах. Затхлый, сладковатый, с примесью чего-то неуловимо тухлого, перебить который не смогли даже щедро брошенные лавровый лист и перец. Промороженный студень с серыми прожилками овощей и острыми осколками костей, выглядывающими из мутного бульона, выглядел отвратительно, даже если б не было запаха.

Похоже, это были остатки ещё от прошлых жильцов. Тошнота подкатила к горлу. Лера вернула крышку на место, захлопнула дверцу холодильника. Есть перехотелось. Да и нечего было. Она налила себе холодного чая, присыпала сахаром, залпом выпила.

Собралась, снова завязала хвост, оделась во вчерашнее, да пошла в школу, стараясь ни о чём не думать и не вспоминать первый день. Она уговаривала себя, как заклинание: на крайний случай, они с этой Лапиной просто подерутся, может несколько раз. Хабалка поймёт, что её лучше не трогать и отстанет. А может, и уже отстала.

До восхода было ещё далеко. Лицо трепал холодный, настырный ветер, иногда присыпая ледяной крошкой. Каждый прохожий на улице молчаливо и мучительно боролся, стараясь как можно сильнее спрятаться вглубь одежды. Ноги утопали в снегу, скользили по наледям. Захотелось сбавить шаг, но как только она это сделала, стало ей не по себе. Что-то было не в порядке. Не в городе, не в погоде — в воздухе. Слишком уж он какой-то тяжёлый и холодный.

Она увидела справа от себя двоих в тёмных куртках и шапках-формовках, надвинутых по самые брови. Они прятались от ветра за выступом дома, курили, прикрывая сигареты ладонями. Узнала мгновенно, по посадке головы, по тому, как они стояли — расставив ноги, занимаемая собой пространство. Два парня, что сидели на задних партах и отсыпали про неё шутки, из компании этой Лапиной. Высокий смуглый с усишками и крепкий лысый громила.

Они её тоже заметили. Переглянулись. Узнали. Вдруг, не сговариваясь, почти синхронно, потушили сигареты о стену, отбросили бычки в снег и быстрым, размашистым шагом пошли ей наперерез, наискосок через дорогу.

Её кольнуло в животе, и она вдруг рванула в сторону, не раздумывая. Побежала, что было сил, чего давно-давно не делала. Воздух обжог лёгкие, в боку тут же закололо. Она слышала, как ускорились шаги позади.

— Э, да постой! Ты чё? Жучка, ты куда? — вырвался из ветра голос, сдобренный смешками.

Она ещё ускорила, едва не упав на клочке льда, взмахнула руками, удерживая равновесие. Свернула в первую попавшуюся арку, судорожно пытаюсь понять, что делать. Нужно было найти открытый подъезд и прятаться там.

Нечто вдруг выросло прямо перед ней из темноты, где секунду назад ничего не было. Плотная, широкая и высокая фигура. Лера со всего маха, не успев затормозить, врезалась в неё, и оказалась на земле, больно приложившись задом о лёд.

— М-м-м-ф, — раздался болезненный, едва слышный стон, больше похожий на выдох.

Лера тут же вскочила на ноги, дико озираясь. Мужчина, которого она сбила, остался беспомощно полусидеть-полулежать на выходе из подъезда. На его лице застыла гримаса боли — не злой, а какой-то усталой, обречённой. Он держался за колено, сбитое дыхание вырывалось из его рта белыми облачками пара.

— Эй, вы чего? Ушиблись сильно? — затараторила Лера, забыв о погоне. — Вы меня извините, я... я в школу просто опаздываю, а тут эти... Я не хотела, честное слово!

Мужчина всё так же кривился от боли, не смотрел на неё и ничего ей не хотел отвечать. Только махнул рукой — мол, иди уже. Но Лера не могла. Она протянула к нему руки, вцепилась в рукав его тяжёлого пальто, помогла подняться, чувствуя, как он всем весом наваливается на неё. Поднявшись, он прислонился к стене, тяжело дыша, и снова махнул рукой — уходи. И Лера, сгорая от стыда и страха, оглядываясь по сторонам, спешно пошла дальше.

Погони больше не было. Парни исчезли, будто их и не было. То ли передумали связываться при свидетеле, то ли решили, что на с неё пока хватит.

В класс вошла почти со звонком. Ни на кого не глядя, нацепив маску безразличия, пошла к первой парте, где уже сидела высокая девочка в очках — та самая, что вчера поделилась учебником. Сегодня она тоже не смотрела на Леру, вела себя натянуто, но хотя бы молча

подвинула к ней учебник по литературе, раскрытый на нужной странице. Лера благодарно кивнула, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Лапина и её прихлебатели всё так же сидели на задних партах, но вели себя куда тише. Учительница литературы была древней, строгой и крикливой, и казалось, что её побаиваются все.

Когда прозвенел звонок, она вышла первой и постаралась быстро потеряться в толпе в коридоре. Юркнула в потоке старшеклассников, прошла мимо раздевалки, свернула к столовой, потерялась в ожидающей очереди. Невольно вдохнула запах свежей выпечки, дрожжевого теста и подгорелого масла, и тут же пожалела об этом. В животе заурчало, скрутило спазмом. На питание в столовой нужно было сдавать деньги — сразу за месяц вперёд. Денег у мамы пока что не было, так что придётся как-то перебиваться. Она свернула в туалет, набрала в ладони ледяной воды из-под крана и выпила, чтобы обмануть желудок.

Вид в зеркале её расстроил.

Россыпь мелких угрей по лбу и у носа — видимо, реакция на холод и волнение, — бледность до синевы, синяки под глазами, будто она не спала неделю, неровное, осунувшееся лицо. И волосы, её прекрасные летние волосы, теперь в печальном, печальном состоянии. Там, где она вырезала прядь, топорщились короткие, непослушные вихры, которые не удавалось пригладить ни водой, ни расчёской.

Пошла на урок химии, с радостью заметила, что Лапина и её шайка слиняли. Воздух стал не таким тяжёлым, и его хотелось хватать полной грудью.

Ближе к обеду удалось попасть в библиотеку. Библиотекарьша, полная женщина в вязаной кофте, долго искала её в списках, хмурилась, но в итоге выдала стопку потрёпанных, исписанных чужими руками учебников... Но всё же куда лучше, чем просить у кого-то и надеяться на милость.

Остаток дня прошёл спокойно. Она, по крайней мере, не слышала, чтобы кто-то упоминал её позор с жвачкой и волосами. На перемене она сидела в углу, уткнувшись в учебник, и делала вид, что читает. И лысый неформальный парень с последней парты, тот самый, даже бросил на неё пару заинтересованных и вроде как не враждебных взглядов.

Может, всё и устаканится. Просто нужно пережить первые дни.

Пока шла домой, вжимая голову в плечи и прижимая к груди сумку с драгоценными учебниками, заметила впереди знакомую фигуру. Хромающий, медленно и тяжело идущий мужчина. Шёл он, мимо припаркованных машин, и старался опереться на каждую, останавливался и пропускал редких прохожих, словно извиняясь за свою медлительность. Почти поравнялась с ним, как вдруг узнала в нём того, кого сбила утром. Встала как вкопанная посреди тропинки, залившись краской стыда.

У заднего входа ларька, кутаясь в шубку из искусственного меха, с сигаретой в зубах стояла продавщица с всё таким же недовольным, вечно помятым лицом и смотрела в никуда. Лера неловко свернула с тропинки и подошла к ней, топчась на месте, делая вид, что разглядывает рекламу с жвачками, дожидаясь, пока мужчина пройдёт подальше.

— Сигарету не дам, не проси, — холодно буркнула продавщица, даже не взглянув на неё.

— А с этим что? — зачем-то спросила Лерка, кивнув в сторону удаляющейся спины, словно ища себе оправдания для стояния на морозе.

— А этот... — продавщица проследила за её взглядом, глубоко затянулась и выпустила дым в сторону. — Дядя Миша это. В твоём доме живет. Мент, вроде, с Чечни вон недавно вернулся, с ранением, как я слыхала.

На душе у Леры немного отлегло. Значит, не она его покалечила. Воистину, бабки во дворе и продавщицы знали всё и вся.

— Нормальный мужик, вроде, не пьёт. Чё-то ходит, шевелится, подрабатывает, наверное, где. Сторожем, что ли... Говорят, в органы вернётся, как здоровье поправит, да до пенсии дослужит. Я слышала, у них пенсии хорошие, ветеранские.

— Понятно...

— А ты откуда такая? — вдруг спросила продавщица, уперев глаза в неё. — Тут живёшь, что ли? Не видала тебя раньше. Или видала?... Хм. Лицо знакомое, а не припомню.

— Я — Лера. Переехали мы с деревни сюда с мамой, вот только-только.

— А-а-а, — протянула продавщица с каким-то мрачным удовлетворением. — Так вы в хату того алкаша, который повесился, въехали? Ну, ясно, ясно. Я Нина Сергеевна, тоже тут недалеко живу, в соседнем подъезде. В долг не даю, предупреждаю сразу. Достали вы меня уже.

— Алкаш повесился?.. — пробормотала Лера. Слова вылетели сами собой, хрипло, как будто из неё выпустили воздух.

— Ну да. В этом году. Месяца три назад, что ли. Пил по-чёрному, жену выгнал, а потом словил белочку, да и в петлю прыгнул. Не знаю, чего там в голове у таких людей бывает. На трубе в ванной нашли. Говорят, жуткое было зрелище, слесаря потом водкой отпаивали. Этаж-то у вас третий, не выбросишься нормально, вот и придумывают чёрти что...

— В нашей квартире, получается... — голос Леры стал совсем тихим. — А Инесса Викторовна нам ничего не сказала.

— Да чё тут скажешь? У мужиков бывает. У меня дед тоже пил-пил, потом пошёл в сарай, да повесился. Бабка поплакала, поплакала, сказала: «Слава Богу, околел», да сняла кольцо. Нового нашла, а и забыла.

Раздался стук о металлические решётки ларька и деловитый кашель. Какой-то мужик в телогрейке потребовал пачку «Беломора», сдабривая просьбу нездоровым кашлём. Продавщица выбросила бычок в снег, задернула шубку поплотнее и пошла работать, бросив на Леру напоследок взгляд, полный не то жалости, не то любопытства.

Ванная.

Повесился.

Мертвец.

Она тщетно пыталась остановить картины, которые рисовало её воображение.

Вот он идёт в ванную, накидывает на трубу то ли верёвку, то ли ремень, смотрится в это самое зеркало, вешается, и так и качается там.

Жуткий, наверное, был, как нашли, распухший весь и гнилой.

И в зеркало это разбитое смотрелся.

А это же вообще беда. Бабка сколько раз ей говорила, что нельзя смотреться, что это «к покойнику», «к большой беде», что оттуда «нечисть ползть может». Разбитое зеркало даже выкидывать нельзя, его надо в реке утопить или закопать поглубже и подальше от дома.

Может, этот повешенный, так в зеркале и остался, или в доме у них, и это его она тогда почувствовала у зеркала и ночью.

А ведь ей туда ходить нужно будет, и зеркала другого в квартире нету.

В висках застучало, задрожали руки, застучали зубы.

И только поднявшись по лестнице, и продышавшись у квартиры, она немного смогла отогнать от себя это всё и собраться.

Перекрестилась три раза.

Отперла дверь, и вдруг застыла в проходе... в доме стало, наоборот, как-то уютнее. Пахло едой — жареным луком, тестом и картошкой, — звучал телевизор, из кухни доносилось шипение сковороды и мамино негромкое то ли пение, то ли бормотание. Лера замерла в прихожей, прислушиваясь.

Мама была трезвой, веселой и энергичной. Она успела многое: переставить часть мебели, вынести мусор, ещё на раз оттереть многострадальный линолеум, и теперь занималась уборкой на кухне и готовкой.

— Эдик принёс продуктов, а то в доме шаром покати было, — пояснила мама, вытирая руки полотенцем и улыбаясь. — Пять минут, и картошка готова будет, умывайся и за стол. А вечером пирожков понаделаю.

Лера ей улыбнулась в ответ и пошла переодеваться. Такой мама ей нравилась. Сразу как-то отлегло от сердца.

Руки она помыла на кухне. Села за стол. Пододвинула чистую блестящую тарелку, зарылась в неё вилок. От еды стало ещё лучше. Картошка, рассыпчатая, горячая, с хрустящей корочкой, ужарившийся лучок, свежий хлеб. Лера ела и чувствовала, как тепло разливается по телу, и как больше совсем не хочется думать о плохом.

— Мам? — робко спросила она, ковыряя вилок остатки картошки и стараясь есть медленно, как учили.

— М?

— Я тут слыхала от продавщицы... Что тут мужик повесился... В квартире этой.

— Чиво-о? — мама замерла с вилок у рта. — Какая продавщица? Меньше уши разевай и с алкашней местной общайся. Бабы они такие, от зависти знаешь чего наговорить могут. Лишь бы человеку настроение испортить. Если бы чего такого было, Иннушка бы нас предупредила. Она, конечно, та ещё... дама, но не враг же себе и нам.

— Тут странновато, — пожалала плечами Лера, глядя в тарелку. — Хотя сегодня получше. И зеркало это разбитое...

— Планировка, может, и странная, и дом старый, и тесным кажется после нашего деревенского домика, но, Лерк, ты ещё не поняла, как нам повезло. Это хоромы, настоящие. Крыша над головой есть, вода горячая круглый год под рукой, жопа в туалете не мерзнет. У тебя комната, у меня комната, и кухня такая, что ещё кто ночевать сможет. Живи да радуйся. Ну ремонтик придётся сделать, но это фигня, за неделю управимся.

— Я не про это, мама.

Мама вдруг снова ей улыбнулась по-тёпловому и придвинулась.

— Ты чего, заюшка? Спишь плохо, да? Неуютно тебе, да?

— Угу.

— На новом месте — это нормально.

Она протянула руку и погладила Леру по голове. Пальцы её скользнули по волосам, и на секунду Лера замерла, боясь, что мама нащупает выстриженный клочок. Но нет. Пронесло.

— Всё же не так, как было, не так, как ты привыкла. Лица новые, места новые, всё крутится, вертится, совсем другой ритм тут. Я, когда в общагу въехала при университете, вся на иголках месяц ходила, боялась, что выгонят или обворуют, а потом ничего, притёрлась. Так уж у людей заведено. Ты на этом не загоняйся, доченька. Всё же к лучшему, смотри на это так. Друзья у тебя новые появятся скоро, мальчишки какие, поступишь, отучишься, и совсем другая жизнь будет у тебя. Красивая, городская. Нужно только немного потерпеть.

Глава 3

Утро началось с урока физкультуры, о котором она едва не забыла.

В большом спортивном зале, собралась вся параллель — три или четыре класса. Ещё больше новых лиц. Ещё больше косых, оценивающих взглядов.

Были надежды на то, что в спортивной форме, одетая как все, она хоть немного затеряется и почувствует себя на своём месте. Но как только она зашла в раздевалку, всё сразу стало понятно.

Белая ворона.

Словно клеймо на ней какое-то, видимое только им, местным. Девчонки косились, перешёптывались, и стоило Лере сделать шаг в их сторону, как они шарахались, жались друг к другу, словно она была прокажённой.

Настроение, только-только начавшее налаживаться после вчерашнего спокойного дня, рухнуло вдребезги.

Как бы всё было просто, если бы она пришла на занятия со всеми первого сентября. Там бы у всех было что-то новое, были бы новые люди, обстоятельства, свершения, секреты, и она бы не так была заметна.

Ну почему? Почему они с мамой не уехали летом?

Потому что мама пила. Потому что маме было больно. Потому что маме было плохо.

А теперь вот плохо ей.

Вот Лере никогда не хотелось пить ТАК, чтобы ни было на душе. Если бы мама увидела себя со стороны, увидела, во что она превращается в таком состоянии, если бы она осознала всю эту картину, она бы точно больше никогда не пила ТАК. Почему люди вообще решили, что выпивка решает какие-то проблемы и как-то может вообще помочь?

Нет ответа. У взрослых же он должен быть. А его нет.

Чтобы никого не смущать, Лера выбрала шкафчик в дальнем углу раздевалки, у двери, ведущей в душевую. Она спешно переоделась, и старалась держаться холодно и надменно, будто бы это они к ней приехали и вторглись в её жизнь. Будто бы ей всё равно.

Пошла вместе со всеми, оглядела непривычно большой зал, сделала вид, что разминается.

Учительница физкультуры — худая, как тростинка, светловолосая женщина за тридцать, с выцветшими голубыми глазами и жидкой копной волос — вышла в центр зала из тренерской, поигрывая свистком на шнурке. Улыбка у неё была странная: широкая, но какая-то померкшая, вымученная, словно она улыбалась не потому, что ей весело, а потому, что так положено. Словно улыбка была частью формы, как спортивный костюм и кроссовки.

Свистнул свисток.

— Так, девочки! Сначала бегаем, потом растяжка, потом волейбол. Стройся! Быстреей, быстреей, времени мало!

Построились в неровную шеренгу вдоль стены.

Побежали.

Бежать было легко. В движении всё менялось. Тут не до взглядов и подколов — все стараются дышать, держать темп и не упасть глупо и нелепо, как мелкая очкастая девочка из параллельного класса в самом начале урока.

Бегать ей нравилось. В этом движении была какая-то свобода, особенно летом, где-нибудь по тропинке у поля или по берегу реки, когда ветер свистит в ушах, а ноги сами несут вперёд. По телу разливалось приятное тепло, дышать становилось легче с каждым кругом, голова прояснялась, в тебе словно просыпалась жизнь, а после всегда наступало расслабление — приятная, гудящая усталость в мышцах.

Но здесь, в душном зале, бег был другим. Пахло пылью и резиной, кроссовки скрипели по линолеуму, а в груди быстро закололо с непривычки, отвыкла она за зиму и переезды.

— Стройся! — снова прозвучал свисток, когда они закончили десятый круг. Лера остановилась, тяжело дыша, упёрлась руками в колени. — Так, сколько нас сегодня?.. Четыре команды будет. Василенко, Гараева, Мордич и Стасова — выйти из строя! Вы капитаны, быстро делитесь, и будем играть!

Капитанши вышли вперёд. Лица их стали озабоченными, взгляды — цепкими, оценивающими. Началась делёжка, всегда унижительная, как публичная порка. Первыми выбрали самых сильных, высоких или спортивных, потом тех, кто хоть как-то умел играть, потом просто подруг, а потом тех, кто останётся. Одной из первых выбрали Лапину, то ли по знакомству, то ли от греха подальше. Та вышла вперёд с довольной ухмылкой, поигрывая плечами, словно была не на уроке физкультуры, а на подиуме.

Лера на неё старалась не смотреть, но кожей чувствовала, что Лапина на неё поглядывает.

Фамилия за фамилией строй пустел. В нём оставалось всё меньше девушек, и думы капитанов становились всё тяжелее и дольше. Все четыре команды то и дело поглядывали на Леру.

Только бы не к Лапиной. Господи, только бы не к Лапиной.

Даже стоять с ней рядом будет отвратно, не говоря уже о том, чтобы играть в одной команде. Если Лапина будет за спиной, Лера не увидит, что та задумала. Не увидит, когда та решит подставить подножку, или ударить локтем, или сделать ещё что-то — что-то, что Лера даже представить боялась. Лучше уж играть против. Там хотя бы видно, откуда летит мяч.

Если она вообще сможет играть. Не повезёт её команде. В любом случае, выбрать Леру было ошибкой. Волейбол она не любила и не умела. В деревенской школе он был редким событием — чаще играли в лапту или в «вышибалы», бывали года, что даже сетку в зале не натягивали.

— Новенькая! Иди к нам! — позвала её наконец одна из капитанов — крепкая, смуглая девочка среднего роста с короткой стрижкой и серьёзным, почти мужским лицом.

Кажется, её фамилия была Гараева. В её голосе не было радости — только усталое смирение, как у человека, который берёт с полки последний, никому не нужный товар.

Лера вышла к ним, встала позади всех.

Свисток.

Игра началась.

Мяч сразу же полетел в сторону Леры, словно выбрав самое слабое место. Время замедлилось. Она успела испугаться, сменить в голове пару судорожных мыслей, нелепо подпрыгнула, выставив руки, и мяч ударил её в подбородок и грудь одновременно, с глухим, болезненным звоном. Каким-то чудом она всё-таки отразила подачу, и мяч, изменив траекторию, полетел к девочке, стоявшей рядом. Та, сбитая и ловкая, сумела исправить ситуацию и отправить его на другую сторону площадки, через сетку неплохо вложившись в удар.

Дыхание сбилось, подбородок и грудь начали садить, но она не показала виду, что ей больно. Пригнулась пониже, и попыталась сосредоточиться. Хорошо, что в лицо не прилетело. Вот бы все порадовались.

Дальнейшее унижение запомнилось слабо, как в тумане.

И её команда, и соперники играли хорошо. Никто в деревне так не играл. Мяч метался над сеткой с сухими, звонкими шлепками, девчонки кричали, двигались, падали, вскакивали, и Лера чувствовала себя неуклюжим медведем, случайно забредшим на чужую территорию. Она вспотела и промокла насквозь, не от нагрузки, а от переживаний. От страха, что мяч снова полетит в её сторону и что она облажается. Так, собственно, пару-тройку раз и случилось — мяч пролетал мимо, она мазала руками, спотыкалась о свои же ноги, и недовольные выкрики в её сторону сыпались градом:

- Принимай! Выше прыгай!
- Ну соберись, новенькая!
- Пас! Па-ас, тебе говорят!
- Растяпа!
- Кто так играет? Ты мяч вообще видишь?
- Да ё!..

Лера перестала слышать и понимать отдельные слова. Гул голосов слился в один раздражающий, давящий шум, и она просто двигалась на автомате, стараясь не мешать, и дать другим сделать всю работу.

Унижение закончилось проигрышем, свистком и позорной прогулкой до скамеек у стены. Там она отсела подальше от остальных, в самый угол, и смогла худо-бедно перевести дух. Сердце колотилось, в висках стучало, во рту пересохло. Капитанша — та самая Гараева — здорово взъелась, но, к удивлению Леры, не только на неё. Она песочила и песочила всех, размахивая руками и тыкая пальцем в грудь то одной, то другой девчонке, и от этого Лере стало чуть легче. Значит, не только она виновата.

Команда Лапиной тоже продула, но там девчонки даже не пытались напрягаться. Они хихикали, кривлялись, перебрасывались какими-то мерзкими шуточками, и было видно, что им плевать на игру. Лапина стояла, скрестив руки на груди, и лениво цедила слова сквозь зубы, а её подруги закатывали глаза и демонстративно зевали.

Урок всё не хотел заканчиваться. Теперь предстояло провести ещё один матч — уже между проигравшими, за третье место. И неожиданно Леру поставили на подачу.

— Так, слушай сюда, — к ней подошла капитанша, встала плечом к плечу, и вдруг принялась показывать, как подавать правильно. Голос её был усталым, но уже без злобы. — Подкидываешь вот так, не высоко. Руку отводишь назад, локоть выше. Кисть расслабь, не сжимай в кулак, поняла? Бьёшь вот сюда, в центр площадки. Если не успела ударить — лови мяч и перебрасывай. Главное — не суетись. Сделай глубокий вдох.

Разошлись по местам. Лера закусил губу, дёргая то плечами, то ногами, в голове прокручивая инструкцию, и пытаясь не спутать её отдельные части между собой. Подкинуть. Ответить. Расслабить кисть. Ударить.

— Жучка! — раздался громкий лай Лапиной с другой стороны сетки.

Лера стиснула зубы. Не смотреть. Не реагировать.

Она подкинула мяч — чуть выше, чем нужно, — прыгнула следом, оттянула руку, как показали, и вдруг зачем-то сжала ладонь в кулак. В последний момент кулак обмяк, и она ударила почти что запястьем. Мяч обжёг кожу, уколоч болью, но всё же сделал, что от него требовалось.

Она хотела попасть в центр площадки, но мяч полетел дальше, прямо на позицию Лапиной. И довольно быстро.

Она не ожидала. Да никто не ожидал. И Лапина точно так же, как Лера в первой игре, нелепо подпрыгнула, не успела вытянуть руки и... поймала мяч своим лицом.

Звук удара щёлкнул на весь зал. Мяч отскочил в сторону, коснулся пола, и вслед за этим раздался свисток, сигнализирующий об успешной атаке. Лера стояла, не веря своим глазам. Повисла тишина.

— Осторожней, девочки! — скорее проворковала, чем прокричала учительница, и улыбка на её лице даже не дрогнула. — Не спи, Лапина, кто же так ловит? Руки есть, руки! Ты бы их ещё за спину завела, ну! Просьпайся!

Лера не смотрела на Лапину. Не могла. Она смотрела на свою руку — красную, горящую от удара, трясущуюся. Комментарии и шуточки с той стороны площадки прервались, но там словно началась гроза, и Лера кожей чувствовала давление, исходящее оттуда.

Мяч перекинули через сетку и снова отдали Лере.

— Давай! Ещё раз! — Гараева улыбнулась ей, впервые за весь урок. — Хорошо сделала! Так их!

Лера взяла мяч. Глубоко вздохнула, чувствуя, как дрожат пальцы. Подкинула его — и не смогла ударить.

Она увидела, как в неё впились глазами Лапина.

На щеке у той горел красный, расплывающийся след от мяча — идеально круглый, словно печать. Лицо её было перекошено от ненависти, глаза налились кровью и бешено вращались, не находя себе места. Лапина не моргала. Смотрела прямо на Леру, сквозь сетку, сквозь воздух, сквозь всё. Взгляд этот был страшнее любого крика.

Раздался звонок.

То ли спасительный, то ли как удар похоронного колокола — Лера так и не поняла.

Учительница засвистела в свисток, хотела что-то сказать о том, что игра закончена, но все и так всё поняли, поэтому она просто опустила руку и пошла к выходу из зала, на ходу поправляя волосы.

Лера бросилась в раздевалку.

Нужно было успеть схватить вещи и выбежать, но она не успела.

— Ты чё, сука рваная, попутала?!

Лапина уже была тут. Она влетела в раздевалку через секунду после Леры, тяжело дыша, и сразу накинулась, со всей силы толкнув её в грудь. Лера пошатнулась, ударилась спиной о шкафчик, но устояла. Лапина попыталась толкнуть снова, но теперь Лера была готова, и они сцепились — руки в руки, пальцы впились в плечи, ногти царапали кожу.

Лапина была сильной, жилистой, но побороть Леру у неё не хватало сил. Так они и застыли посреди молчаливой толпы, сгрудившейся у входа. Никто не вмешивался. Все ждали развязки, затаив дыхание, как зрители в цирке.

— Ахерела в лицо швырять, псина? — заорала на неё Лапина. — Тебя уработать, а?

Лера тяжело дышала, раздумывая, как прекратить сцену. Отец учил её давать отпор и идти до конца, но как же сложно это было на практике.

— Тебе чё надо от меня?! — прошипела в ответ Лера, и это всё, что она смогла из себя выдать. Голос дрожал, срывался, но она не отводила взгляда.

— Чё ты там шипишь, мышь? — заорала Лапина, не получая словесного отпора, и снова начала бороться, словно почувствовав слабость. — Чё замолкла? А? Ссышь?

От криков стало больно ушам. Сколько себя помнила, Лера терпеть не могла крики. С самого раннего детства помнила, как мама и папа ругались и даже иногда дрались, и от каждого крика ей становилось не по себе, хотелось спрятаться под одеяло, закрыть уши руками, исчезнуть. И сейчас, в этой душной раздевалке, крик Лапиной бил по нервам, выбивая остатки самообладания.

Лапина дёргала её, всё ещё пытаясь побороть. Лицо её покраснело, на лбу выступили бисеринки пота, она запыхтела, но сдаваться не собиралась. В глазах её горело нечто большее, чем просто злость, — какая-то глубинная, почти животная ненависть, которой Лера не понимала.

— Чё потерялась, а? Нечего сказать? Затихла чё? Ты не Жучка, ты — Мышь! Мышь писклявая!

— Мышь! — злорадно взвизгнула одна из подруг Лапиной, стоявшая у входа.

— Мышь! — повторил кто-то ещё, и слово это прокатилось по раздевалке, как эхо.

— Внатуре, Мышь! Пискни ещё, Мышь!

И тут что-то в Лере сломалось. Или, наоборот, включилось — она и сама не поняла. Правая рука сама, будто отдельно от неё, взлетела и ударила Лапину по лицу. Звонкая, хлесткая пощёчина, от которой у самой Леры зазвенело в ушах.

Крики оборвались.

Удар пришёлся на ту же щёку, куда ранее попал мяч. Лапина потрясённо отшатнулась, выпустив плечи Леры, схватилась за лицо. Глаза её намокли, на нижнем веке задрожала слеза, но она не заплакала. Вместо этого она надолго замолчала, и лицо её вдруг стало неестественно спокойным и холодным.

— Ну всё, — сказала Лапина тихо, почти шёпотом, но так, что услышали все. Голос был ледяным, без всякой насмешки. — Тебе пиздец, тварь. Считай, что тебя похоронили. Гасись, Мышь.

Она повернулась спиной и пошла к своему шкафчику, переодеваться, будто бы ничего не случилось.

Лера совсем растерялась. Она стояла, опустив руки, и не могла пошевелиться. В глазах других девочек она увидела испуг — настоящий, непритворный. Будто бы угроза Лапиной была более чем реальной. Будто бы был вынесен приговор. Будто бы Леру и правда уже похоронили.

Она быстро переоделась, схватила сумку и выскочила из раздевалки, не оглядываясь.

На остальные уроки она шла как в тумане.

Думала, стоит ли извиниться перед Лапиной. Лера же не специально попала по ней мечом, не мстила или чего такого, ей вообще эти проблемы даром не нужны.

Но вряд ли бы это помогло. Извинениями Лапину не задобрить. Ей нужна была жертва, а Лера, сама того не желая, превратилась из жертвы в кого-то, кто дал сдачи, в противницу и соперницу. А это куда хуже. Жертву можно просто гнобить или оставить в покое, если стало скучно. А того, кто дал сдачи, нужно уничтожить. Растоптать. Чтобы другим неповадно было.

Хотелось хотя бы посмотреть ей в глаза, и найти там ответ на вопрос, что будет дальше, что она задумала, и насколько вообще взъелась, но Лапина на дальнейших уроках не появилась. Слияла, как обычно.

Два парня из её шайки, лысый громила и смуглый усатый, почему-то остались, и смотрели на Леру уже как-то по-другому. Не с любопытством, не с насмешкой, а с холодным, оценивающим интересом, будто бы они уже что-то задумали, что хотят сделать с ней в отместку. От этих взглядов ей становилось ещё страшнее, чем от криков и потасовки с Лапиной.

После последнего урока она покидала школу, смешавшись с толпой, стараясь быть как можно незаметнее. Шла окольными путями, через дворы, мимо гаражей, постоянно оглядываясь. Очень уж не хотелось встретить эту компашку по пути домой.

Уже подходя к дому, она услышала назойливое шорканье справа от себя — звук шин по асфальту и снегу. Повернула голову и увидела, что параллельно ей, почти вплотную к тротуару, медленно едет ярко-зелёная «девятка». Стекло со стороны пассажира было опущено, и водитель — молодой парень, небритый, с сальными, зачёсанными назад волосами и пустыми, водянистыми глазами, — странно ей улыбался.

Лера ускорила шаг. Машина тоже поехала быстрее, не отставая. Сердце заколотилось. Она почти побежала, вжимая голову в плечи, и вдруг услышала, как водитель тихо, почти ласково, произнёс:

— Эй, девочка... А ты куда спешишь? Давай подвезу. На машинке такой каталась уже?

Она не ответила. Только ускорила ещё сильнее, скользя по наледи. Спасительная дверь подъезда была уже совсем близко, как вдруг раздался грохот, и распахнулась дверь соседняя, ведущая в подвал. Оттуда показался здоровенный мусорный бак, и вслед за ним крепкий пожилой азиатский мужчина в робе ЖЭКа, и они перегородили спасительный путь.

— Здравствуйте, — неловко пробормотала Лера, не зная, куда ей деваться.

Дворник даже не взглянул на неё. Машина за её спиной взревела мотором и, визгнув шинами, умчалась прочь.

В квартире снова бубнил телевизор — какой-то женский голос что-то монотонно рассказывал, кажется, про погоду. Лера вошла, стараясь не шуметь, попыталась дышать ровнее и не торопиться. Сняла куртку, разулась, взяла сумку и на цыпочках пошла в свою комнату.

«Мышь!» — снова послышалось ей в голове, и она вздрогнула, чуть не выронив сумку.

Проходя мимо кухни, Лера вдруг остановилась, словно кто-то дёрнул её за плечо.

Воняло алкоголем. За столом, неподвижно, как изваяние, сидела мама. Она смотрела пустым, остекленевшим взглядом в тёмное окно, за которым уже сгущались ранние ноябрьские сумерки, и теребила в пальцах давно потухшую сигарету. В пепельнице громоздилась гора бычков, некоторые были раздавлены, некоторые сломаны пополам. Рядом стояла пустая бутылка из-под дешёвого портвейна и гранёный стакан с мутным осадком на дне.

Мама была растрёпана. Волосы, обычно собранные в аккуратный пучок, висели неопрятными прядями, закрывая пол-лица. Одежда была та же, что и вчера, — застиранная кофта с растянутым воротом. А под левым глазом, на скуле, цвёл свежий, лиловый, с чернотой по краям, синяк.

— М-мам? — тихо позвала Лера, застыв в дверях.

Мама не ответила. Только скривила губы — сухо, болезненно, — словно одно присутствие Леры причиняло ей боль.

— М-мам, — снова позвала Лера, и голос её дрогнул. — Ты запила, что ли?

— Тебя не спросили, — буркнула мама чужим, прокуренным голосом, не поворачивая головы. — Неблагодарная...

— Всё нормально? — Лера сделала шаг вперёд, вглядываясь в лицо матери, пытаясь понять, что произошло. Синяк был страшный, отёчный, и от него веяло такой безысходностью, что Лера задыхалась чаще.

— Нормально... — мама вдруг повернулась к ней, и в глазах её, мутных, красных, Лера увидела не злость, а какую-то раздражённость и зависть. — Это тебе вон молодого мальчишку просто закоблудить. Юбочку надела, колготки надела, мозги не надела, и всё готово! А мне только скоты и попадают. Как твой батька. Всё им мало, всё не так... Чё смотришь? Уроки иди делай! Нечего тут стоять, душу травить.

— Мам... — Лера выдохнула, пытаясь заставить голос не дрожать, и найти правильные слова. — Ты не пей, а. Пожалуйста. Давай чай поставлю, а? Поешь чего-нибудь...

— Ниче ты не понимаешь, шаболда малолетняя! — мама резко отвернулась обратно к окну. — С глаз уйди! Дай побыть одной!

Лера вздохнула, поняла, что разговаривать бесполезно, и пошла в свою комнату. Ноги были ватными, в груди что-то сжалось и не отпускало. Никогда она не могла найти слов. Всегда вот так — молчит и затыкается, когда надо кричать в ответ. Так работают ссоры, так люди выпускают пар, но она не могла выдать из себя и звука.

«Мышь!» — снова раздалось в голове, как эхо из раздевалки.

В комнате было душно. Батареи жарили нестерпимо, пришлось открыть окно и впустить внутрь непривычный городской смог. Он чувствовался в горле, неприятно скрёб его, даже хотелось кашлять. Лера села на кровать, обхватила себя руками и долго смотрела в одну точку на стене.

Сквозь гарь запахло чем-то кислым.

Лера сначала подумала, что это запахи от маминой попойки или не вынесенного мусора. Но запах шёл не из кухни. Он шёл от неё самой. От её одежды, от её кожи. Кислый, едкий запах пота и страха. В деревне они ходили в баню пару раз в неделю, и она никогда так не потела, даже когда тяжело работала, помогая маме рубить дрова или таскать корм. А здесь, в этой проклятой Москве, пот прошибал её каждый день, пропитывал одежду, въедался в поры.

С опаской она пошла в ванную.

Сразу же полилась тёплая, чистая вода — без всхлипов, без чёрной жижи, без стонов. Только ровный, успокаивающий шум. Это, конечно, щедрый подарок цивилизации, в сравнении с деревенским «сама натаскай и нагрей», вот бы всегда так работало.

Она заткнула слив пробкой, проверила температуру, нашла на полке обмылок хозяйственного мыла. Намылилась, натёрлась, даже с какой-то яростью, легла в воду. Горячая вода обожгла кожу, потом стало тепло, почти уютно. Она закрыла глаза и попыталась ни о чём не думать.

Не получилось.

Ком подкатил к горлу. Захотелось плакать. Словно шум воды был последней каплей, или вместе с грязью с неё сошли последние куски брони, которой она ещё могла принимать удары от этого мира. Слёзы потекли сами, беззвучно, смешиваясь с водой на щеках.

Плохи дела.

Ничего тут не клеится.

Мама снова запьёт. Как тогда, когда пропал отец, или даже хуже. Сначала будет пить тихо, по вечерам, потом всё чаще, потом перестанет соображать, перестанет говорить, перестанет волноваться о ней. Дом превратится в заросший мусором притон, куда будут приходить всякие личности — такие, как Эдик, или хуже, — и с каждым днём квартира будет становиться всё более чужой.

Даже в деревне ей уйти было некуда, но она могла хотя бы на пару-тройку ночей попроситься к подругам или дальним родственникам. Летом убежать в поля, в лес, к реке, где никто не тронет. А здесь — куда? Тут у неё никого нет. Она никого не знает.

Она вытерла слёзы ладонью, но они всё текли и текли. Больше она не могла плакать — просто хватала воздух маленькими, судорожными глотками, будто задыхалась. Чернота накатила так, что хотелось уже не плакать — хотелось завывать. Разбить что-нибудь. Ударить. Сделать себе больно, очень больно, чтобы заглушить эту боль внутри, которая не имела названия и не имела формы.

Взгляд упал на край ванны. Там, на белом фаянсе, лежала бритвенное лезвие, не вскрытое, в намокшей упаковке. Должно быть, осталась от прошлых жильцов, или мама забыла убрать. Лера схватила, не думая, порвала бумагу, сжала пальцами, изогнула.

Она знала, что это всё странно, и неправильно, но всё равно резанула себя по руке. Не глубоко, но достаточно, чтобы выступила кровь. Боль была резкой, чистой, и на мгновение чернота внутри отступила. Лера смотрела, как капли крови падают в воду и расплываются рваными, причудливыми облаками, и почувствовала странное, стыдное облегчение.

Вот так вот.

Она достала пробку, выключала воду, вышла из ванной, подняла глаза на треснувшее зеркало. Пар от горячей воды затуманил его, и отражение было размытым, нечётким. Лера протянула руку и протёрла зеркало.

Лампочка под потолком мигнула. Раз, другой.

Второе, смещённое в бок отражение, смотрело на неё с осуждением и презрением. Стало даже как-то не по себе.

Она замотала руку полотенцем, прижимая ткань к порезу. Кровь быстро остановилась, оставив на белой ткани рваное, алое пятно. Она натянула на себя старую, растянутую футболку, в которой спала, и пошла в свою комнату.

В коридоре было тихо. Из кухни не доносилось ни звука — мама, видимо, уснула прямо за столом или ушла в зал.

Уставилась на школьную сумку, с торчашими тетрадями и учебниками, вздохнула. Нужно было как-то заставить себя сделать домашку. Вот только сил на это совсем не было. Хотелось, чтобы её просто обняли и закрыли от всего этого.

Лера легла на скрипучую кровать, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок.
— Пап, — прошептала Лера в темноту. — Ты где?

Глава 4

Затрещал будильник.

Вынырнув с глубины тяжёлого и плотного сна, она попыталась найти его в темноте. Пошарила пальцами, неловко сбила его с тумбочки, он упал на пол с глухим стуком, но трещать не перестал — наоборот, сделался только громче и назойливее.

Как же это бесит.

Она подтянулась к краю кровати, свесилась вниз, нащупала проклятую штуковину. На мгновение представила, как сворачивает ей шею, словно курице, — с хрустом, дав волю всей своей злобе и ярости. Заткнула его, нажав на кнопку, отшвырнула в угол, где он стукнулся о плинтус и затих.

От резкого движения порез защипало, она посмотрела на руку: под засохшей корочкой запеклась тёмная кровь, а вокруг кожа покраснела и припухла.

Сна она не помнила, но впечатление внутри было такое, будто бы она снова дралась с этой Лапиной, и била её так от души, что их растаскивали, и хотелось ещё раз броситься и бить, бить, бить.

Это чувство постепенно отпускало её, вместе с успокаивающимся дыханием, и она снова постепенно осталась без сил.

Спустила ноги на холодный пол, поёжилась. Подошла к окну, откинула занавеску и всмотрелась в тёмное пространство улицы. Там, внизу, брели люди. С высоты третьего этажа они казались сонными муравьями — маленькими, жалкими, которых выгнали работать на холод и назад запустят только к вечеру. Они двигались торопливо, сгорбившись, пряча лица в воротники и шарфы, и в их движениях не было ни капли жизни — только усталая, механическая обречённость. И она, похоже, тоже превращается в одно из этих созданий.

Она отошла от окна, задёрнула занавеску.

В школу идти не хотелось. И оставаться дома с пьяной мамой тоже.

Побрела в ванную.

Включила свет — лампочка вспыхнула, зажужжала и загорелась ровным, мёртвенно-жёлтым светом. Взглянула в треснувшее зеркало — и вздрогнула.

На неё смотрела незнакомка.

Бледная, похудевшая, с впавшими, обведёнными синевой глазами, растрёпанная, в измятой, застиранной ночнушке, которая была ей велика и висела мешком. Она была похожа на призрака или на зловещую мертвячку из фильма ужасов, которые не стоило смотреть перед сном. Не мудрено, что к ней цепляются. Все такие модные в школе, нарядные, с хорошей кожей и волосами, а она... лахудра. Чучело.

Мышь.

Как смогла, привела себя в порядок. Умылась ледяной водой из-под крана. Расчесала волосы, стараясь прикрыть выстриженный клочок.

Заглянула на кухню.

Там было пусто и грязно. Мыть посуду и убирать со стола мама не собиралась. И всё что там было уже начало вонять.

Хотелось есть, но рыскать по этой помойке не хотелось сильнее.

Появились мысли пошариться в карманах у этого Эдика или мамы, взять немного, совсем чуть-чуть — просто на обед в школьной столовой. Она представила, как засовывает руку в чужую дублёнку, висящую в прихожей, нащупывает бумажник, вытаскивает мятую купюру или выскребаёт мелочь. Но тут же отогнала эти мысли. Ловили её уже на таком.

Ладно. Что-нибудь придумается.

Из-за закрытых дверей зала слышался шум — скрип кровати, приглушённый мужской голос, мамин смех. Лера быстро засобиравшись, натянула куртку, замотала шарф до самого носа, схватила сумку и выскочила прочь, в подъезд, в холод, в серое утро.

Она шла в школу окольными путями, петляя дворами, стараясь не выходить на открытые пространства. С этой Лапиной ещё предстояло разобраться, но сегодня у неё сил на такие встречи не было.

Почти дошла. Осталось только выйти из-за угла гаражей, пересечь школьный двор, подняться по обледенелым ступенькам, и она на месте.

Сзади раздались быстрые шаги, и пинок под зад свалил её в снег.

— Попалась, Мышь!

Было не то что бы больно, но испугалась она сильно. Утренняя ярость куда-то подевалась и спряталась, Лера оцепенела вся, и не понимала, что ей делать.

Второй пинок прилетел по заднице, подумала, что нужно закричать, но из горла возник только придурочный тонкий писк. Её схватили за шиворот, рывком поставили на колени, и тут же снова ударили. Она попыталась вырваться, но руки усатого держали крепко. Лапина стояла перед ней, оперев руки в бока, и улыбалась — нехорошей, предвкушающей улыбкой. На её щеке всё ещё краснел след от вчерашнего мяча. Громила стоял у неё за спиной, смурной и сосредоточенный, просто курил и не вмешивался.

— Ну чё, нищевродина? Думала, я забуду? Думала, тебе это с рук сойдёт?

Она замахнулась, и со всей силы дала пощечину, словно била по волейбольному мечу. В голове зазвенело, Лера зажмурилась, сжала зубы. Слезы сами брызнули из глаз — не от боли, от унижения.

— Смотрите, ревьёт уже! — засмеялся сзади усатый. — Мышь мокрая!

— Кошелёк где? — рявкнула Лапина, снова заноса руку для удара.

— Нету у меня!

— Чё, даже касаря нету? — лицо Лапиной вытянулось то ли от удивления, то ли от разочарования. — Нищевродка, ё-маё! И чё с тобой делать?

В животе у Леры вдруг громко зарычало то ли от голода, то ли от страха.

Лапина замерла, прислушалась. Потом расхохоталась — громко, заливисто, запрокинув голову.

— Это чё такое щас было?! Ты что, на меня рычишь, Мышь! Фу! Плохая Мышь!

Леру снова ударили — на этот раз по затылку, несильно, но обидно, так, что голова дёрнулась вперёд. Она уже не плакала — просто стояла на коленях в снегу, опустив голову, и ждала, когда это кончится.

И тут раздался голос — ленивый, с хрипотцой, совсем близко:

— Э, вы чё тут творите?

Лера подняла глаза. В нескольких шагах от них стоял Костя — тот самый неформальный парень с последней парты. В руке он держал незажжённую сигарету и смотрел на происходящее с выражением брезгливого любопытства, словно увидел что-то отвратительное, но уже не может отвести глаз.

— Чё палишь-то? Иди отсюда! Мешаешь! — гавкнул на него лысый громила.

— Чем мешаю? — без страха отмахнулся от него Костя. — А чё трогаете-то её? Мышь же. Самим-то не стрёмно?

— А ты чё, впрячься за неё хочешь? — громко пробасил лысый, угрожающе набычившись.

— Да больно надо мне, — холодно улыбнулся Костя. — Нам с ней ещё весь день сидеть. А вы её в грязи валяете тут. А если обоссаться? Нашли бы кого хоть с деньгами, или кто за себя постоять может. Стрёмно же.

Громила переглянулся с Лапиной. В их глазах мелькнула неуверенность — Костя был не из их круга, но обладал какой-то странной, непонятной им силой. Он не был здоровее или сильнее, просто не боялся их.

— А ты чё, запал на неё? — вдруг выпалила Лапина, окинув Костю оценивающим взглядом.

— На Мышь?! — Костя рассмеялся — искренне, громко, от души. — Ну уж щас! Дурная что ли?

Лапина не нашла, до чего докопаться. Она перевела взгляд на Леру, всё ещё стоявшую на коленях в снегу, и её лицо снова исказила злоба. Где-то в глубине школы прозвенел звонок.

— Ну? И чё нам с тобой делать, Мышкина? — Лапина схватила её за воротник и села на корточки напротив.

Лера молчала, чуть наклонив голову, готовая закрываться, если её снова ударят. Она не знала, что говорить. Любые слова сейчас только разозлили бы их сильнее.

— Значит так, — Лапина присела перед ней на корточки, заглянула в глаза. — За тобой косяк. А за косяки надо платить. Завтра принесёшь мне пятнашку. Для начала. А там посмотрим.

— У меня нет, — выдавила из себя Лера. Губы её дрожали, но голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

— Так ты найди. У родаков спроси, друзей, бабки, дедки, внучки, мне насрать. Не принесёшь — хуже будет. В унитазе поплаваешь, а там уже дорога одна... Скажешь кому — считай, похоронили тебя. Одно дело — Мышь, другое дело — Мышь-Полёвка. Уяснила?

Лера кивнула, не поднимая глаз.

— Ну бывай, Мышкина.

Лапина выпрямилась, кивнула своим, и вся компания, гогоча и перебрасываясь шутками, удалилась в сторону школы. Костя пошёл вслед за ними, а Лера осталась отряхивать снег и собирать вещи.

Прозвенел звонок.

Чтоб привести себя в порядок она выбрала туалет рядом с директорской. Во всех школах он был самым нелюбимым у учениц, меньше шансов с кем-то столкнуться. Лера подошла к зеркалу и едва не заплакала снова.

С трудом уложенные утром волосы были растрёпаны, и выстриженный клочок торчал во все стороны. На левой щеке и на шее — следы ногтей, красные, воспалённые. Губа разбита и припухла, под глазом наливался синяк. Куртка в грязных разводах, колготки порваны с внутренней стороны.

Так идти нельзя.

Только слепой не заметит, что её побили.

В коридоре раздался шум шагов и голоса, громкие и девчачьи. Лера метнулась к крайней кабинке, вжалась в угол, прикрыла дверь.

Вошли три девочки, вроде бы она видела их на физре. Встали у зеркал, начали поправлять макияж, красить губы, и, конечно, болтать. На руках у них были повязки дежурных.

— ...Я тебя умоляю, какая стрелка, кто за неё впрягаться будет? Всякий мусор к нам начали принимать, а когда-то была элитная гимназия.

— Ха, элита нашлась, ты сама с помойки! — заржала третья.

— Это ты с помойки! Я — коренная.

Они засмеялись — не зло, а как-то обыденно, будто обсуждали погоду или новый сериал. Лера стояла в кабинке, затаив дыхание, и чувствовала, как внутри всё холодеет.

Девочки ушли, оставив после себя запах дешёвых духов и лака для волос. Лера выждала ещё пару минут, потом вышла из кабинки, подошла к зеркалу и долго смотрела на своё отражение. Слёз уже не было, их словно выключили, и внутри всё замёрзло.

Она умылась, попыталась пригладить волосы мокрыми руками, стёрла кровь с губы. Стало чуть лучше, но всё равно — следы побоев были заметны. Особенно синяк под глазом, который набухал с каждой минутой, наливаясь лиловым.

Вместо урока отправилась к выходу из школы, торопясь и прислушиваясь, чтобы больше ни с кем не столкнуться.

Миновала пустой пост охраны, прошмыгнула мимо гардероба, открыла дверь, спустилась с крыльца, почти миновала двор, как увидела, что догоняет Костю, так же идущего прочь из школы. Он почему-то обернулся, пригляделся, остановился через пару шагов, и стал ждать, пока нагонит.

— А ты чё не пошла на урок? — спросил он.

— Не хочу. А ты?

— Настроения нет. Терпеть не могу эту химичку, докапывается вечно до меня, — ответил он монотонно и без эмоций, прищурился как-то странно, наклонил голову. — Родаки дома у тебя?

— Скорее всего, — пожала плечами Лера, ей стало немного не по себе. — Мне домой нельзя сейчас.

— И мне нельзя, — Костя вдруг усмехнулся, расслабленно и по-доброму. — Ну, пойдём гулять, чё. Чего тут стоять, как сычи.

— Холодно, — неуверенно сказала Лера.

— Это на улице холодно, — странно сказал Костя. — Темноты боишься?

— Нет... вроде.

— Вот и славно.

Он пошёл впереди, не оглядываясь, пиная носком ботинка попадавшие под ноги ледышки. Лера плелась сзади, кутаясь в шарф, и молчала.

Они прошли несколько домов, свернули в арку, потом ещё в одну, и оказались перед обшарпанной дверью подъезда старой девятиэтажки. Костя толкнул дверь плечом, и она со скрипом отворилась. Они поднялись до лифта, двери которого выглядели ещё хуже, чем в подъезде у Леры.

Костя вызвал лифт, и они вошли внутрь. Он ткнул кнопку последнего, девятого этажа, двери с лязгом закрылись, и кабина, дёрнувшись, поползла вверх. Внутри было грязновато, но Лера не подала виду.

На восьмом этаже лифт остановился, двери открылись, и Костя вдруг дёрнул её за руку, останавливая, когда она собралась выходить.

— Да стой ты. Смотри.

Он достал из рюкзака толстую, потрёпанную тетрадь, подождал, пока двери начнут закрываться, и в последний момент сунул тетрадь в щель. Её зажало дверьми, и свет в лифте погас. Кабина застыла между этажами.

— Во как, — важно сказал Костя.

Она ощутила, что в темноте он подошёл ближе, так близко, что она почти упёрлась лицом в её грудь. Она даже немного испугалась, и отступила к стенке, его руки потянулись куда-то её за спину, и она услышала за спиной странное «шлёп».

Вдруг он отступил, чиркнул в темноте зажигалкой, и странно мотнул ей головой. Она оглянулась и увидела позади себя лежащий у стенки лифта его рюкзак.

— Да, садись, ты, не стесняйся, — с улыбкой произнёс он, а сам прислонился к соседней стене и съёхал вниз, оказавшись на корточках.

Лера неуверенно приняла приглашение. Костя достал сигарету, прикурил её, погасил пламя зажигалки. В темноте было слышно только их дыхание и шипение сигареты, когда он затягивался. Где-то несколькими этажами ниже кто-то бил по кнопке вызова и грозно матерился, вызвав у Кости тихий смешок.

— Вот такое местечко есть, — сказал он в темноте, и Лера услышала в его голосе улыбку. — На чердаке, сука, щас холодно, и птицы там всё засрала. А тут хоть мою иногда.

— А люди не злятся, что лифт не работает? А если поймают? — спросила Лера, всё ещё слыша ругательства.

— Подвигаются, — хмыкнул Костя. — Будут зато ценить, что имеют. Да и мы недолго посидим, чего тут делать? Просто перекантоваться. Курить будешь? Я тебе оставлю.

— Не, спасибо, дома спалют.

— У меня тож мамка строгая, но курить меня уже поздно останавливать, запариться. Музыка-то какую слушаешь?

Вопрос застал её врасплох. Она задумалась.

— Да... не знаю. Чего есть, то и слушаю. По телевизору чего покажут, по радио.

— Эх ты, деревня! — Костя вдруг потянулся вперёд и легонько, но ощутимо врезал ей по плечу кулаком. Удар обжёг кожу даже через куртку. — Вы ж в своей Тьмутаракани ни рока, ни металла, наверное, не слышали, сельпо одно! Ха! Ничо-ничо, подруга, я тебе притараню пару кассет, просветишься хоть! Ты бы ваще в гости ко мне зашла при случае, когда мамки не будет, посидим, потусим, просвещу тебя, выпьешь, может, чего. Ты же пьёшь? Или совсем монашка? Коньяк, виски, кола? А?

— Коньяк пробовала один раз, на Новый год, — вспомнила Лера. — Папа налил чуть-чуть. Всё равно, что водка. Пью я, не монашка.

— Эх, вы бы, девчонки ещё чего-т понимали в жизни... — голос Кости вдруг оборвался, и в лифте стало как-то мрачновато. Он вздохнул и уже совсем другим голосом сказал: — А у меня бати нету, Помер. Давно уже.

— С-соболезную, — прошептала Лера.

Они помолчали. В тишине лифта было слышно, как где-то далеко внизу снова заругался мужик, а потом хлопнула дверь подъезда.

С Костей время пролетело незаметно.

Сначала просто бродили по району, потом Костя купил в ларьке бутылку «Пепси» и пакетик солёных орешков, и они сидели на детской площадке, на скрипучих качелях, мерзли и болтали. Вернее, говорил в основном Костя — о музыке, о фильмах, о местах в Москве, о книгах, которые Лера никогда не читала. Она слушала, кивала, иногда вставляла робкие фразы, и чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Он был грубым, резким, мог врезать по плечу или обозвать «деревней», но в его грубости не было злобы. Кажется, она ему была интересна и приятно, и это был первый человек в этой Москве, с которым хотя бы немного заладилась.

Потом они ещё прошлись, и он проводил её до дома.

Уже стемнело, зажглись редкие фонари, и их жёлтый свет разливался по снегу рваными лужами. Они остановились у поворота к её подъезду, он потянулся к ней, но вместо объятий вдруг не сильно толкнул её плечом, хохотнул и побрёл прочь, сунув руки в карманы пальто и втянув голову в плечи. Лера смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в сумерках.

Она постояла ещё немного, развернулась, собираясь идти домой, но вдруг замерла.

На балконе их квартиры, на третьем этаже, стоял Эдик, облокотившись на перила, и смотрел вниз, прямо на неё. В зубах у него тлела сигарета, и в темноте её огонёк казался зловещим, как глаз хищника. На его лице играла лёгкая, неприятная улыбка — он её заметил.

Идти домой сразу перехотелось.

Мусорные баки так и стояли на улице, перегораживая половину прохода, и Лера представила, как они с мамой выкидывают этого Эдика прямо туда, и как мусоровоз забирает его и увозит.

Дверь мусорокамеры была открыта, там горел свет, и Лера увидела очертания лестницы, ведущей вниз. Ей даже стало любопытно, что такого в этом подвале огромного дома, явно не похоже на деревенский подпол.

Эдик докупил, швырнул бычок вниз. Лера ещё постояла в нерешительности, потом развернулась и пошла к скамейкам у соседнего подъезда. На одной из них, сторбившись, болезненно сторбившись сидёл одинокий мужчина.

Сначала она приняла его за старика, но подойдя ближе, узнала в нём дядю Миша, которого не так давно сбила. Сбавила шаг, подумала развернуться и уйти, чтоб снова не раскраснеться от стыда, но отступить было поздно, он её заметил и, кажется, даже узнал.

— Здравствуйте, — неловко пропищала Лера.

Он просто кивнул ей, вымученно и выстрадаано, и ей вдруг стало жалко его. Она села на соседней скамейке, стараясь не смотреть на него, но украдкой разглядывала.

— А вы на войне были? — не удержалась и спросила Лера, кивнув на его ногу.

— Угу, — выдавил он из себя. — А ты чего тут? Поздно уже. Мамка, небось, волнуется.

— Да там хахаль её, — буркнула Лера, снова отводя взгляд. — Не хочу идти.

— Понятно, — тяжёло протянул дядя Миша. — А тебя как зовут-то?

— Лера. Я тут недавно, только переехали.

— А, видал тебя, да. Меня Мишей зовут, — ответил он без всякого энтузиазма, словно хотел, чтобы она отвязалась.

— Пойду я, наверное, — вздохнула Лера, поднимаясь. — А то, и правда, поздно.

Он кивнул, и снова уставился вдаль.

Она пошла к подъезду, поднялась на свой этаж, отперла дверь. Быстро стащила сапоги, бросила куртку на вешалку, прошмыгнула мимо кухни, откуда доносились голоса, и юркнула в свою комнату, закрыв за собой дверь. Прислонилась к ней спиной, выдохнула, села на кровать, начала раздеваться.

Без стука вошла мама. Скрестила руки на груди, прислонилась к косяку и уставилась на Леру укоризненно.

— Ну и где шлялась?

— Гуляла после школы, — буркнула Лера. — С одноклассником.

— И чё за тип? — мама прищурилась, и в её глазах мелькнул нехороший огонёк.

— Да нормальный... — Лера вздохнула и решила. — Мам, а Эдик этот чего вернулся?

— Помирились, — мама пожала плечами, будто это было само собой разумеющимся. —

Он мужчина горячий, терпеть не станет. Притереться просто надо.

— Мне он не нравится, — выдавила из себя Лера и заслужила мамину улыбку — ехидную, понимающую, но какую-то горькую.

— Ха! «Нравится — не нравится», — передразнила она. — «Терпи, моя красавица.» Батяка твой, знаешь, тоже не ангел был. Как ты родилась, пил он так, что ой-ёй. И дрались мы с ним, и выгоняла я его... Да чего я тебе рассказываю, так все живут. Там, знаешь, кто вот эти вот приличные типа, все такие ухоженные, у них за закрытыми дверями такое творится — сама не знаешь чего. В общем, не твоё это дело, Лерка. Вырастешь — поймёшь. Главное, чтоб мужик в доме был. Остальное приложится. Уроки делай и спать. И Эдика ты зря хаешь, он тебе мороженное купил, о тебе подумал. А ты...

Глава 5

Посреди ночи в глубине квартиры зазвонил телефон.

Звук был резкий, непривычный, надрывался в темноте.

Лера проснулась не сразу. Сначала звонок вплёлся в сон — стал частью полукошмара про школу, где она сидит на первой парте и ждёт звонка, чтобы скорее пойти домой. Звук вывел её из сна, она вынырнула на поверхность, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Никто не брал трубку.

Мелодия то нарастала, то смолкала на пару секунд, а потом снова взрывалась, и в этой настойчивости было что-то беспокойное, нервное, почти истерическое. Словно тот, кто звонил, точно знал, что дома есть люди, и не собирался отступать, пока не добьётся ответа. Лера лежала, затаив дыхание, и слушала, как звонок бьётся о стены квартиры. Мама не вставала. Из зала не доносилось ни звука — ни шагов, ни сонного бормотания.

Не дождавшись реакции, Лера спустила ноги на холодный пол, вышла в коридор. В темноте она двигалась на ощупь, касаясь пальцами шершавых обоев, пока не добралась до тумбочки. Телефон звонил уже тише, словно выдыхался, но всё ещё дрожал от напряжения.

Она сняла трубку, поднесла к уху.

— Да? Алло? Кто это?

Тишина.

Густая, вязкая, наполненная далёким электрическим гулом и потрескиванием. Она уже хотела повесить трубку, но вдруг ей показалось, что там, на другом конце, кто-то дышит. Неглубоко, часто, с присвистом, странно дышит, нездорово.

— Алло! — повторила она громче, и голос её дрогнул.

Короткие гудки.

Она осторожно положила трубку на рычаг и отступила на шаг.

Сердце ещё билось от испуга и экстренного подъёма, и ему никак не удавалось успокоиться. Станный это город. «Москва никогда не спит». Зачем кому-то звонить ночью? Что-то плохое случилось? Наверное, ошиблись номером и поняли это. Но почему тогда молчали? Почему не извинились?

Грубо как-то.

Лера вздохнула, развернулась и собралась идти обратно в свою комнату.

И замерла.

В проходе, перегородив путь, стояла тёмная фигура. Высокая, сутулая, в белой майке, обтягивающей рыхлое тело, и в широких семейных трусах, из которых торчали бледные волосатые ноги. Эдик. Он стоял неподвижно, подперев плечом дверной косяк и смотрел на неё иначе, чем раньше. Уже не как на пустое место. Взгляд был цепким, липким, оценивающим. Лера почувствовала, как по спине пробежал холодок, а руки сами собой потянулись к вороту ночнушки, чтобы прикрыться получше. Тонкая ткань, застиранная и почти прозрачная, вдруг показалась ей невесомой, несуществующей.

Он ничего не сказал. Просто поглазел ещё немного, а потом развернулся и ушёл обратно в, в темноту зала, откуда доносилось ровное, сонное дыхание матери. Лера стояла, вжавшись в стену, пока его шаги не стихли, а потом бросилась в свою комнату и плотно закрыла дверь. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всей квартире.

Она проснулась где-то под утро, когда по дому пошёл первый шум.

Снова разбитая и усталая.

В квартире было душно, будто в парилке, воздух стоял плотный и влажный. В горле пересохло так, что язык прилипал к нёбу, хотелось пить. Пахло странно. Морской тиной почему-то.

Лежать было как-то совсем неловко. Мягко. Слишком мягко. Она вдруг поняла, что проваливается — медленно, неотвратно, словно матрас под ней превратился в болотную трясины. Лера попыталась сесть, и у неё даже получилось — она оторвала спину от мокрой простыни, выпрямилась, упёрлась руками в кровать, чтобы приподняться и встать.

Ладоням было неприятно. Она словно опустила руки в обмелевшую речку и трогала затянутые тиной склизкие камни. Она опустила взгляд и увидела, как сквозь простыню проступает вода. Чёрная, мутная, маслянистая, с радужными разводами на поверхности. В ней плавали слипшиеся волосы, и что-то ещё, мерзкое, волокнистое, как разложившиеся водоросли или клочья истлевшей ткани. Вода была ледяной, обжигала кожу, и Лера чувствовала, как простыня и одеяло медленно, неотвратно уходят вниз, утягивая её за собой.

Она попыталась хвататься за края кровати, но пальцы соскальзывали. Она забарахталась, забила руками, и ушла под воду. Закашлялась, захлебнулась, попыталась закричать, но из горла вырвался только глухой, булькающий звук.

— Лера! Ле-ера! Да проснись ты, Боже! Проснись!

Звонкие шлепки, которые она услышала словно с глубины, из-под толщи воды, оказались пощёчинами. Мама щедро осыпала ими её лицо, и от каждого удара голова Леры дёргалась, а сознание по капле возвращалось в реальность. Она открыла глаза и не сразу поняла, кто перед ней. Лицо мамы было искажено тревогой и раздражением, волосы растрёпаны, халат наспех накинута.

— Ну ты, конечно... — пробормотала мама, отстраняясь. Она окинула взглядом кровать, и лицо её вытянулось. — Обоссалась, что ли? Вот это новости! Ну ты чего, ё-маё? Кошмар приснился?

Лера села, чувствуя, как сердце бешено колотится где-то в горле. Сон всё ещё держал её, не отпускал, и от того, что она вынырнула в реальность, легче не стало. Она опустила взгляд на кровать. Простыня была мокрой насквозь.

— Никогда такого не было, — растерянно добавила мама, и в её голосе проскользнуло что-то похожее на испуг. — Ты... себя чувствуешь? Температуры нет?

Лера спрятала глаза, покачала головой, не в силах выдать ни слова. Ей было страшно, но как-то по-другому — не так, как во сне. И очень стыдно. Она вскочила с кровати, и мокрая ночнушка прилипла к телу, обрисовывая острые коленки и выпирающие ключицы. Лера застыла, не зная, что делать — бежать в ванную? Переодеваться? Объяснять?

— Ладно, стираем... — нахмурилась мама, уже отворачиваясь. — Собирайся, в школу опоздаешь. Ну, дурдом. Стыдоба. Взрослая девка, же...

В проходе встал Эдик, подперев стену, и просто смотрел на то, что происходит с каменным лицом. Мама нахмурилась, начала стягивать простыню и доставать одеяло из пододеяльника, приговаривая что-то себе под нос. Лере отчаянно хотелось сказать, что ничего такого не случилось, что это просто... просто... Она сама не знала, что случилось и как такое вообще возможно. Может, она так вспотела из-за духоты и кошмара? Может, просто понюхать — и сразу станет понятно, что это не то, о чём подумала мама. Но вместо этого Лера просто стояла, как истукан, не в силах заставить себя говорить или делать что-то. Слова застряли в горле, превратились в плотный, болезненный стыдливый ком.

Мама вышла, не глядя на неё, унося мокрое бельё, Эдик пошёл спать дальше. Лера осталась одна, пытаясь прийти в себя и понять, что вообще происходит. Машинально она стала

раздеваться, сбросила одежду у двери и начала искать в шкафу смену. В голове не укладывалось. Мама на неё так посмотрела...

Следы вчерашней драки. Каким-то чудом мама не заметила, но если заметит — будет ещё скандал, будет «я же тебе говорила», будет визит в школу, вытащат эту Лапину, и будет уже не просто «Мышь», а «Мышь-Полёвка». Как только об этом узнают, проблемы у неё будут не только с Лапиной. Уже со всей школой.

Лера метнулась к столу, куда после переезда перекочевали косметички и швейные принадлежности. Отчаянно зарылась в ящик, отбрасывая в стороны катушки ниток, пуговицы, сломанные заколки. Нашла тональный крем, вытащила с облегчением. Она пользовалась им последний раз года два или три назад, лет в тринадцать лет, когда лицо вдруг засыпало прыщами.

Достала из сумочки крохотное зеркальце и принялась за работу. Крем был старый, загустевший, ложился неровно, пятнами. Синяк под глазом он скрыл — не полностью, но достаточно, чтобы при беглом взгляде не бросалось в глаза. Ссадины на скуле и шее она тоже замазала, растерев крем пальцами до ощущения маски на лице. Расчесала волосы, распустила их — всё-таки так меньше видно выстриженный клочок. Натянула джинсы и свитер с высоким воротом — чтобы скрыть порез на запястье и царапины на руках, и заодно выполнить желание матери: держаться тише и незаметнее.

В зеркале на неё снова смотрела чужая девочка — бледная, с неестественно ровным тоном лица, с лихорадочным блеском в глазах.

Завтракали вместе с Эдиком, будто бы ничего и не было.

Он сидел за кухонным столом в той же белой майке, но уже в брюках и носках, и пил чай, шумно прихлёбывая. Когда Лера вошла, он снова уставился — пристально, не мигая, будто она была ему что-то должна, и он ждал, когда она начнёт отдавать долг. Его глаза, тёмные, маслянистые, скользнули по её лицу, задержались на шее, спустились ниже, и Лера физически ощутила этот взгляд, как прикосновение. Ей захотелось прикрыться руками, но она заставила себя сесть за стол и устаться в тарелку.

Мама успела приготовить завтрак — тосты из белого хлеба, поджаренные на сковороде до хруста, и яичницу с луком и даже колбасой. Запах был густой, домашний, уютный, и он легко переборол неприязнь к Эдику, заставив желудок её желудка скулить. Лера ела быстро, не поднимая глаз, откусывая маленькие кусочки и стараясь не думать об Эдике, и не мешать никому.

Эдик закончил первым.

Отодвинул тарелку, прокашлялся, прикрыв рот ладонью, встал, потянулся и подошёл к маме, стоявшей у плиты. Поцеловал её в щёку, и направился к выходу. Проходя мимо Леры, он как бы случайно провёл тыльной стороной ладони по её спине — от лопаток до поясницы, — легко, почти невесомо, но достаточно ощутимо, чтобы она вздрогнула и замерла с куском хлеба в руке. Лера резко повернулась, глядя на него вопросительно. Но Эдик уже развернулся и устремился прочь, в прихожую, не оглядываясь, будто был совершенно не при делах.

— Я сегодня на базу поеду, на собеседование, — сказала мама, не оборачиваясь. Она мыла посуду, и её голос звучал буднично, даже весело. — Буду после обеда, а может, и вечером, если на работу устроят сразу. Ты после школы как придёшь, немного порядком займись, Лерк, а то не успеваю я ничего, грязью растаем.

— Хорошо, мама, — пробормотала Лера, всё ещё поглядывая в прихожую.

— В школу не опоздаешь?

— Нет, мам... — вздохнула Лера, вспомнив о грядущих разборках и Лапиной.

— Точно нормально себя чувствуешь?

— Угу.

Мама выключила воду, вытерла руки полотенцем и повернулась к ней, уставилась, будто ожидая признания. На мгновение Лере захотелось притвориться, что она идёт на уроки, а потом вернуться домой, дожидаться, пока мама уедет, и провести день в спокойствии и безопасности. Этот план показался ей спасительным, но прежде чем она встала, в голове вдруг созрел новый.

— Тут это, мам...

— Ну чего?

— Оказывается, учебники не все выдают. Некоторых в библиотеке нет. Нужно пятнадцать тысяч сдать, чтобы выдали полный комплект.

— Сколько-сколько?! — мама опешила и на несколько мгновений замерла с полотенцем в руке. — Они там совсем охренели, что ли? В Советах такого не было, всё бесплатно давали.

— Ну, вот так, — Лера стиснула пальцы под столом, молясь, чтобы обман удался. Она ненавидела врать, но это был единственный шанс получить деньги и, может быть, откупиться от Лапиной, и хоть что-то наладить в этой новой жизни.

Мама помрачнела, покачала головой, поставила тарелку на полотенце сушиться, и повернулась к Лере, скрестив руки на груди.

— Ну, дочка, придётся тебе как-то покрутиться пока. С одноклассниками позанимаешься, может, домой кого позовёшь учебники вместе почитать, заодно и сдружитесь. Нету у меня таких денег. И не знаю, когда будут. Нам ещё за коммуналку долг платить, и ремонт надо начинать делать поскорее, пока Инночка наша не передумала.

— А Эдик... — с надеждой протянула Лера, и тут же пожалела.

— А ты Эдику никто, дочка, — отрезала мама резко, стальным тоном. — Не надо его третировать. Нашла богатого дяденьку, ага! Эдик-то и мне не пойми кто — сегодня есть, завтра нет. А должна я ему быть не хочу, мне это не надо. Сами как-нибудь.

— Поняла, мам... — вздохнула Лера, опуская голову. Последняя надежда рухнула.

— А как у тебя дела в школе-то? Начала нагонять?

— Да. Тяжко пока что.

— Ну так, а кто тебе сказал, что будет легко? — мама смягчилась, подошла и погладила её по голове. Лера замерла, боясь, что пальцы наткнутся на выстриженный клочок или следы побоев, но мама ничего не заметила. — Ничё, образуется всё, просто надо немного попотеть. И спать тебе надо начать нормально, а не шараться до ночи и с мальчиками обжиматься.

— Я не обжималась! — надула губы Лера. — И легла не поздно. Не могу я тут спать, мам. Трубы по ночам щёлкают, мерещится всякое. Чертовщина какая-то.

— Ну, щёлкают и щёлкают, тебе жалко, что ли? Дом не новый, мы в таких ещё не жили.

— Мне тут не нравится... — пробормотала Лера, глядя в пол.

— Ха! — вспрыснула мама, и в её глазах загорелся лукавый огонёк. — Посмотрим на тебя летом, когда тут тусовки все эти молодёжные и концерты начнутся. Не нравится ей, как же. Вот буду тебе эти слова припоминать, когда тебя за уши уже не оттащить будет. Всё, коза, беги в школу. Некогда мне тут за тобой пелёнки стирать.

Лера поднялась, натянула куртку, замотала шарф, взяла сумку и вышла в подъезд. Настроение было мрачное, тяжёлое. Можно было пропустить школу, но какой в этом толк? Лапина никуда не денется. И не отстанет. Пересидеть не выйдет. Денег Лере не найти, да и не факт, что они помогут — Лапина может потребовать ещё, и потом ещё, до бесконечности. А

значит, нужно найти способ дать ей отпор. Или смириться и стать «Мышью» навсегда. Такой «стрёмной», как сказал Костя, чтоб её вообще не трогали.

Что-то скрипнуло. Лера вздрогнула и увидела, как дворник снова роется в мусорном баке за приоткрытой дверью подвала, рядом со входом в подъезд.

— Здравствуйте, — машинально выдавила она из себя, когда он уставился на неё в ответ.

Дворник ничего не сказал и отвернулся, продолжая копаться в мусоре, словно искал там что-то ценное.

День развился странно.

Костя не явился на занятия, зато компания Лапиной была в полном составе, отсидела всё руке, но вела себя тихо, даже как-то подозрительно тихо. Что-то задумали, как пить дать.

На пятом уроке они всё же свалили, Лера смогла выдохнуть и досидеть всё уроки без происшествий. На всякий случай, она не торопилась, и задержалась на окошке у кабинета, ожидая пока толпа в коридорах и у гардероба рассосётся.

У неё даже поднялось настроение, но только до той поры, пока она не спустилась вниз, к гардеробу.

Всё ещё шла неделя дежурства параллельного класса, номерки выдавали девочки, который Лера видела на физре, и прямо возле окошка там теперь тёрлась и Лапина вместе со своими головорезами. Как-никак ждали её.

Лера пожалела, что сдала вещи, но делать было нечего, пришлось идти и забирать.

— Ну чё, Мышь? — подошла Лапина, когда Лера отдала номера. — Пятнашку принесла?

— Нет у меня денег, — ответила Лера тихо, но твёрдо. — И не будет. Отстань от меня. Или драться будем.

— Драться будем? — с ехидной улыбкой переспросила Лапина. — Разве тебя не научили, что драться плохо?

Лера замолчала, не зная, что ответить. Ей казалось, что драка — это именно то, чего хотела Лапина, но её слова были сказаны так таким тоном, что Лере стало не по себе. Головорезы Лапиной и не думали подходить, и Лапина просто спокойно стояла рядом, не хватала её и не пыталась задержать.

Принесли куртку, девочка из гардероба странно ей улыбнулась какой-то жестокой и издевательской улыбкой. Лера выхватила у неё куртку, быстро надела, и вдруг замерла.

В рукаве не оказалось шарфа. Не просто шарфа, а шарфа, который подарил ей папа несколько зим назад.

Лера подняла испуганные глаза на девочку в гардеробе, попыталась отыскать слова и задать вопрос, потребовать, но Лапина её опередила.

— В толчке твой шарф! — рассмеялась она. — Иди забирай, драчунья!

Со всех сторон раздался смех, и оглушил Леру.

Она всё не могла сложить в одно целое озвученные слова, переводила взгляд с Лапиной на гардеробщиц и назад, молясь, что они посмеются, скажут, что пошутили и отдадут.

И по глазам и смеху поняла, что не отдадут.

— Я же тебе русским языком сказала: пятнашку, — наклонилась к ней Лапина. — Доставай, где хочешь. Нет денег — иди на трассу, заработай, деревня. А нет — пеняй на себя. Драться я с тобой не буду. В толчок тебя всю засуну, и всем расскажу. Будешь потом отработывать, но уже не передо мной, а перед всей школой!

Страх не было.

Только какое-то оглушение и непонимание, и сквозь них уже рвалась ярость.

Можно было бить, плевать, совать жвачку, но топить то, что осталось от папы?..

Лера стиснула пальцы в кулаки до боли.

И вдруг набросилась на неё.

Уже не пощечинами била, кулаками, куда попадёт.

Лапина оттолкнула её умело, отошла к стенке, поднырнула под неё, и схватила, притянула к себе. Тут же налетела её свора — то ли помогать, то ли растаскивать.

— Жукова!

Классная воровалась в их драку, Лапина тут же отпустила, а Лера ещё пару раз умудрилась взмахнуть руками в воздухе, пока её держали. В ушах стоял шум, перед глазами пелена.

Классная схватила Леру под руку и потащила по лестнице. Лапина спокойно пошла вслед за ними, мерзко улыбаясь, когда Лера пыталась обернуться.

— Ну, и что у вас опять? — вздохнула директриса, оторванная от бумаг, когда их завели в кабинет. — Сколько можно, Лапина?

— А я чё? Эт она на меня напала! Там все свидетели! — тут же выпалила Лапина, тыча пальцем в Леру. — Я просто подошла спросить, почему она меня на физре мячом в лицо ударила и потом ещё пощёчину дала, а она на меня бросилась, как зверюга какая-то! Все видели!

Классная кивнула, поджав губы.

— Новенькая Жукова из деревни приехала, видимо там другие порядки, — сказала она сухо. — Никто детьми не занимается. Кошмар какой-то!

Лера всё ещё не могла отдышаться, и сказанное ещё больше помешало ей дышать. Она открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле. На неё смотрели как на преступницу. Как на виноватую. Как на ту, кто всегда виновата, потому что чужая, потому что не такая, потому что не умеет кричать громко и убедительно.

— Жукова! — директор снял очки и потёр переносицу. — Я позвоню вашей матери. Вы меня вынудили. Нельзя так вести в стенах учебного заведения. Вы тут получаете образование! Знания и труд сделали из обезьяны человека, а вы тут кулаками машете! Я понимаю, мальчишки, у них всё там чешется, но вы-то девочка! Нельзя так себя вести!

Лера попыталась выдохнуть, собраться с мыслями и что-то начать говорить и объяснять, что она нормальная, что это Лапина всё начала и придирается к ней, что она забрала у неё дороге и испортила, но почему-то не смогла выжать из себя и звука. Классная вытолкнула их обоих в коридор. На лице Лапиной снова засияла неприятная ухмылка. Классная отпустила её, и отвела в сторону Леру.

— Домой иди, Жукова. На сегодня для тебя занятия закончены. Если такое повторится — будут закончены навсегда. В школу для дебилов и отсталых будешь ходить, поняла?

Ноги сами несли её по знакомому маршруту, сердце билось быстро и гулко, она почти не смотрела по сторонам, плакала, а в голове крутилась одна мысль: «Сейчас мама будет кричать».

Мама успела вернуться, вышла в коридор встречать, и Лера поняла, что до неё уже дозвонились. Лицо у неё было красное, глаза горели, губы сжаты в тонкую линию. Она стояла, скрепив руки, и смотрела на Леру так, словно видела её впервые.

— Ну, рассказывай, — голос мамы был ледяным. — Что ты там устроила? Драку? Прямо в школе? Ты с ума сошла?

— Мам, она первая начала, цепляется ко мне! — выпалила Лера, и слёзы сами брызнули из глаз.

— Ты меня позоришь перед всей школой! — мама почти кричала, но сдерживалась, чтобы не услышали соседи. — Я тут из кожи вон лезу, чтобы тебя в люди вывести, а ты мне что устраиваешь? Драки, враньё, ночные гулянки с мальчишками! Ты что о себе возомнила?

— Я не гуляла! Я просто... — Лера всхлипнула. — Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь!

— Всё я понимаю, — отрезала мама. — Иди в свою комнату и сиди там. Чтоб я тебя не видела до вечера. Уроки делай. А завтра пойдёшь в школу и извинишься перед этой девочкой. Поняла? И за ум возьмёшься. Дура малолетняя! Папкиного ремня на тебя нету!

Лера хотела возразить, но сил не было. Она молча кивнула, развернулась и пошла в свою комнату, хлопнула дверь.

Через некоторое время хлопнула входная дверь — пришёл Эдик. Она услышала его голос, мамин смех, потом разговор. Стены в квартире были тонкими, и Лера, сама того не желая, слышала, как мама жалуется ему на неё.

Эдик что-то отвечал — тихо, неразборчиво, — и мама снова смеялась, но уже как-то нервно, заискивающе.

Она не заметила, как уснула. Просто в какой-то момент темнота под веками стала плотнее, а голоса, её осуждающие, стихли.

Проснулась она от странного звука. Сначала не поняла, что это — ей показалось, что кто-то скребётся. Она приподнялась на локте, прислушалась.

Дверная ручка задрожала. Завертелась из стороны в сторону — сначала медленно, потом быстрее, с каким-то яростным, нетерпеливым усилием. Лера замерла, глядя на это, и вдруг отчётливо вспомнила: она не спала. Это не сон.

Дверь отворилась.

В проёме, освещённый тусклым светом из коридора, стоял Эдик. В своей белой майке и широких семейных трусах. В руке он сжимал согнутый вдвое ремень.

Эдик был пьян вусмерть. Это чувствовалось по тому, как он стоял — сгорбленный, покачивающийся, с неестественно блестящими глазами и капельками пота на лбу. Взгляд его был мутным, но при этом цепким, сфокусированным на ней. И в этом взгляде читалось нечто большее, чем просто пьяная дурь.

Он шагнул вперёд.

Лера вскрикнула. Тонко, пронзительно, как раненый зверёк. Вскочила с кровати и отпрыгнула к шкафу.

— Ты чё орёшь тут?!

В комнате вдруг оказалась мама. В халате, растрёпанная, с лицом, перекошенным от злости и испуга. Она миновала Эдика, даже не взглянув на него, и застыла посреди комнаты, готовая то ли дать Лере пощёчину, то ли просто наорать.

— Эдик ко мне ломился! — пискнула Лера.

— Ты чего придумываешь тут? — мама наконец повернулась к Эдику, и Лера с ужасом увидела, как её лицо меняется — с гневного на растерянное, потом на виноватое. Она словно искала у него подтверждения, что Лера врёт.

Эдик и бровью не повёл. Его взгляд сфокусировался, а лицо осталось каменным. Он ничего не сказал. Только завёл руку с ремнём за спину и пожал плечами — мол, он не при делах. Жест был настолько спокойным, настолько уверенным, что Лера на мгновение сама усомнилась в том, что происходит.

— Видишь? — тут же вступилась за него мама, поворачиваясь к Лере. — Перепутал просто комнаты. Ломился он к тебе, ага, размечталась! С тобой чего происходит-то, а? У нас в семье не принято позориться и скандалить. Ну-ка, бегом спать! И чтоб я больше этого не слышала!

Мама схватила Эдика за руку и потянула за собой, что-то воркуя ему на ухо — извиняясь, успокаивая, — а он шёл за ней послушно, как большой, опасный пёс, которого вовремя отдернули от добычи. Дверь за ними закрылась. В квартире снова стало тихо.

Лера осталась стоять, прижавшись к шкафу. Её трясло. Она смотрела на закрытую дверь и не могла заставить себя пошевелиться. Ей казалось, что стоит ей сделать шаг — и дверь снова откроется, и Эдик вернётся, на этот раз без свидетелей.

Сил больше не было находиться здесь.

Она не знала, сколько времени просидела вот так, вцепившись в ручку шкафа, прислушиваясь к каждому шороху. За стеной, в маминной комнате, сначала слышались голоса — мамин, быстрый, виноватый, и его, низкий, односложный. Потом всё стихло. Скрипнула кровать. Потом ещё раз. И тишина.

Лера подождала ещё немного — для верности. Потом тихо, как мышь (и прозвище вдруг показалось ей не обидным, а точным — да, она Мышь, маленький серый зверёк, который умеет прятаться и выживать), оделась. Натянула свитер, джинсы, надела сапоги. Собрала в сумку учебники, тетради, тональный крем. Выскользнула за дверь и аккуратно, без единого щелчка, закрыла её за собой.

В подъезде было темно и холодно. Лампочка так и не горела. Она спустилась по лестнице, держась за перила, вышла во двор и остановилась, втянув морозный воздух. Он обжёг лёгкие, но принёс странное облегчение. Здесь, на улице, под открытым небом, она хотя бы могла дышать.

На улице было темно и пусто. Окна домов не горели, фонари светили блёкло, и их жёлтый свет разливался по снегу рваными лужами. Вдалеке слышался шум редких машин, но здесь, во дворе, царила тишина, которую нарушать было даже как-то боязно.

Сначала она дуала пойти на лавку, где сидела с дядей Мишей или найти какое-то укромное место за гаражами. Но, постояв пару минут и почувствовав, как холод пробирается под куртку и начинает грызть уши, не прикрытые шарфом. Долго на таком морозе она не выдержит. Замёрзнет насмерть, как те бомжи, о которых рассказывали в новостях. Место, которое показал Костя — лифт в соседнем доме, — она не запомнила, да и ночью в чужой подъезд соваться было страшно.

Она повернулась обратно к своему подъезду, думая, что, может, всё-таки вернуться, и что она делает глупость. Пересидеть ночь на лестничной клетке на верхнем этаже или попробовать Костин фокус с лифтом, может и тут он сработает. А может просто пойти домой. Подпереть дверь столом... Её взгляд зацепился за соседнюю дверь. Та, что вела в подвал. Она была приоткрыта, и замка на ней не было.

Сама не зная зачем, Лера подошла ближе, положила пальцы на ледяную металлическую ручку, потянула на себя. Дверь со скрипом, но без особого сопротивления, открылась.

В небольшом тамбуре, освещённом тусклой лампочкой где-то в глубине, стояли мусорные баки на колёсиках. За ними виднелись очертания бетонных перил и лестницы, круто уходящей вниз, в темноту. Лера постояла в нерешительности, прислушиваясь. Где-то в глубине вылилась вода и тут же затихла. Больше ни звука.

Она заставила себя шагнуть вперёд, протиснулась между баками, стараясь не задеть их и не нашуметь, и начала спускаться. Лестница была сделана криво, и Лера едва не убилась, пару раз оступившись и потеряв равновесие.

Внизу было теплее, чем на улице, считай как в подъезде. Пол земляной, усыпан мелкой галькой, которая хрустела под ногами. Из него, как гнилые зубы, торчали бетонные сваи и основания стен, исписанные и исцарапанные — какими-то ругательствами, именами, годами. На стенах хаотично висели провода, а вдоль пола тянулись трубы — ржавые, потные, с каплями конденсата. Воздух был спёртый, пахло плесенью и едва ощутимо какой-то химической отравой.

Лере послышался шорох — где-то слева, в темноте. Она замерла, прислушалась. Тишина. Она постояла так с минуту, пытаясь понять, одна ли она тут, не живёт ли в подвале кто-то ещё — бомж, дворник, кошка, или стая крыс. Шорох не повторился. Может, показалось.

Она шагнула вперёд и тут же столкнулась лбом с низко висящей трубой. Зашипела, выругалась, схватилась за ушибленное место, на глазах выступили слёзы, какое-то время простояла, пока боль не утихла.

В углу, у подножия лестницы, она заметила кучу вещей дворника: мятые картонные коробки, банки с краской, слипшиеся кисти, какие-то инструменты, смотанные шланги. Ничего полезного или ценного, но одна картонка была достаточно большой и чистой. Лера взяла её, отряхнула от пыли, сложила пополам и понесла вглубь подвала, в боковое ответвление. Там было темнее, но зато дальше от входа, спокойнее.

Она прошла несколько пустых «комнат» — отсеков, разделённых бетонными перегородками, — и остановилась в одной из них, в той, что была почище. Положила картонку на земляной пол, сверху поставила сумку, села рядом, прижавшись спиной к стене.

Было ужасно от мысли, что ей приходится прятаться здесь, в подвале, как загнанному зверю. Но тут было тихо. Никто не ломился к ней в дверь, никто не смотрел голодными глазами, никто не требовал денег и не бил по лицу. Она закрыла глаза, оперлась подбородком на колени и стала ждать утра.

Глава 6

Она не заметила, как задремала. Сон был без сновидений, словно её выключили и потом включили, как телевизор. И это было даже хорошо. Что-то устала она от кошмаров.

Разбудили её голоса. Негромкие, но близкие — откуда-то сверху, с улицы, сквозь зарешечённые крошечные подвальные окошки. Они вплелись в остатки сна, превратились в неразборчивый гул, и Лера открыла глаза, не сразу поняв, где находится.

Попыталась пошевелиться и зашипела от боли. Шею заломило, плечи затекли, ноги онемели и отказывались слушаться. Она сидела на картонке, прислонившись спиной и плечом к стене, в неудобной, неестественной позе, и даже её юное тело не простило долгих часов сна в таких условиях.

Она заставила себя разогнуться, оперлась руками о колени и поднялась, чувствуя, как кровь с трудом пробивается к затекшим ногам. Они покалывали, словно тысячи иголок впивались в кожу, пытаясь выбить из неё новую порцию стонов. Лера постояла, переминаясь с ноги на ногу, растирая бёдра ладонями, и когда онемение немного отступило, огляделась.

Днём подвал выглядел уже не так уютно и безопасно. Грязный, ржавый, исписанный. Странное место. И странный поступок ночевать тут. Как вообще до этого дошло?

Она подхватила сумку, задвинула картонку подальше в трубы, чтобы никто не заметил, вдруг ещё раз понадобится. И на цыпочках, стараясь ступать бесшумно, двинулась к выходу. Поднялась по кривой лестнице, приоткрыла дверь, выглянула — и замерла.

Двор был полон народу. Не просто людей — машин. Скорая, милицейский УАЗ, грузовик ЖЭКа с надписью «Аварийная Служба».

Лера выскользнула из подвала, делая вид, что выходит из подъезда, и смешалась с группой зевак, собравшихся на почтительном расстоянии. Кто-то крестился, кто-то шептался, кто-то просто смотрел с любопытством.

— Случилось чего? — спросила Лера у молодого участкового, который что-то писал в папке, пристроив её на капоте УАЗа.

— Мужик с девятого помер, — сухо ответил участковый, не поднимая головы. — Оформляем.

— Да алкаш, — махнул рукой стоящий рядом сотрудник ЖЭКа в настолько грязной робе, будто он только что вылез из под земли. — Тащить его только из квартиры. Жирный, сука. Говорили ему: «бросай пить, Гриха», а он не бросил. Скотобаза.

— А ты с какой школы? — вдруг спросил участковый, поднимая глаза.

Сердце ёкнуло — сейчас начнутся вопросы, что она тут вообще делает, почему не на занятиях, вызовут маму, потом...

— Да вот с этой, — ответила она, стараясь говорить спокойно.

— А Катю Семашко не знаешь? Одиннадцатый класс.

— Не, не знаю.

— Сговорились вы что ли, — буркнул участковый, снова вернувшись к ручке и бумаге.

— Я новенькая, только переехала, — попыталась оправдаться Лера, словно была в чём-то виновата.

— Ага, — участковый утратил к ней интерес. — По ночам не шлейся тут.

— А чего такое?

— А ничего. Не шлейся — и всё.

Лера хотела спросить про девушку, но не решилась. Вместо этого спросила время.

— Десять доходит, — ответил сотрудник ЖЭКа, оголив часы.

Вдруг разговоры вокруг стихли. Четверо рабочих в грязных робах, кряхтя и матерясь, вынесли носилки из подъезда. Тело под простынёй было тяжёлым, и они то и дело перехваты-

вали его, балансируя на ступеньках. Женщина в белом халате открыла дверь скорой, и носилки задвинули внутрь.

Лера отвернулась. Ей не хотелось смотреть. Соседа этого она не то, что не знала, даже не видела никогда. Но тошнота подкатила к горлу, и во рту появился металлический привкус.

Ещё один покойник. Висельник у них в квартире, мужик этот, девочка пропала. Мрут, как мухи в этой Москве.

До неё вдруг дошло озвученное время. Она же опоздала. Два прогулянных урока — уже плохо, мама всё равно узнает, и устроит взбучку, но не такую, как за пропущенный целый день.

Она пошла прочь со двора, не оглядываясь. За спиной хлопнула дверца скорой, завёлся мотор, и скорая, не включая сирены, медленно выехала со двора.

В школе она привела себя в порядок в туалете на втором этаже — умылась ледяной водой, прополоскала рот, пригладила волосы. Синяк под глазом расплылся и пожелтел, стал менее заметным, но всё ещё бросался в глаза. Лера снова нанесла тональный крем — хоть чуть-чуть поможет. Губа всё ещё была припухшей, но уже не такой красной, зимой и не заметно, всё равно, что простуда.

Она подождала звонка на перемену, смешалась с толпой, текущей из одного кабинета в другой, и вошла в класс последней, уже после звонка, надеясь, что учительница не обратит внимания.

Застыла в дверях.

Её место на первой парте, рядом с тихой девочкой в очках, было занято. На нём сидела другая — Лера её раньше не видела. Худенькая, с коротко стриженными волосами, бледная, почти прозрачная, с тёмными кругами под глазами. Одета плохо, вещи явно не по размеру, вся закуталась в свитер. На парте перед ней лежала только одна тетрадь и ручка, учебника не было.

Лера замерла, не зная, куда сесть. Свободных мест остались только два — рядом с компанией Лапиной на задней парте и рядом с Костей у окна.

— Мышь! — раздался шёпот откуда-то сзади, и кто-то хихикнул.

Лера стиснула зубы. Костя, сидевший у окна и крутивший в руках авторучку, вдруг поднялся, вышел из-за своей парты, и жестом пригласил её сесть рядом.

Учительница обернулась, бросила короткий взгляд на Костю, потом на Леру, и снова повернулась к доске. Ей было всё равно.

Лера прошла к окну, села, не глядя на Костю. Сердце колотилось. Она чувствовала спиной взгляды Лапиной и её компании — тяжёлые, злые.

— Спасибо, — прошептала она, доставая тетрадь.

Костя безразлично пожал плечами.

Лера уткнулась в тетрадь, делая вид, что слушает учительницу. Та бубнила про экономическую политику, но в голове крутилось другое.

— Кто это? — спросила она, кивнув в сторону незнакомой девочки на первой парте.

— Марина, — Костя понизил голос почти до шёпота. — А, ты ж её не видела... Она редко ходит. Болеет. Рак у неё. Думали, уже не придёт. А она пришла. В том году классом всем к ней ходили несколько раз, а вот этом уже не ходим чего-то.

— А... — Лера не знала, что сказать. Она смотрела на худенькую спину Марины, на её острые лопатки, проступающие сквозь свитер, и чувствовала странную, щемящую жалость. Свои проблемы вдруг показались ей мелкими, глупыми.

— Э, а ты чё Мышь-то у себя посадил, защитник? Мы ей место-то зачем выделили? Не боишься зашквариться? — раздался сзади раздражённый, приглушённый голос Лапиной.

— Всё с Лерой нормально, — не поворачиваясь, спокойно ответил Костя, будто макнув Лапину лицом в грязь. — Это ты стрёмная, не понятно чё из себя строишь.

— Ты чё, попутал базар? — пробасил громила.

— Могу себе позволить, — так же спокойно ответил Костя. — Можем ещё раз выскочить раз на раз, если есть желание. А толпой на меня прыгнете — я своих приведу.

— Нефоров, что ли? — с вызовом хихикнул усатый.

— Цыган с рынка. Сам у них спросишь — нефоры они или нет, — в голосе Кости появилась лёгкая, холодная угроза.

На секунду в классе воцарилась тишина. Даже учительница, кажется, прислушивалась, хотя продолжала писать на доске.

— Это с каких пор за тебя цыгане впрягаются? — буркнул громила уже тише.

— Тебя ебать не должно, — отрезал Костя.

Разговор заглох. Лера почувствовала, как напряжение в классе спадает, но не до конца. Она обернулась — и встретилась взглядом с Лапиной. Та сидела, скрестив руки на груди, и смотрела с холодной ненавистью.

Лера отвернулась. Руки дрожали. Она сжала их в кулаки под партой, впила ногтями в ладони, и боль немного отрезвила.

Костя сидел спокойно и черкал на полях тетради каких-то чёртиков с рогами.

Оставшиеся два урока сокращённого субботнего дня прошли спокойно. Лапина больше не лезла, компания её сидела тихо, за спиной Кости было куда спокойнее, и Лера даже смогла немного поучиться. Костя всё так же сидел в своих мыслях, чертил что-то, а на последнем уроке и вовсе слушал плеер.

Когда прозвенел последний звонок, они неспешно собрались и пошли к гардеробу. Костя забрал свою куртку — длинное чёрное пальто, похожее на военную шинель, — и они вышли на крыльцо.

— Ты чего не учишься-то? — тихонько спросила его Лера.

— Ха, — широко улыбнулся Костя. — А ты чего думаешь из меня юрист или врач выйдет? Не выйдет, я давно знаю. Как-нибудь доучусь, и найду себе дело.

— Какое?

— Если б знал, уже б не ходил в школу... А, малая, чуть не забыл! — Костя вдруг сдвинул рюкзак с плеча, залез в него и вытащил кассету и сложенный в несколько раз лист бумаги. — Держи. Подгон тебе.

Лера взяла подарки, удивлённо рассматривая. Кассета с яркой наклейкой — «Кино», Лист оказался плакатом — чёрно-белым, с размытыми лицами и какими-то странными символами на английском, настолько зарисованными, что их было уже не узнать.

— Что это? — спросила она, не зная, смеяться или серьёзно благодарить.

— Чтоб деревней не называли. Приобщайся к культуре, ты ж в столице теперь. Во, «Кино», ваще заслушаешься. Ну и плакат тебе, а то комната у тебя, небось, пустая и стрёмная.

Лера смутилась.

— У меня и плеера-то нет...

— Нет кассетника? — Костя удивлённо поднял бровь. — Как ты живёшь вообще без музыки? Ну ладно, порешаем. Будешь должна, но мы придумаем, как тебе отработать.

Он неловко улыбнулся, будто сказал глупую шутку, Лера неуверенно улыбнулась в ответ. На секунду показалось, что между ними пробежало что-то тёплое, почти дружеское.

— До дома проводить? — спросил Костя.

— Не хочу домой, — вздохнула Лера, и улыбка сползла с её лица.

— Ну... тогда давай до рынка прошвырнёмся, перекусим чего-нибудь. Я угощаю, — добавил он, увидев её сомнения. — Бабки есть. Хычин знаешь, что такое?

— Не знаю.

— Ну вот и узнаешь. Пойдём, тут недалеко, как раз нагуляешься.

Они вышли к дороге, остановкам, каким-то магазинам и вполне себе симпатичному проспекту. Костя шагал быстро, широко, и Лере приходилось почти бежать, чтобы не отставать. Но это было даже хорошо — движение согревало, отвлекало от мыслей.

Рынок оказался огромным — ряды палаток, лотков, прилавков, наваленных друг на друга. Торговцы кричали, зазывали, торговались до победного. Пахло жареным мясом, луком, специями, бензином и дешёвой парфюмерией. Лера никогда не видела такого скопления людей и товаров. Ей стало даже немного дурно.

Костя уверенно провёл её между рядами к небольшой палатке, до ларька-закусочной, постучал в окошко, сделал заказ, дождался готовности и отвёл её к круглому столику на улице под большим зонтом.

Хычин оказался большой, румяной лепёшкой, разрезанной на четыре треугольника. Внутри — сочное мясо, лук, зелень, и всё это пропитано маслом и соком. Лера откусила и чуть не застонала от удовольствия. Горячее, сытное, вкусное. Она ела быстро, почти жадно, обжигаясь, и Костя смотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Ну чё, деревня, как тебе заморское лакомство?

— Офигеть как вкусно, — пробормотала Лера с набитым ртом и тут же смутилась. — Спасибо.

— Да не за что.

Они ели молча, пили чай из пластиковых стаканчиков, и Лера впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на покой. Просто сидеть, есть, не думать о Лапиной, о маме, об Эдике, и мертвецах в квартирах. Просто быть. Вот бы Москва всегда была такой.

— Лер, мне тут заглянуть надо по делам, — сказал Костя, доедая последний кусок. — Ты тут потришь, посмотри чё-нить, а я вернусь минут через пятнадцать, договор?

— Хорошо, — кивнула Лера.

Костя ушёл, быстро растворившись в толпе. Лера выкинула стаканчики и салфетки в мусорку, прошла по рядам, разглядывая одежду, обувь, косметику — всё то, чего у неё не было и, наверное, не будет. Цены были какие-то безумные, она таких денег в жизни-то и не видела. Пара джинсов стоила как бабкина пенсия за полгода.

Она засмотрелась на яркий свитер в витрине и вдруг почувствовала, как кто-то схватил её за руку — цепко, костляво, неожиданно. Лера дёрнулась, обернулась и увидела старуху, морщинистую, с цветастым платком, золотыми зубами. Цыганка. Рядом стояли ещё две — помоложе, но такие же неприятные, с чёрными глазами-бусинками.

— Дай погадаю, красавица! — голос цыганки был скрипучим, но вкрадчивым. — Большая любовь тебя ждёт! Дай ручку, всё расскажу!

Лера попыталась выдернуть руку, но не смогла. Пальцы цыганки схватили её как клещи. Она вдруг почувствовала странную слабость, будто всё тело налилось свинцом. Глаза цыганки — чёрные, бездонные, как колодцы, — затягивали, не давали отвести взгляд. Лера смотрела в них и не могла пошевелиться.

Улыбка на лице цыганки вдруг исчезла. Глаза её ещё больше впали в глазницы, стали мёртвыми, как у покойницы. И совсем другим голосом — хриплым, низким, почти мужским — она прошипела:

— Не-ет... не будет у тебя любви. Только страх... Колесо крутиться. Мамка твоя приворожила... вот он и сгинул. В канаве лёг и умер, снег уже лежал и его присыпал. Найдут скоро, не в своей могиле зароят. Пошла расплата. Всё теперь сгинете. Её бутылка заберёт, а тебя — самозванец. Чёрный человек. Чёрный, как копоть... В колокол звонит! По тебе звонит! Идёт за тобой! Идёт, видит тебя, уже скоро...

Голос цыганки сорвался на хрип, она закашлялась, забилась, но не отпускала руку Леры. Две другие цыганки стояли молча, бледные, с расширенными глазами, и не вмешивались.

— Сдохнешь! — закричала старуха, захлёбываясь слюной. — Сдохнешь! Будешь жить в трубах! В трубах будешь жить!

Пальцы её сжались ещё сильнее, впелись в кожу, и Лере показалось, что она чувствует, как ногти входят в мясо. Боль отрезвила, вернула в реальность. Она резко дёрнула руку, вырвала её из захвата, отшатнулась, и со всей силы ударила цыганку ладонью по лицу — не соображая, что делает.

Старуха отшатнулась, едва не упала, и Лера испугалась, что сейчас на неё набросятся все трое. Но они не набросились. Стояли, смотрели на неё с каким-то странным выражением — не злым, а испуганным, даже почтительным. Потом медленно, не говоря ни слова, развернулись и ушли, растворились в толпе, будто их и не было.

Лера стояла, тяжело дыша, и смотрела им вслед. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумело.

— Лер? Ты чё?

Она обернулась. Костя стоял в двух шагах, настороженно глядя на неё.

— Ничего, — выдавила она. — Цыганка привязалась.

— А, эти. Ты им сразу говори, что проклянешь, и что бабка у тебя колдовала, и к чёрту шли, быстро отстанут, суеверные и дурные. Ты конечно сама ещё, зенками своими деревенскими наивными хлопаешь, вот к тебе и докопались...

Костя был какой-то напряжённый, взбудораженный, улыбка была нервной. Он оглянулся по сторонам, сунул руки в карманы пальто.

— Мне надо ещё отойти, товар принять, раскидать по адресам. Ты сама домой сможешь дойти? Это вот в ту сторону.

— Смогу, — кивнула Лера, хотя домой идти не хотелось. — Какой товар?

— Да всякий. Шмотки, шампуни, химию. Я ж говорил — батьки нет, вот подрабатываю. Мать одна не тянет.

Костю отпускать совсем не хотелось, но видно было, что ему правда пора.

— Ну бывай, — сказал Костя и вдруг, неловко, порывисто притянул её к себе и обнял за плечи. Лера замерла на секунду, потом обняла в ответ.

— Спасибо, — прошептала она.

— Да не за что, — отстранился Костя. — Снюхаемся позже.

Он развернулся и быстро пошёл к двухэтажному зданию в глубине рынка, где у входа топтались какие-то хмурые люди в чёрных куртках. Лера посмотрела ему вслед, потом повернулась и побрела к выходу с рынка.

На обратном пути она встретила дядю Мишу. Он шёл неспешно, прихрамывая и выбирая дорогу, да ещё поддерживал под руку маленькую сгорбленную старушку в пуховом платке. Старушка была совсем древняя — пригнутая к земле временем и нелёгкой жизнью, лицо в морщинах, глаза выцвели и смотрели куда-то внутрь себя, ноги еле передвигались мелкими, шаркающими шажками. Дядя Миша вёл её бережно, как ребёнка.

— Здравствуйте, — сказала Лера, поравнявшись с ними.

Дядя Миша просто кивнул, не глядя на неё, а старушка вдруг остановилась, подняла голову, уставилась на Леру мутными глазами. И вдруг улыбнулась, искренне так и тепло.

— О, Лена вернулась! — проворковала она. — Чего ж ты не сказала, что к родителям уедешь, волновалась я...

— Я — Лера, — Лера растерянно посмотрела на дядю Мишу.

— Это мама моя, — пояснил он, негромко. — Совсем уже старушка, воображает плохо. Не обращай внимания. Если обознается — просто поздоровайся и всё.

— Понятно, — кивнула Лера, хотя поняла не всё.

— Пойдём, мам, — дядя Миша потянул старушку за руку. — Холодно.

— Лена вернулась, — продолжала улыбаться старушка.

Они медленно пошли дальше, а Лера смотрела им вслед, чувствуя странную, щемящую тоску. Мама была не в порядке, но сын, даже сам болея, заботился о ней, так чутко и трогательно. А когда Лера не в порядке её только ругают. Хорошо хоть шлангом от стиральной машинки стегать перестали.

Лера уставилась на свой дом, который выглядел ещё более мрачно, чем в первый день. На этот раз над ним вилась стая воронов. В голове снова прокрутились жуткие слова цыганки.

Домой не хотелось, она уже зашла во двор и шла мимо лавок, где сидел выводок местных старушек, и о чём-то спорили. Сама не зная зачем, Лера остановилась возле них.

— П... простите, — старушки замолкли, словно курицы на зерно повернули на беспокойные головы и замерли. — А вы тут ничего странного не замечали?

— Как это не замечали? — вывалила на неё глаза одна из старушек, хватаясь за крестик. — Тут место проклятое! Воронка чёрная над головами! А ещё девчонки пропадают, и маньяк завёлся!

— Какой маньяк? — опешила Лера.

— А не говорят какой, — холодно фыркнула средняя и отвернулась. — Спецом, чтобы мы и не знали от кого бежать, случись чего. Ловим, говорят, не мешайте. Вечером только не ходите по парку, и с остановки, чтоб мужья и отцы встречали. Ага. А у кого отца нету, им что дельвать? Новости посмотришь — всё в этих маньяках. Мужиков нет, только одни маньяки и остались! Вот до чего народ довели!

— Да нет никакого маньяка, участковый же сказал, — буркнула тучная. — В Союзе не было, и сейчас нету. Враки.

Старушки выглядели одна неадекватней другой, и Лера немного пожалела, что подошла к ним.

— А у вас тоже вода странно бывает идёт? Трубы щёлкают? — спросила она о том, что её волновало.

— А трубы разворовали, милочка. Когда на новые насобирают, кто ж его знает. Времена тяжёлые.

— Понятно, — вздохнула Лера. — А с мамой дяди Миши что?

— В смысле что? Померла что ли? — оживились старушки.

— Нет, сегодня видела, не в себе она, да?

— Ты до её годков доживи, тоже не в себе будешь, — рассмеялась тучная. — Хорошо сын нашёлся и присматривает за ней, не то что у некоторых. Олег-то вон мой, хоть бы раз в год объявился. Помру скоро, а так и не поговорили нормально.

Не зря ей не хотелось домой.

Как в воду глядела. Мама и Эдик никуда не выходили, вчерашняя попойка продолжилась и только набирала обороты.

Мама сидела за столом в том же халате, что и утром, перед ней стояла наполовину пустая бутылка портвейна и грязная тарелка. Глаза у неё были мутные, красные, но она ещё держалась — не спала, не ушла в беспамятство.

На диване в зале, вытянувшись во всю длину и свесив руку до пола, спал Эдик. Он был в одной майке и трусах, ботинки валялись под столом. Храпел так, что стены дрожали.

— Пришла? — мама подняла на неё тяжёлый взгляд. — Где шлялась?

— В школе была, — тихо сказала Лера, снимая куртку. — Потом уроки пошла делать к однокласснице, как ты и сказала.

— Смотри мне, — мама отпила из стакана, поморщилась.

— Всё хорошо мам, я пойду дальше уроки делать, — буркнула Лера, не желая видеть маму такой, и пошла в свою комнату.

Она закрыла дверь, села на кровать и уставилась в стену. Только она увидела маму пьяной, как силы у неё словно все высосали. Слова цыганки снова зазвучали в голове.

«Бутылка заберёт».

«Все сгините».

Вечер тянулся медленно, вязко. Мама выпила ещё, потом уснула прямо за столом. Эдик так и не проснулся. Лера сходила на кухню, поела холодной картошки из кастрюли, запила чаем. Вымыла посуду — не потому, что хотелось, а чтобы занять руки, и чтобы у мамы не было повода с ней скандалить. Потом вернулась в комнату, легла на кровать, уставилась в потолок.

Через какое-то время снова зазвонил телефон. Лера ждала, что встанет мама. Но мама не вставала. Звонок продолжался — пять гудков, десять.

Лера поднялась, вышла в коридор, сняла трубку.

— Аллю?

Тишина. Гудки. И чьё-то дыхание — неглубокое, частое, с присвистом. Кто-то слушал её, не отвечая.

— Аллю! — повторила она громче. — Что вам нужно?

Глава 7

— Ну как ты, дочка?

От голоса папы в груди стало тепло, и тут же защемило сердце. Какая-то часть Леры сразу же поняла, что она во сне. Она тут же попыталась закопать эту мысль поглубже, забыть и не принимать во внимание.

Вокруг было темно и мутно, словно она плавала ночью в реке и решила занырнуть на самую глубину. Она не стояла на ногах — она парила, медленно движимая невидимым, ленивым течением, и собственное тело казалось ей чужим и почти невесомым. В этой мутноте папу было не разглядеть — впереди маячило только размытое, дрожащее пятно, от которого и исходил голос.

— Я нормально... — прошептала Лера, и её голос исказился, разошёлся вокруг странным, металлическим эхом, как будто она говорила в пустую бочку.

— Вижу же, что нет, — мягко ответил голос. — Что у тебя случилось, дочка?

— Прости, папа, мне тут очень плохо, — голос Леры надорвался. — Я... я не справляюсь. Тут всё чужое... Я... Я...

— Спокойное море моряка не воспитает, — тут же ответил голос, словно не желая её слушать.

Глупая, до скрежета знакомая фраза повисла в зыбкой тишине, и от неё по воде пошли круги — медленные, маслянистые.

Отец никогда не был на настоящем море. По молодости, после армии, с год отработал на речном судоходстве — ходил на какой-то посудине по Оке и Волге, но оттуда нахватался словечек и присказок на всю жизнь. «Спокойное море моряка не воспитает», «семь футов под килем», «держи нос по ветру» — он сыпал ими к месту и не к месту. И обычно Леру эти его присказки бесили до зубного скрежета. Но не сейчас. Сейчас она отдала бы всё на свете, чтобы услышать их снова — наяву, а не в этом вязком подводном мороке.

— Где ты? — спросила она, и вопрос этот вырвался сам собой, помимо её воли.

Отец ничего не ответил. Вода вокруг сгустилась, стала холоднее, и вдруг его лицо сформировалось из темноты — проступило, как изображение на фотобумаге, опущенной в проявитель. Оно было тревожным и бледным, с неестественно тёмными провалами глаз, страшным, ни мёртвым и не живым.

— Тебе сюда не нужно, — произнёс он, и голос его стал глуше, словно доносился уже не спереди, а отовсюду сразу. — Быть беде. Будь осторожна. Я не зову тебя. Ещё рано.

— Куда не нужно? — Лера попыталась двинуться к нему, но вода стала плотной, как смола, и не пускала. — Пап, куда? О чём ты?

— Папа рядом, — прошелестело в ответ, и пятно впереди начало таять, расплываться, уходить в глубину, пока не исчезло совсем.

Лера проснулась на глубоком, судорожном вдох. Она приподнялась на подушке, дико озираясь, и тут же расстроено рухнула обратно.

Папа снился редко.

За то время, что прошло с его исчезновения, она видела его во сне хорошо, если раз пять или шесть. И ещё реже они вот так вот говорили — полноценно, осмысленно, почти как раньше. Умом-то она понимала, что это всё игры её уставшей головы и большого воображения, но лучше уж так, чем постепенно забывать его голос и лицо. Как будто он, и правда, был рядом, хоть немного.

Лера глубоко вздохнула, зажмурилась, досчитала до десяти и снова открыла глаза. В комнате было уже светло, и это не был свет злосчастного уличного фонаря.

Она уставилась на дневной свет за окном, и на несколько секунд провалилась в череду панических вопросов: почему не зазвонил будильник? Какие уроки она успела пропустить? Что скажет мама? Мысли неслись, как перепуганные кони, пока одна, самая простая и очевидная, не перекрыла все остальные.

Воскресенье.

Сегодня воскресенье. Ей не нужно в школу.

Лера закрыла глаза и выдохнула, чувствуя, как напряжение уходит из плеч и шеи. Каким-то чудом она пережила эту первую, самую страшную неделю. Пережила драки, унижения, погони, странные сны, ночной визит Эдика с ремнём и телефонные звонки от чёрти пойми кого. Пережила — и теперь у неё есть целый день передышки. День, за который с ней не случится ничего.

В глубине дома снова что-то зазвенело, загрохотало и задвигалось — уже громче, настойчивее. На грохот драки или пьяную потасовку было не похоже — звуки были слишком деловитыми, слишком целенаправленными. Лера нехотя встала, открыла дверь и выглянула в коридор.

Мама была в прихожей. Трезвая, мрачно похмельная, с серым, осунувшимся лицом и кругами под глазами, но при этом деловитая, энергичная, собранная. Она была уже полностью одета, рядом стояла большая дорожная сумка, тяжёлая и с непонятно чем.

— А что происходит? — спросила Лера хриплым со сна голосом.

Мама обернулась, посмотрела в её сторону, но не на неё.

— Нам тут с Эдиком нужно съездить за город, — буркнула она, отводя взгляд и принимаясь снова копаться в сумке. — Будем только ночью.

— Эм... — Лера захлопала глазами, переваривая услышанное.

— Дела надо порешать, — отрезала мама тоном, не терпящим возражений. — По работе кое-что подвернулось. Никого в квартиру не води. Не дерись ни с кем. Дверь никому не открывай. И перестань меня, пожалуйста, позорить. Хорошо?

Последнее слово прозвучало как пощёчина — звонкое, хлёсткое. Лера почувствовала, как внутри что-то сжалось, но заставила себя кивнуть.

— Хорошо, мам.

— Продукты в холодильнике, чего-нибудь себе сварганишь, не маленькая.

— Поняла.

Мама накинула пальто, напялила шапку, схватила сумку и вышла за дверь. Замок щёлкнул. В коридоре повисла тишина.

Несколько минут Лера так и простояла в коридоре, прислонившись спиной к стене. Мысли в голове ворочались неохотно, словно она ещё не проснулась. В квартире стало не то чтобы тихо, а как-то пусто и свободно. Только у соседей снизу, бубнил телевизор, и сверху же бубнил бесконечную тираду вечно чем-то недовольный сосед.

И только тут до Леры начало доходить по-настоящему.

Целый день.

Целый день без школы, без Лапиной, без мамы и её пьяных истерик, без сальных взглядов Эдика. Её день, в полной, абсолютной тишине и безопасности. День, когда можно будет просто... жить.

И дома с ней ничего не может случиться.

Словно прочитав её мысли, зазвонил телефон. Лера вздрогнула — не от страха, а от неожиданности. Но уже через секунду внутри неё вскипела ярость — та самая, глубинная, что копилась всю эту неделю и не находила выхода. Сколько можно? Сколько можно звонить и молчать в трубку? Кто это вообще делает? Зачем?

Она в два шага пересекла коридор, рванула трубку с рычага так, что аппарат подпрыгнул на тумбочке, и рывкнула в неё, не сдерживаясь:

— Да!

На другой стороне послышался знакомый электрический шум — потрескивание, шипение, далёкий гул, словно кто-то звонил с другой планеты. А потом — дыхание. Тяжёлое, влажное, с присвистом.

Лера почувствовала, как по спине пробежал холодок, но не позволила себе испугаться. Она представила, что это просто очередной пьяный идиот, или глупый мальчишка, или кто-то, кто ошибся номером и теперь тупит в трубку. И от этого стало легче.

— Яйца оторву, — процедила она ледяным, не предвещающим ничего хорошего голосом. — Если ещё раз сюда позвонишь — я тебя найду, и яйца тебе оторву. Понял, урод?

— Галя? — раздался вдруг старческий, дребезжащий голос, настолько нелепый и неадекватный в контексте происходящего, что Лера на секунду потеряла дар речи. — Галю позовите!

— Какая Галя? — опешила Лера.

— Галю позовите, — настойчиво потребовал голос. Он был женским, очень старым, с какими-то плачущими, капризными интонациями.

— Вы ошиблись номером, — чётко, по слогам, произнесла Лера, чувствуя, как ярость сменяется растерянностью. — Не звоните сюда больше. Тут нет никакой Гали.

— Как это — нет? — возмутился голос. — Я всегда так Гале звоню. Галя! Галочка! Позовите Галю!

Лера психанула и бросила трубку. Попыталась отдышаться, но проклятый телефон зазвонил снова. Лера, схватила аппарат с тумбочки, закрутила в руках, нащупала провод, соединяющий его с розеткой, поборолась с тугим креплением, чертыхаясь и обдирая ногти, и наконец вырвала его. Телефон затих.

— Вот так тебе, — заключила довольная собой Лера, бросив аппарат на место.

И тут же, словно по закону подлости, неприятности продолжились.

Зазвонил дверной звонок, требовательно, по-хозяйски. Будто звонивший точно знал, что кто-то есть дома, и не собирался уходить, пока ему не откроют. Лера замерла, прислушиваясь. Мама? Неужели вернулась, забыла что-то? Ключи, может? Или хочет проверить сразу же, не успела ли Лера натворить делов?

Она на цыпочках подошла к двери, глянула в дверной глазок — мутный, заляпанный краской с той стороны, — и отшатнулась. На лестничной клетке, переминаясь с ноги на ногу, стояла Инесса Викторовна собственной персоной. Вид у неё был как у ревизора, пришедшего с внезапной проверкой.

Лера открыла дверь, стараясь держаться как можно спокойнее.

— Тётя Инесса? — она попыталась изобразить удивление. — Здравствуйте. А вы чего тут?

— На порог меня не пустишь? — буркнула непрошенная гостья вместо приветствия.

— Ой, простите, — пискнула Лера, отходя назад. — Проходите, конечно. Мамы нету.

— Проверить вас пришла. Не изнахратили ли мне квартирку, — проронила гостья, заходя в прихожую и не разуваясь. Она по-хозяйски огляделась, повертела головой, принялась. — Пьёт мамка?

— Да нет, — соврала Лера, стараясь, чтобы голос звучал ровно и убедительно. — Работу ищет. На овощебазе что-то там. Вот сегодня уехала чего-то там делать, буквально только ушла.

— Алкоголем пахнет, — Инесса Викторовна показательно шмыгнула ноздрями, сморщилась.

— И то правда, — вздохнула Лера, стараясь сохранять спокойствие и не дрожать. — Мы всё проветривали, всё мыли, а запах всё равно остался. Никак не выветривается.

— Мужиков водит?

—Только один у неё, Эдик какой-то.

Инесса Викторовна скривилась и затихла, будто Лера сказала что-то мерзкое. Инесса Викторовна прошла в зал, провела пальцем по серванту, проверяя пыль, заглянула на кухню, оценила чистоту, которую мама успела навести между попойками. Боясь, что она что-то найдёт, Лера вдруг решила спросить то, что вертелось у неё на языке с самого первого дня:

— Тётя Инесса, а это правда, что тут повесился кто-то?

Брови хозяйки квартиры поползли вверх — казалось, ещё немного, и они достигнут линии волос.

— Не поняла. Эт тебе кто сказал?

— Да тут все во дворе говорят, — пожалала плечами Лера, стараясь казаться равнодушной. — Бабки там на лавках, продавщица в ларьке. Говорят, алкаш какой-то повесился, прямо в квартире, а мы теперь тут живём.

— Вот же сучки старые! — процедила Инесса Викторовна сквозь зубы, и в её голосе прозвучала искренняя, неподдельная злоба. У неё словно перехватило дыхание, и глаза стали даже немного бешеными и страшными.

— Так... правда или нет? — выдавила из себя Лера.

Инесса Викторовна шумно выдохнула, и лицо её на мгновение смягчилось. Она посмотрела на Леру — прямо, открыто, даже с какой-то усталой жалостью, — и чуть наклонилась, будто бы разговаривала с маленьким ребёнком, которого нужно успокоить.

— Нет, Лерочка. Враньё это всё, от первого до последнего слова. Тут жила чета алкашей, как потом выяснилось. Перестали платить за квартиру, ушли в запой, с работы их турнули, квартиру мне засрала так, что ремонт теперь делать. Выгнали их со скандалом, участковый тут участвовал даже. Какого чёрта они придумали этого висельника — я, честное слово, вообще не понимаю. Люди, просто, понимаешь, они... злые. Им бы лишь бы кого хаять, чтобы своих проблем не видно было...

— Тогда... — Лера замялась, чувствуя, что спрашивать дальше глупо, но не в силах остановиться.

— Что «тогда»?

— Ничего.

— Ремонт когда начнёте делать-то? Я у матери твоей спрашивала — она всё кормит завтраками.

— Как маме зарплату выдадут, — тихо сказала Лера. — Не знаю, когда.

— Ну ладно, живите пока, — Инесса Викторовна словно бы расслабилась от результатов своей проверки. Выдохнула, поправила воротник пальто и, не прощаясь, пошла к двери.

Лера пошла за ней, чтобы закрыть, и в какой-то моменты Инесса Викторовна замешкалась, и они почти столкнулись. Тетя Инесса отпрянула от неё, как ошпаренная, и быстро скрылась в проходе.

Лера закрыла за ней все замки и снова прислонилась спиной стене.

Странная эта Инесса Викторовна. Но вряд ли бы стала обманывать в глаза.

Все эти рассказы про висельника — выдумки скучающих старух и сварливой продавщицы. Права, наверное, мама, всё нормально с этой квартирой, это просто Лера никак тут прижиться не может. Нервы шалют, воображение разыгралось на новом месте. С кем угодно бы случилось.

И призрака никакого нету и быть не может.

Она повторила эту мысль ещё раз, уже вслух, пробуя её на вкус:

— Нету никакого мертвеца.

Слова повисли в пустом коридоре и как-то неубедительно затихли.

А может, это папа к ней приходит по ночам?

Или папа и есть призрак?

Лучше об этом не думать.

Отчаянно захотелось чая.

Зайдя на кухню, она ощутила неприятный запах. Пахло из мусорного ведра, которое не выносили уже несколько дней. И правда мусором они зарастают, не справляется мамка одна.

Пока грелся чайник, она подхватила ведро и пошла на выход. Накинула куртку, одела тапочки, спустилась на площадку между этажами, дёрнула за ручку мусоропровода и не смогла сдвинуть. Что-то мешало, и лючок не открывался. Лера налегла плечом, дёрнула обоими руками, но без толку. Засор, наверное. Или замёрзло. Черт его пойми, как это должно работать.

Подниматься выше в поисках исправного не хотелось. Она ещё не проснулась толком и без завтрака чувствовала себя слабовато. Пошла вниз.

Она спустилась до первого этажа, толкнула тяжёлую подъездную дверь, выглянула, потом вышла. На улице было неожиданно тепло и безветренно — после морозной, колючей недели погода словно смилостивилась. С неба падал снег — крупными, пушистыми хлопьями, медленно и торжественно, как в кино.

Во дворе было пусто — ни души, только снег и тишина. Мусорные баки на этот раз стояли прямо на улице, почти на дороге, в ожидании мусоровоза. Лера опрокинула пакет в один из них, потрясла ведро, чтобы вся вонючая жидкость стекла, и уже собиралась идти обратно, как вдруг заметила на дороге, в двух шагах от баков, тёмное пятно.

Кошелёк.

Здоровенный, явно мужской, из толстой кожи, с какой-то стёртой, неразборчивой потрёпанной гравировкой на боку.

Лера замерла, огляделась по сторонам. Вокруг по-прежнему никого не было. Снег ещё не успел полностью запорошить находку, но её уже присыпало тонким слоем, следов же вокруг было слишком много, чтобы определить, кто и куда шёл.

Стоять на холоде было уже неважно. Лера подошла, наклонилась, подняла находку, отряхнула от снега и, уже не оглядываясь, юркнула обратно в подъезд.

Дома она бросила находку на тумбочку в прихожей, решив, что разберётся позже, а сама пошла на кухню — отмывать ведро, которое всё ещё пованивало. Промыла его мылом, водой, несколько раз слила в унитаз, затем присыпала дно стиральным порошком и уложила туда свежую газету.

Потом заварила чай, сделала бутерброд с маслом и сахаром, перекусила, и вернулась к кошельку.

Взяла его в руки, повертела, потом решила и открыла.

Внутри, вопреки ожиданиям, не лежало ни визиток, ни удостоверений, ни фотографий. Только узкая, тонкая записная книжка в мягкой обложке, исписанная от руки. Почерк был разборчивый, компактный и даже какой-то суровый. Телефонные номера, короткие заметки, какие-то адреса. Лера пролистала книжку в поисках контактах «мамы» или «сестры», «жены», «дом», но там не оказалось ни одной зацепки.

А ещё в кошельке были деньги. Двадцать пять тысяч триста рублей. Внушительная сумма. Такой и в руках за раз она не держала никогда.

Лера уставилась на разложенные купюры, и в голове у неё зашумело.

Вот они, деньги.

Можно отдать Лапиной, и та, может быть, отстанет. Хотя бы на время. Можно купить себе нормальную одежду — джинсы или блузку, чтобы не ходить как чучело, вызывая смешки и косые взгляды. Можно просто спрятать их на чёрный день — и знать, что у тебя есть заправка, есть хоть какая-то опора в этом враждебном, шатком мире.

Но деньги-то чужие.

Папа бы точно искал владельца. Ни за что бы ни взял чужого. Он бы, наверное, пошёл бы по всем соседям, и ходил бы, пока не нашёл. Мама... мама, скорее всего, не стала бы искать. Сказала бы что-нибудь вроде «кому-то Бог дал, у кого-то взял» и что-то вроде «нам-то нужнее, Бог видит».

Но кошелёк явно не простой. Дорогой, кожаный, ручной работы, возможно. И деньги в нём лежат небрежно, мятые, засунутые как попало — не пересчитанные, не разглаженные. Словно владельцу всё равно, сколько их там. Словно он в них не нуждается.

В деревне всё было проще. В Знаменке потерянный кошелёк просто повесили бы на забор или положили на видное место — на лавку у сельсовета, на почтовый ящик. Владелец мимо пройдёт, заметит, да и заберёт. Красть и присваивать было неприятно: все друг друга знают, все на виду. Увидят, что ты ходишь в чужих перчатках, или что у тебя вдруг деньги появились, а ты ещё вчера занимал до получки, — и всё. Капец тебе. Изведут попрёками, затравят сплетнями, а может и по морде дадут.

Но это не деревня. Это Москва. Тут людей столько, что никто друг друга не знает. Человека можно увидеть один раз, а потом — всё, больше никогда в жизни не встретишь. И нравы тут другие, жесточе, как говорит мама. Если Лера сейчас выйдет и положит кошелёк на лавку — его просто подберёт кто-то другой, не такой сердобольный.

Человек, который его потерял, наверняка всё это понимает. И поэтому не идёт искать. Не видит смысла. Или вообще не заметил пропажи.

Кому-то не повезло. А ей повезло.

Хотя бы раз за всё это время. Хотя бы раз за всю жизнь.

Лера вернулась к окну, ещё немного постояла, глядя вниз, на пустой двор. Никого. Никто ничего не ищет. Только снег падает и падает, заметая следы. Она подождала ещё минут десять, для очистки совести, а потом смирилась с удачей. Должно же было и ей когда-то повести.

Потратила с час, расхаживая по квартире и изучая каждый её уголок. Это было странное, почти забытое ощущение — быть в доме одной, полностью одной, и не ждать, что в любой момент распахнётся дверь и войдёт мама. Квартира показалась ей совсем другой. Спокойной. Безопасной. Даже какой-то скучной.

Лера с азартом обошла все комнаты, заглянула во все шкафы и на все полки, нашла старый, ещё советский проигрыватель, накрытый кружевной салфеткой, и коробку с пластинками — в основном песни военных лет и какие-то оперы. Отнесла его в кладовку — всё равно не будут слушать. В кладовке обнаружился ящик с инструментами, моток бельевой верёвки и стопка пожелтевших журналов «Крокодил» за восьмидесятые. Ничего особенного, ничего пугающего, никаких висельников, и увы, никаких больше записок.

Она даже несколько раз заходила в ванную, просто ради интереса включая и выключая воду и свет, и каждый раз всё было нормально. Кран больше не стонал и не плевался чёрной жижей. Вода шла ровная, прозрачная, без запаха. Труба под раковиной не гудела. Лампочка горела ровно, не мигая, и зеркало отражало только её саму — всё ту же бледную, растрёпанную девчонку в старой футболке. Никаких теней, никаких силуэтов, никаких двойников, смотрящих на неё через трещину.

Да и так, если посмотреть, в этой ванной не было-то и места, где можно было повеситься.

И мама была права — тут всё ещё слишком грязно и неухожено. Лера вдруг почувствовала прилив энергии — той самой, что обычно овладевал мамой в минуты тревоги. Захотелось навести порядок, отмыть, отскрести, сделать это место хоть немного своим, прогнать отсюда всё плохое, грязное и несчастливое.

Она сходила на балкон за ведром и тряпками, набрала горячей воды, поболтала там хозяйственным мылом, присыпала порошком хлорки и затеяла уборку. Не для мамы, не из страха перед её криками, а для себя. Это было довольно странно: всю жизнь мама заставляла её убираться, готовить, помогать по дому, и буквально недавно Лера всё это люто ненавидела. А сейчас это занятие показалось ей почти успокаивающим. Монотонная работа отвлекала от мыслей, давала иллюзию контроля над реальностью. Ты моешь пол — и видишь результат. Ты трёшь зеркало — и оно становится чистым. В мире, где всё летит в тартарары, это хоть что-то.

Она вымыла ванную, потом коридор, потом кухню. Почти отёрла плиту от застарелого жира. Выбросила пустые бутылки, которые мама прятала под раковиной. Протёрла пыль на серванте и на подоконниках. Вытряхнула половики. Нароботалась так, что даже заныла спина.

Снова заварила себе чай, сделала ещё бутербродов и застыла у окна, наблюдая за улицей. Колбаса была чертовски вкусной, она не могла остановиться, хоть какой-то прок вышел с этого Эдика.

Снег кончился, заметно потеплело, и народ высыпал на улицу. Малолетки лепили снеговиков и закидывали друг друга снежками — их визг и смех доносились даже сквозь закрытые окна. Молодёжные компании оккупировали лавки и детскую площадку, о чём-то спорили, смеялись, курили. Несколько мужчин и подростков резвились на хоккейной коробке, гоня шайбу тремя клюшками на шестерых. От встретившей их с мамой напряжённости и общей смурности не осталось и следа.

Ей тоже захотелось бы туда, стать частью чей-то кучки, поздороваться и быть рядом, и так чтоб ей радовались.. Или хотя бы пройтись, подышать свежим воздухом, может быть, даже познакомиться с кем-нибудь, и не бояться встретить там какую-то Лапину. Но пока, видимо, было не время. Без нормальной одежды, без компании, без уверенности в себе — куда она пойдёт? Так и будет стоять столбом у стены, пока все вокруг веселятся.

Было скучно, хотелось чего-то сладкого, и она снова обратила внимание на кошелёк.

Можно сходить до ларька. Купить «Сникерс» или жвачку. Или газировку. Давненько в её жизни такого не было — простых, маленьких радостей.

Собралась быстренько, даже не стала смотреть в зеркало, чтобышний раз не расстраиваться, взяла из кошелька несколько купюр, и пошла на выход.

Спустилась по лестнице, снова выглянула, прежде чем выйти, и быстрым шагом пошла.

Мимо шёл дядя Миша, снова со своей старухой-матерью. Они двигались медленно, осторожно, синхронно переставляя ноги, словно были частью одного организма. Дядя Миша кивнул Лере, и старушка тоже поздоровалась, подняв на неё выцветшие, слезящиеся глаза.

— Лена, деточка, ты чего без шапки? — проворковала она, показывая то, что осталось от её зубов. — Простынешь ведь.

— Я — Лера, — в который раз поправила Лера, но уже без раздражения.

— Пойдём, мам, холодно, — дядя Миша мягко потянул старушку за руку, и они медленно побрели дальше.

Лера опустила глаза и пошла дальше.

— Чё потеряла? — поприветствовала её ларёчника, которая, как всегда, курила снаружи. Голос у неё был всё такой же холодный и надменный, словно каждое слово она выдавала как великое одолжение.

— Н... ничего, — ответила Лера, смутившись от такого приёма, сразу же пожалев, что вообще пришла.

Спрашивать, не искал ли кто кошелёк, перехотелось. Продавщица смотрела на неё как на оборванку, как на нищенку, как на одну из тех, кто вечно клянчит в долг до полочки. Этот взгляд Лера уже научилась распознавать — так смотрели на них в деревне люди, у которых мама занимала деньги, и которым вернуть так и не удалось.

— Я за продуктами пришла, — пискнула Лера, немного вскипая внутри.

— В долг не дам, — так же, сквозь зубы, буркнула продавщица, даже не глядя на неё.

— Деньги есть, — важно сказала Лера, и от этого чувства — чувства, что она может заплатить, что она не попрошайка, — ей стало вдруг хорошо и горько одновременно.

— О как. Ну, пойдём.

Продавщица затушила сигарету о подошву сапога, зашла внутрь ларька, покопалась там, открыла окошко и застыла в ожидании. Глаза у Леры забегали по витрине — она жадно разглядывала шоколадки, жвачки, цветные пакетики с чипсами, яркие банки с газировкой. Всё это казалось ей невероятно соблазнительным, почти запретным.

— Хлеб, если свежий...

— Только утром подвезли, но уже не горячий. Булку? Половину?

— Целую. Ещё «Колу», «Сникерс»... и... и всё пока.

Глаза Леры всё ещё бегали по витрине, ей хотелось купить и попробовать вообще всё, но жадность и смутное, воспитанное годами лишений чувство меры отрезвили её. Нельзя тратить всё сразу. Нельзя привлекать внимание. Нельзя, чтобы кто-то догадался, откуда у неё деньги.

Продавщица скрылась в глубине ларька, считая сдачу и собирая заказ, но продолжала говорить — теперь уже чуть менее враждебно.

— А вы это... Лену такую не знаете? — вдруг спросила Лера.

— Тут Лен знаешь сколько ходит? Дом — пятьсот квартир ещё, и вон дома в округе все.

— Мама дяди Миши меня с ней путает. Вот я и подумала — может, знаете её.

— А... — протянула продавщица, и лицо её стало каким-то задумчивым. — Не, не помню, может и была такая.

— Понятно...

— А чё ты от старог-то человека хочешь? — продавщица вдруг усмехнулась, и в её голосе прорезалось что-то учительское. — Лера, Лена, Полена — тебе какая разница? У старухи память-то уже не та, вот и путает всех подряд. Ты не обращай внимания, здоровайся, да дня хорошего желай, тебе что сложно, что ли?

Она протянула Лере покупки, и та, расплатившись, рассовала всё по карманам — хлеб пришлось взять под мышку, он был ещё чуть тёплый и пах умопомрачительно.

— Может, сигарет ещё возьмёшь? — улыбнулась продавщица уже совсем по-свойски.

— Не-не, — замотала головой Лера. — До свидания.

— Заходи ещё.

Вернувшись домой, Лера выложила своё богатство на кухонный стол, открыла газировку, налила в стакан, не удержалась и откусила хлеб, прожевала и тут же запила. В горле зашипело, в нос ударило, и она в экстазе откинула голову, прислушиваясь к тому, как пузырьки лопаются на языке, и ощущая почти забытый, почти детский вкус.

Кайф.

Захотелось даже с кем-то всем этим поделиться. Во дворе всё ещё шёлкала шайба и доносился смех, такой близкий и такой далёкий... Тут она смеялась только когда была с Костей...

Нужно было взять у него номер телефона. Хотя он, наверное, и не дома — гуляет где-то с друзьями или на рынке, товар свой принимает. Хорошо было с ним говорить. И по телефону

этому, наверное, тоже будет хорошо... Интересно, каково это — разговаривать с кем-то по телефону часами?

Лера вздохнула, доела хлеб, допила газировку и устала в тёмное окно. Скука возвращалась, заполняла комнату. Спать не хотелось. Телек включать не хотелось.

Стемнело.

По московским меркам — ещё не поздно, но за окном уже была глубокая, непроглядная тьма, подсвеченная только редкими фонарями. Сидеть дома становилось всё скучнее, тишина давила на уши, и Лера стала даже заглядываться на наполовину приконченную бутылку шампанского, которую мама забыла в холодильнике. Пойло было дешёвым, и наверняка мерзким на вкус, но оно сулило хоть какое-то приключение. Во всяком случае, так бы сказали её деревенские подружки.

Но пить в одиночестве, как мама, было как-то слишком тоскливо и вообще отвратительно и несуразно.

От нечего делать продолжила разбирать вещи. Нашла старый фонарик, ещё с деревенских времён. Проверила — работает, батарейки чудом живые. Нашла зажигалку — простую, пластиковую, с полустёртой наклейкой. И то, и другое сразу перекинуло в карманы её куртки — так, на всякий случай.

Телевизор упорно продолжал показывать муть — то концерт по заявкам, то политическое ток-шоу, то заунывные фильмы такого паршивого разряда, что вынести их было невозможно даже пару минут. Изображение прыгало, шло полосами, и удары кулаком по корпусу не помогали. Улица за окном опустела — наверное, из-за того, что похолодало. Смотреть стало совсем нечего.

Лера решила прогуляться.

Пока спускалась по лестнице, нашла на ступеньке почти чистую и не тронутую сигарету. Подобрала, осмотрела. Видимо, обронили по дороге, а может выпала из рук, и подышать стало стрёмно. Курить она не любила, хоть и давно распробовала. Можно было покурить под пьянку с кем-то из девчонок, из рук в руки, но курить одной её никогда не тянуло. Сама не зная зачем, она сунула сигарету в карман.

Вышла на улицу, потёрлась у подъезда, и довольно быстро поняла, почему людей на улице нет. Температура опустилась ещё ниже, лёгкий ветер превратился в убийцу ушей и ног в колготках. Идти назад не хотелось, и Лера снова дёрнула двери подвала.

Осторожно протиснулась между мусорными баками, включила фонарик, миновала лестницу.

Дошла до своего местечка. Картонка была на месте — никто не тронул, никто не нашёл. Это было приятно — знать, что, кроме квартиры, у неё есть ещё одно убежище, тайное, только её. Лера села на картонку, прислонилась спиной к холодной стене, сунула сигарету в рот и зажгла зажигалку. Огонёк осветил ближайшие трубы, балки и паутину под потолком. Табак был сухой, дешёвый, дым драл горло, но именно этого ей и хотелось.

Почувствовать что-то непривычное.

Она сделала несколько затяжек, закашлялась, вытерла выступившие слёзы и вдруг улыbnулась — сама себе. Кашель скрутил её ещё сильнее, заставил встать на ноги, отшвырнуть от себя сигарету.

От земли веяло холодом, сидеть не хотелось и она снова пошла изучать окрестности и искать интересное.

Подвал, в общем-то, выглядел почти везде одинаково и был слабо приспособлен для прогулок. Грязь, мусор, осколки стекла. Лабиринт из бетонных перегородок, труб, закутков,

исписанных стенами надписей. От странных вроде «стояк отопления» до привычных «Спартак – чемпион», признаний в любви, ругательства, и даже зачем-то нацистских символов. Смотреть было особо нечего. Ей хотелось узнать, как далеко тянется подвал, есть ли отсюда другие выходы, что скрывается в самых дальних, самых тёмных углах.

Луч фонарика выхватывал из темноты всё новые детали: ржавую кровать без матраса, прислонённую к стене; гору каких-то картонных коробок, размокших и спрессовавшихся в единую массу; старый велосипед без колёс, подвешенный к трубе на цепи, чьи-то грязные тряпки, сваленные в кучу.

Она вернулась назад, фонарик едва пробивал густой, почти осязаемый мрак. И вдруг что-то за трубами, на полу, блеснуло в свете фонарика — ярко, ало, неестественно.

Туфелька. Женская. Ярко-красная, лакированная, на высоком, тонком каблуке. Изящная, модная, совсем не похожая на пыльный, покрытый плесенью мусор из подвала. Она лежала на боку, глубоко за трубами, одна, и от неё веяло какой-то неуместной для этого места новизной. Словно её обронули здесь только вчера — или сегодня.

И зачем кому-то выкидывать такую новую вещь? И что вообще обладательница таких туфелек забыла в подвале?

Лера хотела подойти поближе, чтобы изучить находку, но побоялась измараться. И вдруг услышала звук.

Тонюсенький полускрип, полустон. Словно кто-то тихонько и осторожно открыл железную дверь.

Лера неловко отступила на шаг, камни под её ногами предательски зашуршали.

В подвале кто-то был.

И этот кто-то тоже её слышал.

Из темноты, оттуда, куда не доставал луч фонарика, донеслись тяжёлые гулкие шаги по лестнице вниз.

Ноги сами понесли её прочь. Не разбирая дороги, врезаясь плечами в бетонные перегородки, спотыкаясь о трубы. Где-то на середине лестницы поскользнулась, упала на колени, ободрала ладонь, но тут же вскочила и, не оглядываясь, одним рывком преодолела оставшиеся ступени. Протиснулась между баками, рванула дверь на себя, вылетела на улицу.

Морозный воздух обжёт лёгкие. Она стояла, согнувшись пополам, тяжело дыша, и смотрела на чёрный провал подвальной двери, ожидая, что сейчас оттуда кто-то появится.

Лера попятилась, потом развернулась и, уже не оборачиваясь, бросилась к своему подъезду. Взлетела на третий этаж, путаясь в ключах, открыла дверь, ввалилась в квартиру и заперлась на все замки.

Глава 8

Когда мама с Эдиком вернулись, Лера заперлась в своей комнате.

От встречи в подвале и того, что её едва не поймали, её всё ещё потряхивало. Чёрт же дёрнул лезть в такое место. Ладно, какой-нибудь сантехник или мусорщик поймал бы её и отчитал днём, но ночью-то кто туда полез? И она зачем полезла? О чём она вообще думала?

Она прижалась спиной к двери и замерла, прислушиваясь к звукам квартиры. На кухне раздался грохот посуды, что-то покатилося по полу, и мамин голос, сюсюкающий и виноватый, принялся успокаивать Эдика, который, судя по обрывкам фраз, снова был не в духе. Их присутствие, тяжёлое, пьяное, наполняло квартиру удушливой волной, и безопасное, чистое убежище, которым она наслаждалась все выходные, съёжилось до размеров её комнаты, а потом и до размеров её самой, загнанной в угол. Квартира снова стала чужой и враждебной.

Лера разделась, нырнула под одеяло, натянула его до самого подбородка и закрыла глаза. Завтра новый день. Жаль, что понедельник наступает так быстро. Жаль, что у неё нет машины времени или хотя бы волшебной палочки, чтобы превратить этот понедельник снова в субботу.

Сон не шёл. Она ворочалась с боку на бок, считала овец, потом чертей, потом начала играть в города сама с собой. Бесполезно. Перед глазами стояла то красная туфелька, то лицо Лапиной, то сальные глаза Эдика, то и дело бросающего на неё взгляды.

И вдруг она почувствовала это снова.

Будто кто-то смотрит.

Стоит посреди пустой комнаты и выжигает её глазами. Взгляд был тяжёлым, липким, он давил на грудь, не давая вздохнуть. Лера села на кровати, вглядываясь в темноту. Собственное тело казалось чужим, непослушным. Она хотела закричать, позвать маму, но голос пропал, а губы словно склеились. Никого. Только смутные очертания мебели, только бледный свет фонаря, просачивающийся сквозь занавеску и рисующий на стене уродливые тени. Тени шевелились, хотя ветра в комнате не было.

— Тут есть кто-нибудь? — прошептала она в темноту. Голос прозвучал глухо, сипло, словно чужой.

Никто не ответил, и тут же ощущение схлынуло, как волна, отступающая от берега. В комнате снова стало пусто и тихо, только звук капли затих где-то в глубине стен.

Лера посидела ещё немного, вслушиваясь. Ничего.

Она вздохнула, легла обратно, натянула одеяло до подбородка. Глупости. Никого тут нет. Старый дом, старые трубы, и слишком много нервов. Просто она устала и часто думает о плохом, и это нужно просто пережить.

Так и наступил понедельник.

Утро было серым, морозным, ветер за окном гонял по асфальту колючую снежную крупу. Лера выскользнула из комнаты, стараясь не шуметь. Быстро прошмыгнула в ванную, плеснула в лицо ледяной водой, почистила зубы, даже не глядя в зеркало, сильно уж не хотелось.

На кухню она даже не заглянула — не хотелось видеть следы вчерашней попойки и новые горы грязной посуды, вместо отмытой ей в субботу. Аппетита не было, да и как-то мутило. Вместо завтрака она вернулась в комнату, оделась, схватила сумку и уже на выходе, из чистого автоматизма, сунула руку в карман куртки — проверить, на месте ли кошелек. Пальцы нащупали гладкую поверхность, и Лера выдохнула. На месте. Сегодня она наконец-то поест в школьной столовой, как нормальный человек. Как же она соскучилась по жирной выпечке.

Расписание было двухнедельным, и Лера даже немного расстроилась, когда поняла, что день начнётся с физры.

Она специально опоздала к началу урока. Шла по пустым коридорам, мимо запертых кабинетов, тянула время, пока не услышала, как в спортзале стихли голоса и начался топот множества ног — значит, побежали. Только тогда она юркнула в раздевалку, быстро переоделась, закинула вещи в свободную кабинку в самом тёмном углу, вышла и незаметно вклинилась в поток уже бегущих по кругу девочек.

В этот раз физру вёл мужчина. Не Маргарита Львовна с её вымученной улыбкой, а кто-то другой — суровый, крепкий, с квадратной челюстью и коротким ёжиком седых волос. Глаза у него были маленькие, глубоко посаженные, взгляд — страшный, буравящий. Разговаривал он грубыми, рубленными фразами, почти что заикаясь и проглатывая окончания, словно каждое слово давалось ему с трудом, а тратить их на учеников было жалко. Движения его тела были резкими — он не шёл, а перемещался рывками, будто в любую секунду готовый ударить. Давил он так, что даже самые отпетые хулиганки и болтушки не рисковали открывать рот.

Бег казался вечным, Лера быстро выдохлась. В боку закололо — сначала тупо, потом остро, и каждый шаг отдавался болью. Перед глазами поплыли круги, но она не останавливалась. Не смела. Когда наконец прозвучала команда перейти на шаг, все вздохнули с облегчением, но это был лишь первый виток кошмара.

Пол в центре зала заложили матами, выставили «козлы» — странные конструкции, через которые надлежало прыгать по очереди. Вместо смеха и разговоров, новый физрук снова задал быстрый темп и постоянно, с каким-то садистским удовольствием, ругал тех, у кого не получалось. Его голос эхом отлетал от стен, и Лера чувствовала, как с каждым окриком внутри неё что-то сжимается. Лапина и ещё несколько девочек, пользуясь суматохой, просто свалили с урока, и Лера им в этот момент почти завидовала. С неё сошло семь потов, футболка прилипла к спине, ноги дрожали от напряжения, но она держалась. Урок кончился быстро, слишком быстро, чтобы перевести дух.

В душевых была очередь. Никто не хотел вонять оставшиеся пять уроков. Лера стояла в очереди, прижимаясь к стене, и пыталась отдышаться, когда услышала обрывок разговора.

— ...Сто по сто, маньяк её зарезал, — уверенно сказала одна девица с мокрыми, зачёсанными назад волосами.

— Да никуда она не пропадала, — лениво возразила другая, разглядывая прыщ на подбородке в маленькое зеркальце. — Просто дрочат её дома, вот и она гасится у кого, у парня, наверное, нового. Слыхала там её на Мерсе подирают, кто-то с Бауманских, старый уже и седой.

— Ну вот. Тем более не первый раз уходит, — подхватила третья. — Ну она, конечно, шлюшка. С дедом-то.

— Какая разница, если богатый?..

Из разговора Лера поняла, что пропала ещё одна девочка. На этот раз — из соседней школы. Старшеклассница. Имя было знакомым, но от этого не становилось легче. Если все тут живут так же, как Лера, то немудрено, что кто-то пропадает или убегает.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Какая-нибудь Лапина докопается, и захочется поехать на вокзал и сесть на первый попавшийся поезд. Или не на первый — на тот, который едет на Юга, куда папа всегда рвался. Туда, где тепло и море.

Лапина, Лапина, Лапина. Сколько можно повторять эти звуки? Отец учил давать отпор, но что если это не помогает? Словно о доску горох... Как можно идти до конца, если этого самого конца нету? Это лишь вопрос времени, когда она снова докопается. Даже драться она не хочет... Может быть, отдать ей деньги? Сказать, что их было сложно достать, что больше достать не получится, и тогда она отстанет? Лера задумалась об этом, стоя под струями тёплой воды, и вдруг почувствовала странное, горькое облегчение. Да, она так и сделает. Откупится.

Это унижительно, это мерзко, но это лучше, чем снова потерять что-то ценное или быть униженной. Лучше, чем снова стоять на коленях в снегу. Лучше, чем бояться каждого угла.

Она вытерлась, оделась и, уже застёгивая сумку, сунула руку внутрь, чтобы проверить кошелёк.

Холодок пробежал по спине. Лера замерла, потом рывком раскрыла сумку, вытряхнула всё содержимое на скамейку. Учебники, тетради, ручка, огрызок карандаша, линейка, фонарик, расчёска, крем... Кошелек не было. Она совала руку снова и снова, обшаривала каждый кармашек, каждую складку, перерывала вещи с какой-то истеричной, судорожной надеждой.

Пусто. Денег и кошелек не было.

Украли.

Лапина...

Когда сбегала с физры, видимо. Пока Лера, как последняя дура, бегала и потела, эта тварь шарилась по раздевалке, рылась в её вещах, словно свинья в поисках жёлудя.

Ярость, горячая, слепая, захлестнула Леру с головой, смывая остатки страха и благоразумия. Она быстро закончила переодеваться, закинула сумку на плечо и пошла к выходу, искать воришку. Лапина и её компания нашлись у кабинета классной, где должен был состояться урок геометрии, стояли у окна и лениво о чём-то болтали.

— Э, Мышь! — окликнула её Лапина, едва Лера показалась в дверях.

Она и её дружки — лысый громила и усатый — повернулись к ней. Лера даже не замедлила шаг. Она шла прямо на Лапину, и в её глазах, наверное, было что-то такое, отчего ухмылка на лице её мучительницы слегка дрогнула.

— Вот тебе загадка, Мышь. Пятнашка скоро превратится в двадцать. Где моя пятнашка? — улыбаясь, нараспев протянула Лапина, явно довольная своей шуткой. Она, видимо, репетировала её всё утро.

— Ты уже всё сама забрала, воровка! — рявкнула Лера, остановившись прямо перед ней.

— Чё ты мелешь? — опешила Лапина, и её улыбка сползла с лица, уступив место искреннему, непритворному изумлению. Она явно ожидала увидеть испуганную, затравленную жертву, а не это. — Это с хера ли ты меня под крысу подписываешь, Мышь?!

— Эта тварь рылась у меня в сумке и забрала деньги! — сказала Лера так громко, чтобы услышали все, кто ещё был в коридоре. Зеваки начали оборачиваться на них и стягиваться вокруг. Кто-то хихикал, кто-то перешёптывался.

— Чё?! — глаза Лапиной округлились, и в них на мгновение мелькнуло что-то похожее на растерянность. Но только на мгновение. — Ты чё несёшь, какие у тебя деньги? Ты ж нищесбродка деревенская!

Лера открыла рот, но слова застряли в горле. Она ничего не смогла придумать в ответ, и это мгновение слабости решило всё. Лицо Лапиной снова стало холодным и уверенным.

— Ты чё, поехала, что ли? — спросила она тихо, почти ласково. — Думала, под крысу меня подпишешь, и всё — решена проблема?

— Ты забрала! — сквозь зубы прошипела Лера.

— Нахуй шла!

Лера не стала больше спорить. Она шагнула вперёд и толкнула Лапину в грудь — сильно, с оттяжкой. Лапина пошатнулась с глупой улыбочкой, но устояла, и кажется не собиралась ничего больше делать. Усатый протянул к Лере, и так они и замерли от крика.

— Так, разошлись быстро по углам! — к ним, расталкивая толпу, вклинилась классная руководительница. Она больно схватила Леру за руку повыше локтя и с неожиданной силой оттащила в сторону. — Жукова! Ты что себе позволяешь?! Второй раз за неделю! Ты совсем страх потеряла?

— Она у меня деньги украли! — выкрикнула Лера, пытаясь вырвать руку. — Кошелёк! Из сумки!

— Лапина, марш в класс! — классная прищурилась. — Жукова — в кабинет директора. Будем разбираться.

В кабинете директора она провела почти весь следующий урок. Она пыталась что-то объяснить говорить, но её тут же прерывали и орали на неё. Директриса большую часть времени молчала и смотрела на Леру так, будто это она воровка, и она измывается над кем-то, кто слабее нет. С презрением, непониманием, неодобрением.

Оттуда Лера вышла абсолютно без сил, и желания с кем-то общаться. Простояла на первом этаже до звонка, подождала, пока коридоры не наполнятся людьми, и пошла готовиться к уроку физики. Встала подальше от своего класса у подоконника, и её слух снова уловил что-то непонятное.

— ..Юбка мини, туфли красные чёта там, куртка короткая коричневая, сумочка со значками, — говорила одна, понизив голос. — А мы говорим этому менту, что она так не ходит, что туфель у неё не было и сумки такой. А они прям так и написали, представляешь? И вот эти все листовки нам суют, типа после школы помогайте клеить. Пфф.

— Красные туфли... — задумчиво протянула вторая. — Убожество. Кто такие покупает?

— Может, мужик её купил.

Что-то внутри Леры ёкнуло, она вспомнила вчерашнее путешествие до подвала и красное пятно в свете фонарика. Она накинула сумку на плечо и подошла к девочкам. Те, увидев её, встрепенулись, насупились и удивились.

— Это вы о ком? — спросила их Лера.

— Да тут с соседней школы шавала одна пропала, — закатив глаза и чавкая жвачкой не хотя ответила одна из них. — Чё? Подруга твоя?

— Не-не, вы говорите туфли красные были?

— Это мусор так сказал, а мы говорим — быть не может, — пожала плечами одна из девочек.

— Я вчера была в подвале... ну, возле дома... — Лера сглотнула, пытаясь подобрать слова, но те с каждым словом всё больше смотрели на неё как на безумную или прокажённую. — И я видела там красную туфельку. Женскую. Такую, лаковую. Может это её?

Она ожидала чего угодно — испуга, удивления, вопросов. Но девчонки лишь переглянулись. Первая — та, что с пышным начёсом, — хмыкнула. Вторая, с короткой стрижкой, закатила глаза. А третья, которую Лера вообще не знала, вдруг громко и заливисто расхохоталась.

— Ну ты даёшь, Мышкина! — сквозь смех выдавила она. — Тебе не стрёмно внимание вот таким образом привлекать? Офигеть, слышали?..

Остальные подхватили её смех. Лера стояла, как оплётанная, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. На неё смотрели как на клоуна, как на жалкую, провинциальную дурочку, которая пытается приплести себя к громкой истории, чтобы хоть как-то выделиться. Она развернулась и пошла прочь, провожаемая смешками и язвительными комментариями за спиной.

Оставался последний шанс. Взрослые. Они-то хотя бы обязаны её выслушать.

Она не могла сосредоточиться на уроках, ерзала рядом с Костей, ждала конца дня. Лапина и её компания, после взбучки вели себя тихо, и Лера, остыв, даже начала сомневаться в том, действительно ли Лапина сделала это. Девочек на физре было много, и она не знает, кто из них такой же мерзкий.

Она дождалась конца уроков, и собрав всю свою волю в кулак, пошла в учительскую. Классная сидела за столом, заваленным тетрадями, и что-то писала. Увидев Леру, она тяжело вздохнула и сняла очки.

— Ну, что опять, Жукова? Нашла пропажу и теперь извиняться будешь? Или это ты так решила отмазаться, чтобы деньги не сдавать? Всё равно придётся.

— Ирина Борисовна, я не про драку, — торопливо заговорила Лера. — Я про девочку, которая пропала. Я знаю, где она может быть. Я была в подвале у своего дома и видела там красную туфельку, говорят, она так одета была.

— Стоп, — классная подняла руку, и лицо её стало жёстким. — Какой подвал? Какая туфелька? Что ты там делала?

Лера запнулась. Вопрос застал её врасплох. Не за это же нужно было зацепиться. А за девочку, которую всё ищут.

— Я... я просто гуляла. И решила зайти...

— В подвал? — классная откинулась на спинку стула и посмотрела на неё поверх очков. — А что ты, Лера, употребляешь и с кем?

— В смысле?

У Леры слова застряли в горле, она долго замолчала, раздумывая, не ослышалась ли. Это было настолько чудовищное, настолько несправедливое обвинение, что у неё просто не нашлось сил его опровергать. Лера открыла рот, чтобы сказать ещё что-то, но вдруг поняла, что её не слышали и слышать не собираются. Всем плевать. И на неё. И на эту девочку.

— Иди домой, Жукова, — устало сказала классная, снова берясь за ручку. — Придётся поговорить с твоей мамой.

Лера вышла из учительской, не чуя под собой ног. В голове шумело. Старый скандал ещё тлел, и вот классная подольёт ещё масла в огонь.

Наркоманка. Её называли наркоманкой. Ищет внимания. Дура. Мышь. Весь мир словно сговорился против неё, и этот мир был сильнее. Всегда был сильнее. Нужно было держаться тихо, как говорила мама.

На крыльце школы она увидела Костю. Он стоял, прислонившись к перилам, и курил, глядя куда-то в серое небо. Лера подошла к нему и встала рядом, не зная, что сказать.

— Чё, опять Лапина? — спросил он, не оборачиваясь.

— Хуже, — тихо ответила Лера. Костя... у тебя есть домашний телефон?

Он наконец повернулся и посмотрел на неё с лёгким удивлением. Бровь его поползла вверх.

— Зачем тебе?

— Да просто... спросить хотела. Вдруг захочешь поболтать. А то больше меня никто не слушает. Дурные какие-то. Или что со мной не так.

— Да всё с тобой нормально, — пожал плечами Костя.

Он вытащил из кармана огрызок карандаша и, покопавшись в рюкзаке, вырвал из тетради клочок бумаги. Что-то быстро нацарапал и протянул ей.

— Держи. Но смотри, деревня, после девяти не звони — мать будет ругаться. Она у меня строгая. О чём говорить-то будем?

— Да просто...

Он вдруг взял её за руку, без своей грубости и резкости, нежно провёл пальцем по внутренней стороне, и улыбнулся. Отпустил и пошёл прочь. Лера смотрела ему вслед и чувствовала, как к горлу подкатывает благодарность. Хоть кто-то. Хоть один человек на всей планете не считает её мусором.

Домой ей идти не хотелось, она прошла несколько кругов по району, выбирая людные проспекты, ближе к большим дорогам, чтобы не дай Бог не наткнуться на Лапину. Живот крутило, ей было муторно, она замёрзла и всё пошла домой.

Дверь в квартиру была открыта нараспашку.

Это первое, что она увидела, поднявшись на площадку. Не приоткрыта, не забыта второпях, а распахнута настежь, и изнутри, из глубины квартиры, раздавались напряжённые, громкие голоса. Лера замерла на пороге, сердце ухнуло в пятки. В прихожей никого не было, никто не собирался уходить, и что-то было не так. Категорически не так. Пахло бедой.

Лера на негнущихся ногах вошла, разулась, стараясь не шуметь. Она успела подумать, что мама опять ругается с Эдиком, или что прорвало трубу и припёрся сантехник, или что залили соседей снизу и те пришли скандалить. Но голоса доносились из её комнаты.

Она медленно, словно во сне, прошла по коридору и застыла в дверях.

Всё было иначе. Её комната была перевёрнута вверх дном. Вещи из шкафа и одежда, были выброшены на пол. Кровать стояла криво, матрас сдёрнут, подушка валялась в углу. Ящики письменного стола были выдвинуты, тетради и учебники грудой лежали на полу. Посреди этого разгрома стояли трое: мама, Ирина Борисовна и незнакомая полноватая женщина в милицеевской форме с нездорово-красным лицом.

— А... а что происходит? — выдавила из себя Лера, чувствуя, как пересыхает во рту. — Что вы ищете?

Мама обернулась к ней, и Лера в жизни не видела у неё такого взгляда. Это была не злость, не досада, не привычное пьяное раздражение. Это была дикая, почти животная ярость пополам со стыдом и отчаянием.словно перед ней стояла не дочь, а какое-то чудовище, которое только что разрушило всю её жизнь. Мама ничего не сказала, только сжала губы в белую нитку.

— Ну, Лера, признавайся, — классная поправила очки и сделала шаг вперёд, — давно ты воруеть и употребляешь наркотики?

— Какие наркотики? — Глаза Леры полезли из орбит. — Вы чего сдурели?

— Ты так со взрослыми не разговаривай. Сейчас-то мы ничего не нашли, — женщина в форме, не обращая внимания на её слова, продолжала говорить, адресуясь скорее к классной и матери, чем к самой Лере. — Ты, наверное, всё уже употребила или спрятала. Но вот когда найдём — пойдёшь в милицию, там с тобой по-другому поговорят.

Дар речи окончательно покинул Леру. Она стояла, как громом поражённая, и переводила взгляд с одного взрослого лица на другое. Она всё ждала, что мама сейчас вступится за неё, скажет, что это какая-то чудовищная ошибка, что её дочь не воровка и не наркоманка. Но мама молчала, глядя на неё с этой своей новой, страшной ненавистью.

— Девочка пропала, а ты, значит, по подвалам лазаешь и слухи распускаешь, — продолжала причитать классная, расхаживая по комнате. — Никакая Катя не проститутка, и ни на какие дискотеки не ходит! Ты, Лерочка, наверное, думаешь, что ты так друзей завоеуешь, если будешь драться со всеми подряд и грязные сплетни распускать про несчастную девочку? Нет! Тут так не сработает! Мы — не какая-то там сельская школа! Мы при коммунизме элитной гимназией были! И воровать у нас не принято, между прочим! С кем ты связалась? Кто тебя надомил?

— Я же ничего не крала... — прошептала Лера одними губами.

— А вот это что такое? — женщина в форме вдруг торжествующе подняла руку, и Лера увидела в её пальцах тот самый кожаный кошелёк, который вроде как забрала Лапина. — Это

ж надо — главврача поликлиники обокрасть! Он с этой книжкой записной к нам три раза уже приходил, говорит, контакты там важные, потерять нельзя! Совсем у тебя ума нету, что ли?

— Да я ж его нашла! — выкрикнула Лера, едва сдерживая слезы. — Нашла на улице, у помойки! Я хотела вернуть, но не знала кому!

— Ага, «нашла», — буркнула сотрудница, закатывая глаза. — Так я тебе и поверила. И в автобусе с ним не ехала, и не вытаскивала. Гладко стелешь, девочка. А пятьдесят тысяч где? Тоже «нашла» и «не знала», кому вернуть? Прогуляла всё? На наркотики потратила?

— Какие пятьдесят тысяч?! — взвизгнула Лера. — Там столько не было! И я их не тратила! Их у меня сегодня украли в раздевалке!

— На комиссию пойдёшь и на учёт встанешь! — рявкнула женщина в форме, переглянувшись с классной, которая лишь поджала губы и покачала головой. — Наркоманка! В подвал будем спускаться, где ты там всё прячешь? Там у тебя притон? Кто с тобой в банде?

— Мам... — Лера повернулась к матери, хватая её за руку. — Мам, я правда ничего не крада и ничего с наркотиками не делала! Пожалуйста, поверь мне! Я нашла этот кошелек в субботу, хотела отдать, но не знала, чей он! Я правду говорю!

Мама смотрела сквозь неё. В её покрасневших, уставших глазах не было ни капли сочувствия. Только глухое, затравленное отчаяние женщины, которая всю жизнь пыталась выплыть, а ей на шею постоянно вешали новые камни.

— Врунья ты, — отрезала она, вырывая руку. — Вся в отца. Он бы знаешь с тобой, что сделал, если бы узнал?

Эти слова ударили сильнее всего. Сильнее кулаков Лапиной, сильнее пощёчин. Лера отшатнулась, как от удара, и замолчала. Спорить было бесполезно. Ей всё равно никто не верит.

Экзекуция длилась ещё с час. Взрослые заполнили какие-то бумаги, составили протокол, переговорили с мамой на кухне за закрытой дверью. Лера сидела в своей разгромленной комнате, на голом матрасе, и безучастно смотрела в одну точку. До неё доносились обрывки фраз: «учёт», «комиссия по делам несовершеннолетних», «кража», «по статье пойдёт», «договариваться надо будет идти». Она не понимала смысла этих слов. Они были как заклинания на чужом, незнакомом языке.

«Вся в отца. Он бы знаешь с тобой, что сделал, если бы узнал?»

Она не хотела вспоминать и думать об этом. Были случаи, когда её уже ловили на воровстве или порче, и заслуженно.

Отец бы изменился в лице, весь ссутулился, нагибаясь к ней, навис бы, потащил в сарай, снял бы ремень, заставил вытянуть руки и держать перед собой, и начал хлестать её и спрашивать:

«Зачем сделала?»

«Ты дурная?»

«Ты чё позоришь меня?»

Мать била её от собственной ярости и злости, отец — не так. Она плакала, и орала, почти что выла от боли, а он всё равно заставлял её вытягивать руки, и снова бил, со всей силы, совершенно не стесняясь, что-то в нём просыпалось нечто такое, от чего становилось страшно, и бил он так долго, будто бы хотел, чтоб ей на всю жизнь хватило.

Но ей всё было мало, видимо...

«Не ври», «не воруи», «не прогуливай», «не ходи с мальчиками», «не кури», «не пей».

Если так подумать, она и правда во всём этом виновата, и раз за разом делала именно то, что ей запрещалось. И, конечно же, ей теперь никто не верит. Потому что она и правда врунья.

Наконец хлопнула входная дверь. Взрослые ушли. В квартире снова стало тихо и пусто.

Можно было вдохнуть полной грудью, но дышать она не могла — задыхалась. Она вскочила с кровати, прошлась по комнате, потом обратно. Открыла окно настежь — морозный воздух ворвался в комнату, но не принёс облегчения. Она рванула ворот свитера, растянула его, чувствуя, что он душит её. Даже думала залезть в мамину аптечку и принять что-то. Сердце колотилось где-то в горле, перед глазами плыли тёмные круги.

Не хватает воздуха.

Словно что-то навалилось на неё и душит.

А она даже не понимает, что это. Просто огромная, чёрная, бесформенная масса, которая заполнила собой всю комнату, всю квартиру, весь мир, и теперь давит, давит, давит на грудную клетку, не давая сделать ни вдоха.

Становилось хуже, темнело в глазах. Она опустилась на пол, потом легла, свернулась клубочком прямо на разбросанных вещах, прижав колени к груди. Каждая мышца в теле была напряжена до предела, до дрожи. Так и отпустило. Не сразу, постепенно — хватка невидимого душителя ослабла, и Лера смогла сделать глубокий, судорожный вдох.

Плакать не хотелось. Слезы кончились. Но было как-то грузно и тяжело в мыслях и теле. Словно у неё внутри что-то перегорело. Словно каким-то выключателем щёлкнули, и что-то важное выключилось, что-то вроде лампочки, которая давала свет и надежду. А теперь там только темнота и холод.

Чувствовала себя грязной. С головы до ног. Будто все эти обвинения, все эти взгляды, все эти унижения прилипли к коже маслянистой, вонючей плёнкой, которую не смыть никакой водой. Она набрала ванну и легла, не дожидаясь, пока та наполнится до конца.

Вода была почти горячей, почти обжигала. Но это было хорошо. Это было то, что нужно. Лера лежала неподвижно, глядя в потолок, и слушала, как вода в ванной медленно остывает и понемногу уходит через старую, плохо притёртую пробку. Из не закрывшегося до конца крана монотонно падали капли.

Кап.

Кап.

Кап.

Этот звук, такой простой и ритмичный, вдруг наполнился чудовищным смыслом. Словно все эти неприятности и всё это плохое по капле переполнили её до краёв, и теперь полилось через край с таким же тихим, неотвратимым звуком. Она больше так не может. Ни секунды. Это невыносимо — быть тут. Быть ею. Быть.

Взгляд Леры снова остановился на вскрытом бритвенном лезвии, которое лежало всё там же — на краю ванной. Оно пряталось среди мыльницы и пузырьков с шампунем — лёгкий, почти невесомый кусочек металла, который мог бы помочь. Она потянулась к нему мокрой рукой, взяла, начала вертеть в пальцах. Сталь уже покрылась лёгким налётом ржавчины, уже не отражала свет, не блистала, потускнела. Совсем как Лера.

А что, если этим лезвием резануть со всей дури? Не просто чиркнуть поперёк, как она делала в прошлый раз, чтобы заглушить душевную боль физической, а по-настоящему. Крови будет куда больше. Вся ванная будет в крови, и она будет лежать там, бледная и пустая под красной водой, как однажды показывали в каком-то страшном ночном фильме по телевизору.

Вызовут скорую.

Заберут в морг.

Потом похороны.

Или как это вообще делается? Мама поплачет. Будет жалеть о своих словах. Обо всём пожалеет. Если кто-то из школы придёт, будет нести жалостливую чушь о том, как они все её любили и как им будет её не хватать. Отпевать не будут — самоубийц ведь не отпевают, она это точно знала от бабушки. А она увидит папу. Или не увидит? Есть ли там вообще что-то? Или только чернота, как в том подвале?

Рука с лезвием задрожала. Она приложила холодный металл к внутренней стороне предплечья, туда, где под тонкой, почти прозрачной кожей синели жилки. Одно движение. Всего одно. И всё это закончится. Весь этот бесконечный, мучительный кошмар. Ей всё ещё отчаянно хотелось себя полоснуть, чтобы заглушить боль внутри болью снаружи — это желание никуда не делось, оно зудело под кожей, требовало выхода. Но какие-то остатки разума, какие-то глубоко запрятанные инстинкты крайне не хотели резать тело. И уж тем более выпускать кровь, удерживая лезвие глубоко в ране. Как-то это... неприятно. Больно. Страшно.

И в морге лежать не хочется. Холодно там, наверное. Одиноко. И на похоронах в гробу лежать не хочется — чтобы все пялились на неё, такую бледную и чужую. И не хочется, чтобы мама плакала — даже после всего, что та ей сказала. Не хочется, чтобы жалели её. Просто неприятно это. Неправильно.

Хочется жить.

Это осознание пришло внезапно, как удар тока. Несмотря ни на что... хочется жить. Просто другую какую-то жизнь. Чтоб никто её не трогал. Чтоб она могла гулять, где хочет, говорить, с кем хочет, ходить в гости, и чтобы у неё были друзья, которым не плевать. Хочется узнать, что стало с папой. Хочется посмотреть на море. Хочется жить. Пусть непонятно пока как, пусть непонятно, что делать... Пусть пока шторм.

«Спокойное море моряка не воспитает».

Она убрала лезвие обратно и отстранилась.

В этот момент в коридоре снова зазвонил телефон. Резкий, пронзительный звук разорвал тишину квартиры. Лера вздрогнула, вода в ванной колыхнулась. Она не вставала и не брала трубку, пока он не заткнулся. Просто лежала и слушала, как он надрывается, а потом смолкает.

Она пролежала так долго. Очень долго. Вся вода ушла сквозь плохую пробку, и она осталась лежать в пустой ванне, пока почти что не высохла.

Встала. Медленно выбралась из ванны, натянула на себя футболку и вышла в коридор. Побродила по квартире, не зажигая света.

В гостиной на диване, укрывшись пледом, спала вернувшаяся и какая-то жалкая мама. Лицо её даже во сне было напряжённым и несчастным. Даже вдруг стало жаль её.

Она вернулась в свою разгромленную комнату, порылась в сумке, которая чудом уцелела в этом погроме. Нашла сложенный вчетверо клочок бумаги с номером телефона Кости. Подошла к телефонному аппарату в коридоре, подняла трубку и набрала номер.

Тишина. Электрический шум, потрескивание на линии — тот самый, знакомый, от которого сердце начинало биться чаще. А потом в трубке задышали. Неглубоко, часто. Но это дыхание было другим — живым, тёплым.

— Да, — ответил немного искажённый помехами голос Кости.

— Привет, Кость... — она замялась, не зная, что говорить, как объяснить, зачем она позвонила. — Хочешь поговорить?

Глава 9

Живот то крутило, то сводило такой болью.

В этот раз даже хуже, чем обычно. Будто там, внутри, скручивали мокрую тряпку, выжимая её до последней капли. Гудела голова, начался озноб, словно стая мошкары налетела и начала донимать неясная тревога. Может, к месячным прибавилась простуда, а может, в этот раз всё решило протекать вот так, по-особенному мерзко и неприятно, как и всё в этой проклятой Москве.

В другой день можно было бы прикинуться больной. Сказать, что температура, что горло, что нет сил встать. Мама, может быть, поворчала бы, но оставила в покое. Но не сегодня. Прогул занятий не рассматривался — скандал дома всё ещё тлел, и мог вспыхнуть в любой момент от малейшей искры. С момента вторжения в её комнату и обвинений Бог весь в чём — они почти не разговаривали. Мама снова собрала сумку и уехала, даже не сказав, куда и насколько. Жаль, что она вернётся. С этим ничего не поделаешь.

Придётся тащиться в школу. Других вариантов просто нет.

Она заставила себя встать. Надела майку и кофту с длинным рукавом, чтоб лишнего не было видно. Натянула колготки, изрядно поборовшись с ними, и стараясь не обращать внимания на новые приступы ноющей боли внизу живота. На ходу начала заниматься волосами. Пошла в ванную, плеснула в лицо ледяной водой.

Не полегчало.

Зеркало отразило бледное, осунувшееся лицо с тёмными кругами под глазами. Синяк на скуле почти прошёл, превратился в желтовато-зелёное пятно, но ссадины на шее всё ещё были заметны. Лера потёрла их пальцем. Заживает. Жаль, что так долго.

На улице было так мокро и грязно, что Лера скривилась ещё сильнее, и с огромным трудом заставила себя идти к школе. Мимо прошла женщина, с почти что таким же лицом, и не обратила на неё никакого внимания, словно Лера наконец-то стала тут своей и не выделялась. Жаль только, что рецепт этого превращения оказался таким горьким.

Прошла до школы окольными путями, сдала куртку в гардероб, поглядела расписание, пошла до аудитории.

То ли из-за гриппа и слякоти, то ли из-за лени и непопулярности ОБЖ в классе появилось много свободных мест, и Лера, словно раненый зверёк, инстинктивно ищущий укрытие, смогла сесть у стены на первых партах. Она села, достала тетрадь, ручку и просто пыталась пережить это новое тяжёлое испытание. Минута за минутой. Урок за уроком.

Лапиной и её шайки не было, но даже это не принесло облегчения.

— Ты чё нос повесила? Обиделась что ли на меня?

Она вздрогнула. На перемене к ней подошёл Костя, остановился рядом с её партой и слегка толкнул её бедром.

Лера пошатнулась, скривилась от нового спазма внизу живота, но вымученно улыбнулась. Костя стоял, сунув руки в карманы своих бесформенных чёрных штанов, и смотрел на неё сверху вниз с выражением ленивого любопытства. Его слегка обросшая голова блестела в тусклом свете ламп, а на подбородке темнела полоска пробивающейся щетины. Он был какой-то взъерошенный, помятый, словно тоже не выспался.

— Привет... — голос у Леры был слабый, сиплый. — Нездоровится мне. Ну и с мамой у меня не очень. Всё как-то не очень.

— Вчера не жаловалась, — ехидно заметил Костя, приподняв одну бровь.

Ей даже стало немного стыдно за то, какая она сейчас, и как его поприветствовала. Вчера они проговорили почти час, и этот разговор считай вытащил её из чёрной ямы отчаянья. Костя рассказал про новую кассету, про дурацкий фильм, который показывали по телеку, про то, как он застрял в лифте по-настоящему и его вызволял монтёр. Лера слушала, иногда вставляла рубкие фразы, но ей становилось легче. Не хорошо, нет. Но легче.

— Ну, так ты всё время говорил, — улыбка Леры сама собой стала шире. Она вдруг поняла, что рада его видеть. Искренне рада. — Мне вчера аж полегчало, не хотелось о плохом вспоминать.

Костя кивнул, пожевал губу и присел на корточки рядом с её партой, заглядывая в лицо.

— А с мамой у тебя чё?

Лера вздохнула. Рассказывать не хотелось, но и держать в себе особо не было сил. Она опустила глаза, принялась теревить край тетради.

— Да связалась с черножопым, прости Господи, бухают они, и бьёт он её. Неприятный прям. Ну и ругаемся мы.

Она замолчала, ожидая реакции. Костя нахмурился. Его лицо, обычно насмешливое и расслабленное, посмурнело, стало жёстким, холодным, собранным.

— Ну... если чё, могу выцепить его. Ты только пальцем ткни. Здоровый он?

— Да не, не надо, — побледнела Лера, представляя, что может случиться. — Этого ещё не хватало. И так скандал на скандале.

— Ну смотри, — смягчился Костя. Он выпрямился, снова сунул руки в карманы и качнулся с пятки на носок. — Чёт ещё случилось?

— Да у вас тут постоянно случается... — пробормотала Лера. — Девочки пропадают, а всем плевать...

— Ну, мне не плевать, — кривовато улыбнулся он. — Она, и правда, загулять могла, кто бы там чего ни говорил. Видал я её на районе во всяких компашках и по ночам. Может, и найдётся она... Не маньяк это. Не верю я.

Мысль о том, что он знает пропавшую девочку, вдруг показалась Лере странной, прямо-таки кольнула. Что-то внутри сжалось, стало неудобно. Улыбка стёрлась с её лица, она посмотрела на него нахмурившись.

Костя, заметив её взгляд, скорчил рожу — высунул язык, скосил глаза к переносице. Получилось так нелепо и по-детски, что Лера невольно фыркнула. Нет... Не может же он быть маньяком. Слишком дурашливый, слишком простой. Не похож он на тех садистов из фильмов, что показывали поздно ночью по телевизору, — молчаливых, с холодными глазами и страшными улыбками. Костя — другой. Он — настоящий.

А вот Эдик этот, он не добрый. Когда он в ту ночь ворвался к ней в комнату с ремнём в руке, с этими бешеными, пьяными глазами, Лера почувствовала такой ужас, какого не испытывала никогда. Что он хотел сделать? Просто напугать? Отлупить её ремнём, повоспитывать, как своего ребёнка? Или что-то другое, то, о чём она боялась даже думать? Но и он не маньяк. Он всё время с мамой был. Когда бы он успел?..

И сколько таких маньяков вообще по Москве этой огромной бродит?

Вдруг мимо них проскользнула Лапина. Лера не заметила, откуда она взялась, — просто в какой-то момент ощутила на себе тяжёлый, буравящий взгляд. Лапина завернула голову, не сбавляя шага, и её глаза — холодные, злые — впились в Леру. Ничего не сказала, не остановилась, только посмотрела.

Лера поёжилась.

— А чё ты там говорила про подвал вчера? — Костя, казалось, не заметил Лапину. Или сделал вид, что не заметил.

Лера снова нахмурилась, пытаясь понять, откуда вообще он мог слышать. Неужели слухи про неё распространяются с такой пугающей скоростью, что все уже знают, что она... типа сумасшедшая? Что она... наркоманка...

Костя навис на дней, тоже нахмурилась, пытаясь понять долгую паузу. Лера собралась, и буднично так выдала:

— Туфельку там видала. Красную... Говорят, та девочка пропавшая была в красные одета. А мне никто не поверил.

— А чё ты там вообще делала?

Лера замялась. Не может же она рассказать про то, как ночевала в подвале, прячась от пьяного отчима? Нет, это слишком. Даже для Кости. И зачем он спрашивает вообще?

— Да просто шарилась, — сказала она, пожав плечами и стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. — Думала место найти, ну... знаешь, где зависнуть можно и чтоб не трогали, вроде твоего в лифте. У меня в деревне такие были, а тут ничего не нашла.

— Панк-ро-ок, — протянул Костя, широко улыбнувшись. В его глазах заплясали озорные искорки. — Ну ты оторва. А с виду — тихоня тихоней.

— Сам такой, — буркнула Лера, но уголки губ у неё всё равно поползли вверх.

— Покажешь после школы? — он снова толкнул её бедром в плечо.

— Покажу, — буркнула она, только бы он отвязался.

Уроки протекли мучительно. Время тянулось, как резина, и каждая минута отдавалась в висках тупой, пульсирующей болью. Лера несколько раз отпрашивалась в туалет — учителя нехотя отпускали, глядя на неё с подозрением. Она шла по пустому коридору, заходила в кабинку, запиралась и просто сидела там, привалившись к стенке, пережидая очередную волну неприятных ощущений. Умывалась холодной водой, пыталась успокоить желудок, пила прямо из-под крана, вода немного помогала. Смотрела на своё отражение в мутном зеркале, бледное, с красными пятнами на щеках, с воспалёнными глазами. Мда. Красавица.

Только после обеда её немного отпустило. Боль не прошла совсем, но стала глуше, терпимее — словно зверь, который устал грызть её изнутри и решил немного передохнуть. И как раз тогда кончились занятия.

Они с Костей вышли из школы вместе. На улице было промозгло и сыро — снег, выпавший на выходных, почти растаял, превратился в серую кашу под ногами.

До её дома шли молча. Он был задумчив, почти не смотрел на неё, что-то ворочал в голове. Лера не лезла с разговорами — ей и самой было не до болтовни. Снова стало тревожно. Почему-то она не подумала об этом моменте, что ей снова придётся идти туда и показывать всё лично. И что будет, если это действительно туфелька той девочки, и хуже того, что если девочка всё ещё в подвале?.. Что если они найдут её? И что если уже слишком поздно?

Они подошли к двери подвала. Костя остановился, оглядел обшарпанную дверь с облупившейся краской, хмыкнул.

— Серьёзно? Тут?

— Угу, — буркнула Лера, пытаясь не трястись и собрать себя в кучу. Позориться перед Костей совсем не хотелось.

Лера потянула дверь на себя. Та со скрипом отворилась, Лера ловко протиснулась между мусорными баками, включила фонарик и начала спускаться по кривой лестнице. Костя шёл сзади, чертыхаясь и спотыкаясь.

— Ну и дыра, — пробормотал он. — И ты тут одна шарилась?

— Ну да.

Внизу было темно. Лера попыталась вспомнить, где должна была быть находка, прошла в ту сторону, провела лучом фонарика по бетонным перегородкам, по ржавым трубам, по грудам мусора.

— Ну, может, и показалось, — буркнула она, слоняясь туда-сюда. Луч фонарика выхватывал из темноты всё те же детали: картонки, тряпки, бутылки, осколки стекла. Никакой туфельки. — Вроде тут была. Ничего не понимаю.

— Ну, место такое себе, конечно, — рассмеялся Костя, оперившись на стену и не собираясь ей помогать. Он стоял, скрестив руки на груди, и с интересом и весельем наблюдал за её поисками. — Кому расскажу, не поверят, что Лерка меня в подвал затащила.

— Ты... сам пошёл, — надула Лера губы.

Он пришёл сюда, не потому что ей поверил, а потому что ему было интересно поржать над ней.

— Ладно, никому скажу, — вдруг сказал он, словно прочитав её мысли. — И так тебя стесут. Ну а местечко — отстой. Сюда бы диван старый притаранить хотя бы, странно, что тут ещё никто не обосновался.

— В смысле?

— В коромысле. Думаешь, ты одна такая умная? Замков нет, давно бы тут кто зажил уже. Дворники, наверно, бомжей и наркоманов регулярно гоняют. В общем, надо валить отсюда, пока не спалились.

— Да я тут один раз учуть уже не спалилась... А как же туфелька...

— Да мусор это просто, Лер, — отмахнулся он. — Ну кто сюда потащится? Она симпатичная была, её бы в квартиру потащили или в машину. Какой подвал, ну? Пошли отсюда.

— Ну и ладно, — окончательно надулась Лера.

Ей стало обидно. Она-то думала, что хоть Костя воспримет её всерьёз, но нет... Хотя может, он и прав, и она это всё себе просто накрутила.

— Я тебе потом покажу местечки, но надо чтобы потеплее стало, — улыбнулся ей Костя. — Зимой там не вариант. Зимой только подъезды да хаты. Сквоты ещё есть, но там...

— Скво что?

— Сквоты. Ну... типа, был вот дом заброшенный, или завод там, ну вот там молодёжь поселилась, ну и бухает, и чего пожестче делает. Честно говоря, народ там мерзкий и отбитый собирается. Когда вот из другого города приехал, жить негде, не знаешь никого, ну вот туда можно пойти. Но лучше не надо, проще с кем-то в центре познакомиться, да вписаться попроситься.

— Понятно... — ответила она, ничего не понимая.

Они пошли к выходу. Лера чувствовала разочарование — и в себе, и в этом подвале, который вдруг показался ей не таинственным убежищем, а просто грязной, вонючей дырой. Они остановились у лестницы. Костя обернулся.

— Не веришь мне? — спросила Лера тихо.

— Почему это? — поспешил успокоить её Костя. — Ты ж не гонишь, вижу. Просто, может, и показалось. А может, и не просто. Всякая чертовщина с головой у людей встречается. Я не о том, что ты того. Я про чертовщину.

— Какая ещё чертовщина?

— Ну... я вот с дома свалил как-то, в лифте том сидел с пивом, свечка горела, в тетрадке рисовал всякое, ну там, не знаю, дьявола вызывал, — он усмехнулся, но как-то нервно. — На потолок глянул, а там лицо чёрта корёжится. Пересрался о-ё, свечку ногой смахнул, зажг её снова, ну а там просто дерьмо налипло какое-то... Бывает так, голова шалит, особенно если вокруг всякое дерьмо происходит или в жизни. А у тебя как раз происходит. С мамой, да в школе. От этого и хочется вон девочку найти да по подвалам ползать. Понимаешь?

— Вроде да...

Он говорил правильно, логично. Но внутри у Леры что-то сопротивлялось. Что-то глубинное, интуитивное твердило: «Ты видела. Ты не придумала». Но она заставила себя кивнуть. Просто не хотела дальше позориться.

— Да всё образуется, малая, — Костя легонько толкнул её плечом. — Чё ещё натворим? Чё-то быстро кончилось твоё развлечение.

Она подумала пригласить его домой. Мама, наверное, ещё не вернулась. Но идти туда не хотелось. Да и вести туда Костю, делать его частью этого всего... Нет.

— Не знаю.

— Ну, пошли пройдемся, а как замёрзнем, ко мне завалимся. Покажу тебе хоть, как нормальная комната выглядит. Плеер тебе вроде нашёл. Ну и ещё чего подгоню, значок там, плакат.

— Зачем?

— Ну как... тебе бы пошло быть панк-гёрл.

— Эм?

— Ну неформалочкой, — пояснил он с ухмылкой. — Ногти тебе покрасим, губы «гута-лином», оденем нормально, колготки порвём, и будешь ух...

— Дурак ты... — толкнула его Лера, но толкнула не сильно, почти ласково. — Меня тут и так в покое не оставят.

— Да пошли они все, — отмахнулся Костя. — Вот что такое панк. Да?

— Да... пошли они все, — эхом отозвалась Лера, и от этих простых слов ей вдруг стало легче.

Пошли они все. Лапина, классная, мама с её Эдиком, менты, продавщица, сплетницы-старухи. Все, кто смотрит на неё как на мусор. Пошли они все.

Костя вёл её куда-то в глубину района, и Лера вскоре поняла, что живёт ещё в неплохом доме и местечке.

Чем дальше они уходили от дороги, тем больше на улицах становилось неприятных личностей и компаний. Все они пялились на них, а Костя словно не замечал этого, не смотрел в ответ, будто они шли по улице совсем одни.

Только один раз он перестал смотреть в пустоту перед собой, когда навстречу ним прошла красивая девушка в мини-юбке. Он зацепился за неё взглядом, обернулся, когда она прошла мимо, и затем, словно вспомнив о Лере и будто его поймали на чём-то хулиганском, нелепо пожал плечами и улыбнулся.

И взял её за руку.

Стало немного спокойнее.

Вскоре показался его дом. Костя жил в старой сталинке на пятом этаже. Дом был прям страшный, но Лере было уже всё равно, лишь бы он держал крепкою.

— Ты только это, маму мою не пугайся, — немного замялся Костя перед дверью. Он вдруг стал каким-то неуверенным, дёрганным — совсем не похожим на себя обычного, даже показалось, что в росте уменьшился.

Лера подняла на него глаза, ожидая пояснений.

— Она... это... в тюрьме работает. Это... ну... отпечаток накладывает.

— Какой? — искренне не поняла Лера.

— Ну там... вопросы может всякие начать задавать каверзные. Ну и дерзить ей не надо.

— Я и не собиралась...

— Она на смену скоро, сильно не потревожит. Главное — до комнаты добраться. Готова?

— Н-наверное...

Костя вздохнул, вставил ключ в скважину массивной серой железной двери, повернул несколько раз, прислушался, открыл её и вошёл. Лера вошла следом. Костя тут же кинулся быстро снимать ботинки, и Лера, поняв намёк, принялась стягивать сапоги.

В глубине квартиры их действительно ждала мама Кости — крепкая женщина среднего роста, с короткими серыми волосами, одетая в строгую тёмно-синюю форму. У неё было широкое, грубоватое лицо с глубокими носогубными складками и цепким, не моргающим взглядом. Она смотрела на Леру так, словно сканировала её — с головы до ног, замечая каждую деталь: и дешёвую куртку, и старую юбку, и потрёпанную сумку.

Она молчала, пока они раздевались. Тишина была тяжёлой, давящей.

— Это Лера, новенькая. Я ей с уроками помогу, — неловко пробубнил Костя.

— С уроками? — ответил холодный голос с нотками издёвки. — Хм, смотри мне только потом, чтоб в подоле не принесла.

Лера почувствовала, как к щекам прилила кровь. Захотелось провалиться сквозь землю.

— Мам, это правда новенькая, — сквозь зубы огрызнулся Костя. — Только перевелась.

— Очень приятно, — неприятно улыбнулась мама Кости. Улыбка была похожа на оскал — губы растянулись, но глаза остались холодными. — Ты бы хоть подождал пока я уйду, водить этих, м?

— Здравствуйте, — пискнула Лера и ломанулась вслед за Костей мимо этого живого препятствия, стараясь, чтобы её лицо и уши не успели покраснеть ещё больше от стыда.

Оказавшись за спасительной дверью, они оба вздохнули с облегчением.

Комната Кости оказалась крохотной. Дверь не открывалась до конца, потому что упиралась в кровать. Кровать упиралась в шкаф. Шкаф, в свою очередь, упирался в подоконник и окно, а по другую сторону был стол. Получился такой узкий проход, в котором и одному-то было тесно. Было довольно грязно и завалено вещами: на полу из-под кровати выглядывали кассеты, журналы, какие-то провода, на стуле громоздилась гора одежды. Зато плакаты, фотки полароида, вырезки из газет и журналов, и наклейки были повсюду — на стенах, на дверце шкафа, даже на потолке. «Кино», «Алиса», «Nirvana», какие-то черепа, гитары, непонятные символы.

Пока Костя избавлялся от кофты и забрасывал рюкзак в глубины шкафа, Лера медленно ходила по узкому проходу от одного изображения к другому, стараясь найти хоть что-то знакомое. Она чувствовала себя чужой, лишней, но в то же время ей было интересно. Это был другой мир. Мир, в котором она ничего не понимала, но который её манил.

Как только входная дверь с грохотом захлопнулась, Костя внимательно уставился в окно. Он стоял, прижавшись лбом к стеклу, и следил за чем-то внизу.

— Мама у меня та ещё особа, может и с проверкой вернуться, чуть ли не шмон тут устроить может, — пояснил он, не оборачиваясь. — Но, видимо, не в этот раз, торопится и на автобус опаздывает. Фу-у-ух. Повезло.

Он выдохнул, словно сбросил с плеч огромную тяжесть. Потянулся к ручке окна, открыл его настежь — в комнату ворвался морозный и влажный воздух. Достал откуда-то из недр шкафа пепельницу и сигареты, зажёл и с наслаждением затянулся. В комнату потянуло горьковатым дымом. Стоять на полу стало холодно, Лера отступила к кровати, переминаясь с ноги на ногу.

— Иди сюда, — позвал Костя, не оборачиваясь.

Она подчинилась. Он протянул руку, притянул её к себе и обнял одной рукой. Это было приятно, несмотря на запах сигарет и идущий от окна холод. Лера расслабилась и положила голову ему на грудь. Она слышала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно. Его рука гладила её по спине, по плечам, и это было так... успокаивающе.

— Хочешь, затынись? — он всё ещё курил, держа сигарету в другой руке.

— Не хочу.

— Замёрзла? — спросил он, расцепляя объятия.

— Угу.

Он затушил бычок, выбросил его в окно и закрыл створку. Холодный воздух перестал поступать, но в комнате всё ещё было зябко.

— Ша, — сказал он, будто что-то вспомнив, и быстро вышел из комнаты.

Лера осталась одна. Она огляделась, поёжилась, села на кровать, подтянула под себя ноги, поправила юбку и волосы.

Костя вернулся быстро. В руках у него были две кружки, от которых поднимался пар, но пахло от них не только чаем. Запах был резкий, спиртовой, забивающий всё остальное.

— Запивона нету, уж извини, — сказал он, протягивая ей одну из кружек. — Я с чаем намешал. Так вообще норм. Согреешься махом.

Лера взяла кружку, раздумывая, пить или нет. Жидкость была горячей, почти обжигала пальцы, и пахла она чем-то вроде коньяка, только дешевле и резче. В животе было так паршиво, и её так трясло — то ли от холода, то ли от нервов, — что она решилась. Поднесла кружку к губам и сделала первый глоток. Вкус был отвратный, перебивал дыхание и щекотал нос, но чай с сахаром его действительно немного скрадывали. Тепло начало своё шествие по телу — от горла к груди, от груди к животу, и дальше, к кончикам пальцев.

— Мама у меня не пьёт давно, а с работы бутылки приносят, дарят ей, а она потом передаривает или раздаёт. А я потихоньку прикладываюсь да водой и чаем доливаю, чтоб не спалиться, — пояснил Костя, деловито прихлёбывая из своей кружки. Он уселся на кровать, поцарски откинувшись на подушку. — Ваще строгая она у меня, поймает если, мало не покажется. Как-то раз мы с пацанами по малолетке стёкла в школе побили, не поверишь чем... коржиками из столовой, такие тогда делали твёрдые, что можно было голову пробить, клянусь прям! Ну вот, мы кино про ниндзей посмотрели, набрали их, после уроков собрались втройка, и давай их швырять, кто дальше, а там такое началось...

Костю хотелось слушать. Так складно и важно он рассказывал всё эти нелепые вещи, перескакивал с темы на тему, то о музыке и пьянках, то снова о детстве, то своих планах и мечтах. Лера слушала вполуха, поймав себя на мысли, что любит его. Сама не поняла, как сделал ещё глоток, ещё, и ещё, в промежутках между кивками и улыбками, пока он говорил.

В голове немного зашумело, мир стал каким-то мягче, размытее. И она вдруг вспомнила, что ничего сегодня ещё не ела. Даже подумала попросить Костю сделать бутерброд, но постеснялась.

Он вдруг встал, прошёлся по комнате, погромел в шкафах и сунул ей в руки целую горсть вещей: потёртый донельзя кассетный плеер, небольшие наушники через голову, пару кассет в прозрачных коробках. Лера убрала всё в сумку, и когда нагнулась, чтобы поставить её, голова закружилась ещё больше.

Он сунул её в руку ещё подарок. Совсем тонюсенькую цепочку, померкшую, то ли золотую, то ли серебряную, было уже не понятно. Она взяла её в руку на автомате, и уставилась на Костю, этот подарок был уже совсем странным. Ей никогда ничего такого не дарили.

— Да не бойся ты, — усмехнулся Костя. — Не ворованная, и не мамина. Осталась тут от одной. Мне она не на что.

— В смысле осталась?

— Ну не вернулась, не забрала. Вот и осталась.

Не вернулась. Не забрала.

Что он такого сделал, что девушка не забрала своё украшение?

— Как тебе пошло? — повисла неловкая пауза, и Костя поспешил перевести тему.

Лера положила цепочку рядом, и вместо ответа для приличия отпила ещё один маленький глоточек, поставила кружку на стол, откинулась назад и легла на подушку. Потолок над ней был оклеен плакатами и наклейками, и она принялась их разглядывать, чувствуя, как тепло рас-

текается по телу, как тяжелеют веки. Боль в животе притупилась, стала почти незаметной, но голова начала кружиться. Было немного волнительно и странно, но ей так не хотелось рушить эту теплоту и расслабленность внутри, что она предпочла просто отогнать эти мысли.

— Всё нормально? — склонился над ней Костя. Его лицо оказалось близко, слишком близко.

— Да, — прошептала Лера. — Устала чего-то.

— Ну, поспи, — ласково сказал, нежно убирая волосы с её лица. — Чутка совсем. Я разбужу.

Предложение было странным, но в какой-то мере соблазнительным.

Он придвинулся ближе, начал гладить её волосы и голову, это было приятно, и на мгновение она едва не провалилась в сон. Вынырнула из него, и его лицо оказалось ещё ближе.

— Ты красивая, — едва слышно сказал он, и коснулся губами её губ.

Она не ответила на поцелуй, просто не сообразила, что нужно делать, вся замерла и затрепетала. Он поцеловал её щёку, подбородок, уткнулся в шею. Рука легла ей на бедро и слегка его сжала.

Ей хотелось, чтобы он снова поцеловал её в губы, но он вдруг притянул её к себе и заключил в объятия. Сначала она расслабилась, и уткнулась в него, но это было уже не так невинно, как у окна. Его руки полезли ниже талии, дыхание сделалось сбивчивым и касалось её шеи, и Лера вдруг почувствовала, как что-то меняется. Он был слишком близко. Слишком настойчиво. Слишком нагло. Она слышала, как бьётся его сердце — уже не ровно и спокойно, а быстро, глухо.

— М, — недовольно буркнула Лера, пытаясь, отползти и убирать его руки.

— Ну чего ты? — шёпотом спросил Костя, он слегка отстранился, навис на дней, улыбаясь и всё ещё трогая её.

Она не нашла что ответить, просто хмурилась и смотрела на него, надеясь, что по взгляду он поймёт, что наглеть не нужно, и что с ней надо не так. Но он быстро отвлёкся от её глаз. Его рука устремилась к пуговицам на кофте, и как бы невзначай, неторопливо и спокойно, он расстегнул две верхних, и пошёл вниз. Она смахнул его руку, стала застёгивать их назад.

— Ты чё динамишь? — спросил он уже не ласково, а улыбка его стала кривой и не натуральной.

Она снова не нашла, что ответить. Просто смотрела на него и молчала. А он полез снова — уже не целоваться, а задирает её юбку, и лапает грубо. Она попыталась вырваться, но он уже не давал — держал крепко, прижимал к кровати.

— Ты чё так жмёшься-то? — с долей какой-то раздражения и обиды спросил он, не прекращая своих попыток. — Ты чё, ещё девочка?

Она только испуганно на него посмотрела и вся сжалась. В горле застрял ком. Слова не шли. Ей хотелось встать и уйти, но силы куда-то делись, она оцепенела, и ей стало страшно.

Он же может и не остановиться. Он её и так слушал только для галочки. А тут...

— Да в жизнь не поверю, — рассмеялся он вдруг, и в этом смехе было что-то неприятное, снисходительное. Он на мгновение откинулся назад и посмотрел на неё, будто бы она сделала что-то очень смешное, и Лера на секунду подумала, что он отпустит, что всё кончится.

— У меня месячные! — прошипела Лера, и взбрыкнула так, что сбросила его. Он, не ожидавший такого отпора, отшатнулся, а она сама, потеряв равновесие, упала с кровати. Больно ударилась локтем об пол, но тут же подорвалась на ноги, схватила сумку и направилась прочь из комнаты.

— Лер! — недовольно позвал Костя. В его голосе не было вины, только раздражение, что его прервали.

Ноги заплетались, в висках стучало, перед глазами плыло. Добралась до двери, непослушными пальцами надела сапоги, сорвала куртку с вешалки, покачнулась и остановилась только перед дверью. Три замка. Три массивных, железных замка, с которыми ей не справиться.

— Лера! — Костя был уже позади неё. Его лицо было недовольным, почти злым, он сжимал кулаки, и только сейчас она поняла, насколько он большой и сильный.

— Выпусти! — прошипела Лера, вжимаясь спиной в холодную стену. — Орать буду. Драться буду.

— Да ты дура что ли?! — округлил он глаза и прикрикнул на неё, будто это она сделала что-то недопустимое и обидное.

Так они и встали на несколько секунд оба тяжёло сопя, жертва и охотник, почти заваливший добычу. Глаза у него тоже блестели, как у Эдика, но вдруг в них проступило презрение, он разочарованно качнул головой, шумно выдохнул, прошёл мимо неё открыл ей дверь.

— Пошла ты... — бросил он напоследок.

Она выбежала и понеслась по лестнице вниз, перепрыгивая через ступеньки, рискуя свернуть шею. В ушах свистел ветер, сердце колотилось где-то в горле.

— Папа, — беззвучно зашептала Лера. — Папа, забери меня отсюда. Пожалуйста. Пожалуйста...

Глава 10

Следующим утром она вошла в класс, надеясь на свободные места подальше от Кости, и к её счастью, такое место нашлось на первой парте. Она оделась скромно, как и хотела её мама, никаких юбок и колготок, решила и правда держаться тихо. Это казалось единственно верным, спасительным кругом в болоте, куда её затягивало.

Её всё ещё трясло.

Отголоски вчерашней выходки Кости всё ещё всплывали в памяти, липкие и отвратительные. Мама, в своей вечно пьяной прозорливости, оказалась права, и от этого осознания тошнило сильнее всего. «Мужикам одного-то и надо». Леру всегда эта фразочка бесила, и она была с ней не согласна, ведь папа-то совсем другой. И Костя должен был быть другой. Он может даже и не виноват, просто природа или Бог создали его таким. Он может, и не хотел ей пользоваться, и не врал ей, и действительно она ему нравилась, просто так вышло и не сдержался...

Или вовсе даже и не планировал сдерживаться...

Она старалась не смотреть назад, выкладывая из сумки ручку, тетрадку и учебник по химии, и ровняя их на парте, словно бы это помогло как-то упорядочить бушующие внутри мысли.

Химия. Наука о превращениях. О том, как одно вещество, столкнувшись с другим, навсегда меняет свою структуру, становясь чем-то иным, возможно даже ядовитым или взрывоопасным. Вот так и Костя вдруг для неё поменялся.

Может, потом, они поговорят. Может быть, он поймёт, что перегнул палку, и извинится. Может быть, он снова станет тем Костей, который дарил ей ощущение полета и крепкого плеча рядом. Но сейчас, в это конкретное утро ей до дрожи в коленях не хотелось его видеть.

Она была так сосредоточена на том, чтобы ненароком не глянуть в его сторону, не выдать своего страха, не показать виду, что нервничает, и не встретиться с ним глазами, что пропустила кое-что важное.

Привычного гула и шума разговоров нескольких компашек не было слышно, зато был слышен непривычный для класса голос. Голос Кости.

Она всё же обернулась, и мир сузился до одной сцены.

Костя сидел не в своем обычном углу у окна. Он восседал на парте, как на троне. Одна нога на сиденье, вторая небрежно болтается в воздухе. Он возвышался над толпой, словно тигр Шрам из мультика, которого она смотрела ещё в той, детской, жизни. И вокруг него, в роли бандар-логов, сгрудились члены шайки Лапиной и ещё тройка девчонок и ребят, не из числа заучек, а из «свиты» — те, кто всегда крутится возле силы, как мотыльки возле лампы. Они сидели на соседних партах, стояли в проходе, и их лица горели голодным ожиданием.

В тот момент, когда она обернулась, гул оборвался. Повисла ватная, звенящая тишина. Все они, как по команде, замолчали и устались на неё. Это был не просто взгляд. Это был коллективный акт оценки и вынесения приговора. На их лицах, как в кривом зеркале, отразился целый спектр: отвращение, смешанное с удивлением, презрение, смешанное с брезгливостью, и какой-то животный, нездоровый интерес, от которого хотелось забиться в угол и накрыться панцирем. И только Лапина, стоявшая чуть поодаль, скрестив руки на груди, была холодной. Это было даже страшнее, чем отвращение. На её лице застыла дистиллированная задумчивая ненависть. Ненависть, имеющая точный адрес, вес и химическую формулу. А Костя... Костя просто улыбался. Не той доброй, слегка виноватой улыбкой, которая пробивалась сквозь его обычную угрюмость. А какой-то другой, новой улыбкой. Улыбкой победителя, хозяина положения, улыбкой человека, который бросил кость в толпу и наблюдает, как её рвут на части.

И тут до неё дошло.

Он им всё рассказал.

Всё, что вчера было между ними. Вернее, то, что было в его версии. И, судя по тому, как они на неё смотрят, он, скорее всего, изрядно приврал. Разукрасил, раздул, перекроил реальность под формат грязной истории. Рассказал им, как легко добился своего. Нет, даже хуже... Выставил её не просто доступной, не просто дурочкой, которая повелась на дешёвую ласку и выпивку, а... шлюхой. Инициатором. Грязной деревенской девкой, которая набросилась на него, московского принца, и сделала с ним всё, что только он хотел, только представилась возможность.

Это было так несправедливо, так чудовищно, что на мгновение мир перед её глазами почернёл, и весь шум в ушах заполнил болезненный грохот её сердца.

Она впиалась в него глазами, умоляя остановиться. Сказать им, что он просто пошутил, спасти её от этого, и он точно прочитал этот взгляд и понял всё, о чём она молила.

С той же улыбкой, он слегка качнул головой.

Нет. Не будет он этого делать.

Она провинилась перед ним, и теперь он её наказал.

Мысли закружились в голове, сталкиваясь и разбиваясь друг о друга. Она хотела вскопичить, крикнуть. «Ничего не было! Он всё наврал! Вы что, не видите?!» Но голос застрял в горле, превратившись в колючий комок, который не лез из неё, и который она уже не могла проглотить. Никто её не слушает. Они уже всё решили. Они увидели то, что им показали, и довольны увиденным.

А любые попытки оправдаться за то, чего она не совершала, лишь подольют масла в огонь. Кровь прилила к лицу, обжигая щеки, и она, проклиная всё, залилась краской, и отвернулась, подарив и последнюю улику в обвинительном приговоре. Это невольное движение спровоцировало взрыв смеха за спиной. Лающий, каркающий, торжествующий смех гиен.

Вот же урод... Вот же урод этот Костя! Урод, сволочь, мразь!

Слезы брызнули из глаз, горячие и крупные, размывая строчки учебника. Она наклонила голову вниз, почти касаясь лбом шершавой поверхности парты, и напряглась всем телом, каждой мышцей, каждым сухожилием, чтобы никто не увидел, как она плачет, чтобы задавить слёзы назад. Спина стала каменной.

Вдох. Выдох. Не разрыдаться в голос. Нельзя. Нельзя.

Ну почему? Почему в этой Москве, люди все вот такие? Что такое с ними тут случается? Что за химическая реакция превращает их всех поголовно в таких зверей? Может, ей нужно стать такой же? Наплевать на всех. Врать не краснея. Толкать и бить, как только кто-то повернётся спиной или покажется слабым. Может, тогда её примут? Может, стать хищником — это единственный способ перестать быть добычей?

От этой мысли повеяло непривычным холодом, будто это была вовсе не её мысль, а чья-то чужая, случайно попавшая в её голову. Нет, она точно она не хочет становиться ими. Ей нужно что-то другое... Но что?

Она просидела так всю химию, потом алгебру, глядя в одну точку. Звонки раздавались, как удары колокола, но она их почти не слышала. Лапинские и Костя отсидели все шесть уроков. Они, и ещё полкласса, всё перешёптывались, пересмеивались, оборачивались на неё, и она не слышала толком, о чём именно они говорят, только с каждым смешком и словом внутри неё что-то умирало, капля за каплей.

Ей уже не хотелось плакать. Источник слез, пересох как Мёртвое, или какое там, море. Она застыла изнутри, покрылась льдом, как забытый в холодильнике кусок мяса. В какие-то моменты ей даже удавалось сосредоточиться на уроке, выводить формулы, списывать с доски, заполняя клеточки тетради аккуратными цифрами. Она цеплялась за эту спасительную механическую работу, как за последнюю ниточку, держащую её на плаву в этом тёмном и вонючем болоте.

Когда прозвенел последний звонок, она не шелохнулась. Все вокруг засуетились, загалдели, закидывая сумки на плечи, и класс стремительно опустел. Она вышла последней, собирая вещи в рюкзак так, будто была пьяной или больной лихорадкой. Движения были замедленными, неточными. Ручка упала на пол и закатилась под парту, и она просто оставила её там. Домой идти не хотелось, вообще никуда идти не хотелось. Мысль о том, чтобы вернуться в квартиру, где пахнет перегаром и ещё не забытым скандалом, вызывала физическое отвращение. Она поднялась на третий этаж, туда, встала в тупиковый удалённый закоулок у окна, и смотрела, невидящим взглядом, как внизу расходятся по домам крикливые стайки первой смены, а затем пространство наполняется гулом смены второй, младшей и ещё более шумной, и простояла так часа два или три, пока не начало темнеть.

Домой она шла неспешно, опустив голову, словно там её не ждало ничего, кроме новой казни, и заметила опасность слишком поздно. У её подъезда, облокотившись на грязную стену, тёрлась вся компания Лапиной. Они явно ждали именно её.

Она попыталась пройти мимо, сделав вид, что не заметила, но усатый, тот, что с вечно сонным и жестоким лицом, сделал шаг в сторону и загородил проход к двери.

— Чё те надо? — спросила Лера Лапину, и её слабый и без того голос дрогнул. Сил драться с ней, огрызаться, как-то отвечать на её подначки, не было совсем.

— Пятнашка моя где, Мышара? — с холодной, растянутой улыбкой процедила Лапина, делая шаг вперёд. Она стояла к ней почти вплотную, и Лера чувствовала запах мятной жвачки из её рта.

— Нет у меня, и не будет, — так же холодно, хотя внутри всё сжалось до размеров горошины, ответила Лера. — Чё хочешь делай.

— А чё ты не отработала на трассе? — ехидно спросил усатый, подмигнув лысому. — Не дают тебе денег-то? Или берут, да не платят?

— Цыганин тебе бабки не даёт? Просто так тобой пользуется? Так бизнес не сделаешь, тупая, — включился лысый.

Лера промолчала, чувствуя, как ледяная корка внутри становится толще. Не дождутся они её слез. Ни сейчас, ни потом. Только бы отстали.

— Ну пойдём, будешь отработывать, — легко сказала Лапина, пожав плечами.

Лера сама не поняла, почему безропотно пошла с ними. Почему не попыталась драться, вырваться, кричать, бежать, заговорить их или позвать на помощь. Лысый просто взял её под руку и повёл прочь. И она пошла. Просто дала себя увести, словно козу на убой, на какой-то семейный праздник. Она же понимала с первой секунды, ещё там, у подъезда, что всё это добром не кончится. Понимала печёнкой, спинным мозгом, каждой клеточкой. Но какая-то её часть, та самая глупая, наивная, детская, зачем-то испытывала крошечную, стыдную надежду. Надежду, что пронесёт. Что они просто поиздеваются словами, унизят, может, пару раз толкнут или попинают, и этого им хватит. Что она обязательно найдёт способ избежать чего-то... тяжёлого. Непоправимого.

Глупая.

Её повели через заснеженный пустырь, в большой гаражный массив. Там, где уже не видно было ни домов, ни редких прохожих, никого, кто бы мог помочь или вступиться. Её завели в глухой закоулок с одним выходом.

Сначала они просто стояли полукругом, зажав её в угол у двери гаража и стены массива, курили, и переглядывались. Глаза у них блестели неестественно, прямо как у Эдика иногда, и от этого было сильно не по себе. Лера просто стояла в центре этого круга, опустив руки, и хотела лишь одного: чтобы всё поскорее закончилось. Любым способом.

— Ну ты шлюха, конечно, — вдруг сказала Лапина, презрительно качая головой, словно врач, констатирующий факт неизлечимой болезни. — Мальчика-то зачем испортила?

Лера, смотревшая в утоптаный, грязный снег, подняла на неё непонимающий взгляд.

— Он же теперь заразиться чем-то от тебя мог, шалавы, — процедила Лапина. — А он мне нравился, знаешь? Хороший парень. Мы бы его к себе подтянули. Думали, нормальный папан, а он с деревенской подзаборной швалью связался.

— Ничего не было, — выдавила из себя Лера. Это был даже не звук, а выдох.

— Ну, для тебя это конечно «ничего», сразу дать, — с наигранной заботой покачала головой Лапина. — Вот вы скоты деревенские. Животные какие-то. У вас там, поди, в колхозе, каждая вторая подзаборная. Кобели и суки. Делать нечего в деревне, вот и сношаетесь только.

Лапина ударила её. Просто, без замаха, обидной, жгучей пощёчиной. Лера отшатнулась, сделала шаг назад, но удержалась на ногах. Она снова уставилась в грязный снег, наблюдая, как кровь от её вновь разбитой губы капает вниз, расцветая алыми маками.

Снова останутся следы.

Какая-то совсем маленькая, агонизирующая часть её «я» думала над тем, чтобы снова броситься на неё, вцепиться в волосы, расцарапать лицо. Но гораздо большая её часть, похоронившая надежду, противилась и не могла сделать этот шаг. В этом не было смысла. На это не было сил. Лапина не отстаёт, даже если ей даёшь сдачи, и даже если она получает в ответ. Это была аксиома, доказанная опытом. Да и сразу было понятно, что в этот раз никто не позволит ей отвечать. Лысый и усатый кинутся на помощь, если она только пискнет, скрутят, будут держать, заломят руки. А Лапина, видя сопротивление, только больше взбесится и неизвестно, что сделает. Можёт, она совсем ку-ку, достанет нож и порежет её, или вообще её убьют тут.

Поэтому стиснула зубы и терпела.

Быстрее бы всё закончилось.

Ещё одна пощёчина. Другую. Удар кулаком по уху, от которого перед глазами вспыхнули искры, а мир покачнулся. Пинок в живот, от которого она согнулась пополам, судорожно хватая ртом воздух. Пинок коленом в голову, когда она уже была внизу, от которого она упала спиной в снег. И потом уже град беспорядочных пинков по ногам, спине, почкам. Лера только подняла руки, защищая голову и затылок, и подтянула к себе колени, стараясь, чтобы снова не попало в живот. Мир превратился в череду глухих, смазанных ударов, собственного хриплого дыхания и вкуса крови во рту. Она закрыла глаза и попыталась представить, что она не здесь.

Лапина быстро запыхалась, и отошла, тяжело дыша. Засмеялась громко и как-то неестественно, закинув голову. Лера медленно, с трудом, поднялась на четвереньки, затем, шатаясь и хватаясь за холодную бетонную стену, встала. Отряхнула грязный снег с колен и рукавов, стараясь не смотреть на своих мучителей. Всё тело гудело, как колокол. Она не плакала. Ей казалось, что она разучилась плакать.

Пока её били, лысый распотрошил её сумку. Высыпал всё содержимое на снег: учебники, мягкие тетрадки, карандаши, линейку, фонарик и зеркальце, треснувшее от падения на лёд. Искал, наверное, деньги или чего ценного, что можно было отобрать. Лапина, подскочив, с каким-то щенячьим восторгом принялась втаптывать это всё в снежную грязь. Пластик ломался, бумага рвалась, Лера смотрела на это, не чувствуя ничего.

Лапина вскоре вернулась к ней, на лице у неё играла широкая, предвкушающая улыбка, а в руках она несла пустую бутылку из-под пива, взятую где-то тут же.

— Раздевайся, — бросила она Лере ещё издали. Голос её был спокойным, почти будничным.

Лера покачала головой. Медленно, но решительно. Она не сразу поняла, что сказала Лапина, не испугалась, когда поняла, и просто решила. Не будет она раздеваться. Пускай дальше бьёт, пусть даже этой бутылкой огреет по головам, пускай убивает. Но позориться больше она не будет. Просто не может.

— Раздевайся, сказала! — рывкнула Лапина так, что Лера вздрогнула, а эхо заметалось между гаражами. — Будешь отрабатывать, как на физре! Десять приседаний на бутылку, сука драная. Штаны снимай, кому сказала! Устроила тут цирк!

Не дожидаясь приказа, подошёл лысый. Он схватил Леру под руку и рванул вниз с такой силой, что она едва не упала. Он навис над ней всей своей массой, тяжело дыша, как загнанный зверь, и сжал пальцы свободной руки в кулак величиной с кувалду. Она смотрела на его костяшки, покрытые ссадинами, и понимала: если он ударит, будет куда больнее. Может, сломает ребро, может, выбьет зубы. Может, даже убьет её, если перестарается. Какая-то крошечная, дрожащая часть её души хотела сдаться, сделать всё, что они говорят, просто чтобы это прекратилось. Встать на колени, снять штаны, выполнить унижительный приказ и надеяться, что они просто посмеются, и уйдут. Но большая, заледеневшая её часть, понимала: стоит ей только поддаться, как они сделают с ней нечто непоправимое. Назад уже дороги не будет. Они потеряют последние остатки тормозов, увидят, что она сломана окончательно. Это будет концом.

Нельзя этого делать.

Лапина поставила бутылку на землю, горлышком вверх. Бутылка слегка покачнулась, но устояла в рыхлом снегу. С перекошенным от злобы лицом, ставшим некрасивым и старым, она подошла вплотную и начала осыпать Леру быстрыми, хлесткими оплеухами, от которых голова моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Щеки горели огнём. Лера молчала и терпела, вцепившись зубами в разбитую губу.

Это не возымело действия. Лера не падала, не снимала одежду, не кричала. Она просто стояла и принимала удары, глядя сквозь Лапину. Лапина переглянулась с лысым. В её глазах мелькнула растерянность, смешанная со злостью. Лысый снова схватил её обеими руками за воротник куртки, с силой вдавил в холодную, обжигающую спину бетонную стену гаража, выбив из легких остатки воздуха. А Лапина, воспользовавшись моментом, резко нагнулась, вцепилась холодными пальцами в ремень её джинс и начала яростно стягивать с неё штаны, матерясь сквозь зубы. Лера закричала. Ну, точнее, попыталась. Из её горла вырвался лишь тонкий, жалкий, мышинный писк, сорвавшийся в хрип. Голос ей не повиновался.

Борьба была недолгой. Они были сильнее, и их было больше. Они смеялись и улюлюкали, а она выдохлась, извиваясь и пинаясь. Мир на мгновение перевернулся. Она оказалась на коленях в грязном снегу, джинсы спущены до лодыжек. Лысый навис над ней, заломив руки над головой и не давая ей встать и двинуться. Снег обжигал голую кожу, но это была меньшая из её проблем.

— Щас я тебе помогу, — почти пропела Лапина ласковым, материнским голосом. Она нагнулась, подняла бутылку, зажала её в руке, как эстафетную палочку, и пошла назад к Лере, слегка покачивая бёдрами. — Щас ты у меня сядешь, сучка. Как миленькая запрыгаешь.

Животный, первобытный ужас прорвал ледяную корку. Лера завывала, начала бороться с удвоенной, утроенной силой. Она падала на бок, поджимала под себя ноги, брыкалась и извивалась, как выброшенная на берег рыба. Она кричала — уже громче, отчаяннее — пока Лапина и лысый таскали её из стороны в сторону, пытаясь опрокинуть на спину, раздвинуть ей ноги, подлезть бутылкой. Холодное стекло несколько раз коснулось внутренней стороны бедра, и каждый раз её пронзал разряд панического отвращения. Крики Леры, хриплые, полные животного ужаса, заметались эхом в бетонном мешке.

Ничего не вышло.

Они оба выдохлись, и Лапина вдруг отпустила её. Резко, словно отбросив сломавшуюся игрушку. Она нервным, дёрганным движением потянулась в карман, достала смятую пачку сигарет, выудила одну, закурила. Кончик сигареты задрожал в её пальцах. Руки тряслись. Вдруг она толкнула плечом усатого, который всё это время стоял чуть поодаль, наблюдая за проис-

ходящим с ленивым, но пристальным интересом. Тот наклонился к ней, и Лапина, одними губами сказала ему:

— Ну чё, давай.

— Да я не буду её трахать! — громко ответил усатый, демонстрируя шербатые зубы.

— А чё стрёмная что ли? — усмехнулась Лапина.

— Или пидор? — буркнул лысый, всё ещё удерживая Леру, но уже без прежней силы.

— После цыганского табора и её деревни не буду, — уже серьезнее и как-то брезгливо сказал усатый. Он почесал небритый подбородок и добавил: — Хотите, чтоб у меня хер отвалился? Да пошли вы.

— Ну в рот ей хотя бы дайте, — попросила Лапина.

— Не, — пробасил лысый. — Стрёмная.

— Какая же ты мерзкая прошмандовка, — медленно, почти заворожено, проговорила Лапина, глядя на лежащую в снегу, полураздетую, дрожащую Леру. — И чё тебя Костик захотел? Дурной он какой-то, ну. Ещё раз тебя с ним увижу, считай, что похоронили тебя. А бутылку я тебе щас о башку разобью.

Она сделала шаг к Лере, и в этот момент тишину гаражей разорвал грубый, прокуренный мужской голос, от которого вздрогнули даже стены:

— Э, вы чё тут опять ломаете, дебилы малолетние?! Ну-ка свалили отсюда!

Крепкий дедок из какого-то соседнего гаража размахивал руками и осыпал их матами. Лапина и её шайка застыли на месте, превратившись в восковые фигуры, с глупым и слегка напуганным видом. Их лица разом потеряли всю свою звериную уверенность. Они раздумывали, что ответить, ведь дедок перекрыл единственный выход из закутка и не думал униматься. Этого мгновения замешательства Лере хватило. Она рывком встала, пошатнувшись, натянула на себя холодные, мокрые от снега джинсы, даже не пытаясь застегнуть ремень, и, прихрамывая, пошла прочь, не оглядываясь. Её никто не остановил.

Она вернулась к дому, когда уже было темно.

Увидела тусклый, больной свет в окнах своей квартиры. Желтый прямоугольник, обещающий лишь новую порцию страданий. Вместо того чтобы открыть дверь подъезда, она потянула на себя холодную, обитую ржавым железом дверь подвала. Сбежала по заплеванным лестничным ступеням вниз, углубилась в темный коридор, ведя рукой по стене, пока не остановилась где-то посередине.

Перехватило дыхание. Слезы, которые она так долго сдерживала, прорвали плотину и полились ручьём — горячие, отчаянные, солёные. Она села на корточки, привалившись спиной к облупленной стене, и уткнулась лицом в колени, прерывая рыдания судорожными, жадными вдохами. Хотелось залезть в петлю, броситься с крыши, раствориться, исчезнуть. Чтобы не было больше ни этой боли, ни этих людей, ни этого мира.

Боль в душе была настолько сильной, невыносимой, затапливающей, что она почти не чувствовала того, что была жестоко избита. Она всё спрашивала себя, что она такого сделала, чтоб заслужить такое, почему, почему это с ней происходит.

С очередным всхлипом ей вдруг удалось вернуть себе дыхание и остановить слезы.

Она утёрлась тыльной стороной ладони, размазывая по лицу кровь и грязь. Встала. Ноги дрожали, но держали. Глаза её снова забегали, пытаясь заглянуть в тёмные углы под трубами. Проклятая туфелька. Если бы она нашлась. Если бы она помогла найти ту девочку, если бы она перестала быть просто странной сумасшедшей, к ней, быть может, совсем бы по-другому отнеслись. К ней бы прислушались. Её бы не тронули.

Она снова пошла искать. Медленно, хромя и оступаясь, она бродила в полутьме, шаря руками по холодному полу и заглядывая под трубы.

Ничего не нашла, снова накатило, снова разрыдалась. Пока она плакала, уже как-то тихо и не так судорожно, она вспомнила, что сумка осталась там, у гаражей, и что возвращаться без неё нельзя.

Мама заметит. Будет допрос. И тогда уже точно увидит синяки и ссадины... Скажет, что она сама нарвалась. Что так ей и надо что её предупреждали, что дети тут злее, и что она допроситься, и что они её проучат.

Вот и проучили.

Или ещё чего поведёт её извиняться перед этой Лапиной... Вот та будет смеяться...

Слезы снова встали в глазах.

Лера долго пыталась собраться, и заставила себя вернуться к гаражам. Она нашла то место быстро. И сумку, и разбросанные тетради с учебником уже щедро присыпало мокрым снегом. Учебник химии, который ещё нужно было вернуть в конце года, лежал, раскрытый посередине, и его страницы, жадно впитав воду, разбухли до уродливых размеров. Чернила расплзлись, формулы превратились в бессмысленные фиолетовые кляксы. Это всё выглядело как конец всего. Итог. Жирная точка.

Она подобрала мокрые, тяжелые, остатки своей школьной жизни и побрела назад.

Вошла в подъезд и замерла. Сверху, этажами выше, доносились голоса. Два голоса. Один — незнакомый, скрипучий, принадлежащий какой-то старухе-соседке. А второй... второй был мамин. Пьяный, заплетающийся, но всё же различимый. Голос, который она узнала бы из тысячи.

— ...Лерку мою, шалаву, увидишь — домой отправь. Совсем от рук отбилась. Уроки прогуливает, шляется непонятно где, с мужиками какими-то... Позорит меня, — В голосе матери была не злость, а какая-то пьяная, слезливая обида на весь мир. — Скорее бы уже доучить её...

Ей ответили какой-то заправской присказкой, мол, «такая молодежь пошла», и посмеялись. Мама и соседка разошлись, хлопнули двери с характерным железным лязгом.

Лера ещё надолго осталась стоять на лестнице, между этажами, где на стене было выцарапано грязное ругательство, а батарея едва грела. Она не могла заставить себя подняться. «Шалава». Теперь это было её официальное имя. Имя, данное матерью. Так её назвал Костя, так её назвала Лапина. Все так говорят. Значит, это правда. Может, ей просто принять это и жить так, как им все надо?

Она глубоко вздохнула, попыталась снова не заплакать, потрогала пальцами разбитую, разбухшую, запёкшуюся губу, и начала медленный подъём. Каждая ступенька отдавалась тупой болью в теле.

— Ну? — дверь распахнулась сама, и на пороге, покачиваясь, стояла мать. — И где ты шлялась? Я спрашиваю, где ты шлялась, дрянь?

Лера молчала, опустив голову, вошла, и пошла в свою комнату.

Глава 11

Утром она собралась и вышла из дома, стараясь быть тихой как мышка.

Она не помнила, как спала, и спала ли вообще, и её голова работала странно. Она ни о чём не хотела вспоминать или думать, её ничего не волновало, ей просто было нужно быть незаметной, и чтобы её никто не трогал.

Пошла куда глаза глядят, кругами по тёмным улицам, не смотря ни на кого. И плевать было, что мама узнает о прогуле школы, на всё плевать. Она туда больше не вернётся. Никогда.

Несколько раз она заходила в подъезды погреться, и снова шла на улицу, когда кто-то выходил из квартир или заходил внутрь.

Люди вокруг занимались своими людскими делами. Мамаши тащили за руки упирающихся детей в сады. Мужики с похмельными, опухшими лицами брели к автобусным остановкам, кто-то уже опохмелялся у ларьков или на лавочках. Дворники долбили лёд и вытаскивали на улицы мусорные баки. Вся эта возня, вся эта бессмысленная, копошащаяся жизнь казалась ей сейчас нереальной, как дурное кино посреди ночи. Она не была частью этого. Она была призраком.

К тому моменту, как рассвело окончательно, и утренний час пик схлынул, оставив дворы пустыми, Лера вернулась к своему дому. В надежде, что мама уедет на работу, она села на лавку напротив одного из подъездов, подальше от окон своей квартиры, и уставилась в одну точку — в облупленную стену трансформаторной будки, разрисованную кривыми граффити. Она не чувствовала холода, хотя пальцы онемели. Она не чувствовала голода, хотя не помнила, когда ела последний раз. Внутри всё умерло, застыло, замёрзло. Время текло раздражающе медленно, и она вязла в нём словно мушка в смоле.

Мимо проплывали редкие прохожие, и она провожала их пустым, невидящим взглядом. По походке и мутному силуэту она узнала только одного человека. Мимо прошёл дядя Миша, поддерживая под локоть свою мать. Прежде чем скрыться в подъезде он бросил на Леру усталый и полный мучений взгляд, и слегка кивнул ей, будто понимал, насколько ей паршиво и больно сейчас.

Она снова уставилась в одну точку, но через какое-то время хлопнула подъездная дверь. Дядя Миша, снова появился в поле зрения, в зубах у него была зажата незажжённая сигарета. Он тревожно потоптался у входа, близоруко шурясь на свет, затем чиркнул спичкой, затянулся и, словно приняв решение, похромал в её сторону. Лера не шелохнулась, даже когда он грузно, со сдавленным вздохом, опустился на лавку рядом с ней.

— Случилось чего? — спросил он. — Ты чего тут одна?

Лера только вздохнула. Медленно и безжизненно. Она открыла рот, чтобы соврать привычное «всё нормально», но слова застряли в горле. Да и зачем врать? Какая разница? Она так и не смогла сформулировать ответ, лишь мотнула головой, глядя прямо перед собой.

Он не настаивал, сидел и курил, пока сигарета не начала подходить к концу. Достал мятую пачку, выудил ещё одну, прикурил от первой. Они молча сидели и смотрели, как во двор, хрустя ледяной коркой, заезжает скорая без мигалок, без сирены. Из машины неторопливо вышла косолапая, полноватая медсестра с опухшим, не улыбочивым лицом, достала с переднего сиденья чемоданчик и скрылась в одном из подъездов.

Дядя Миша докурил, тревожно посмотрел на скорую, бросил бычок в снег и тяжело поднялся. Он уходил, и Лера вдруг поняла, насколько страшно ей сейчас было б снова остаться одной. Она попыталась заставить себя сказать хоть что-то, но это были не слова, а какое-то болезненное мычание, брошенное ему в спину.

Он остановился, и она продолжила. Это было не связное повествование, а поток сознания — заикающееся бляенье вперемешку с судорожными всхлипами. Она рассказала всё. Про

папу, который уехал и пропал. Про мать, которая снова страшно запила и связалась с Эдиком. Про переезд в эту проклятую Москву, которая оказалась совсем не такой, как она представляла. Про то, как её невзлюбили в школе, как били, как унижали, вымогали деньги. Про Костю, который сначала был единственным светлым пятном, а потом предал её, сделал посмешищем. Про ночёвку в подвале, когда пьяный Эдик ломился в дверь. Про красную туфельку, которую она там видела. Про то, как ей никто не поверил, как её назвали наркоманкой и воровкой. И про то, что она больше не может. Не может дышать, не может вставать по утрам, не может видеть эти лица, эти стены, эту серую, равнодушную Москву. Что если она пропадёт, никто даже не заметит. Мать не сразу схватится, а когда схватится — вздохнёт с облегчением.

Она выплеснула всё это в пространство, и с каждым словом ей становилось чуть легче, словно она сбрасывала с себя невидимые гири. Когда она замолчала, обессиленная, он долго молчал. Потом выбросил сигарету и спросил голосом, в котором появилась какая-то новая, странная интонация:

— Туфельку, говоришь, видала? В подвале? Думаешь, этой девочки? Пропавшей?

Лера покивала, утирая слёзы рукавом.

— А покажешь, где видала?

— Зачем? — шмыгнула носом Лера. Внутри у неё что-то слабо встрепенулось, то ли надежда, то ли беспокойство.

— Я ж милиционер, надо разобраться, — важно сказал дядя Миша, и его лицо стало строгим. — Ну? Покажешь?

Лера вздохнула. Ей не хотелось снова идти в подвал. Снова позориться, снова выглядеть сумасшедшей, снова наткаться на стену неверия. Но отказать дяде Мише было как-то не вежливо, он её послушал и был к ней добр, и внимателен, да и вообще инвалид, разве можно так? Она собрала последние силы, встала, и пошла к своему подъезду, не оборачиваясь.

Он хромал и вздыхал сзади, пока они не дошли. Лера остановилась у облупленной железной двери, потянула за ручку, и когда дядя Миша приблизился, заметила, как он оглянулся по сторонам — быстро, цепко, словно они творили что-то незаконное. Этот взгляд ей был слишком знаком. Она сама так смотрела, когда пряталась тут.

— Осторожнее, тут лестница плохая, — предупредила она, первой спускаясь в темноту, и задерживая дыхание, чтоб не втянуть запах мусорных баков.

— Ага, — буркнул дядя Миша, осторожно ступая следом. — А ты ещё кого-то сюда водила?

— Нет, — соврала Лера. — Никто не захотел идти.

— Понимаю, — его дыхание было тяжёлым и болезненным. — Мама, у тебя запила? Трудно тебе, наверное...

— Угу.

Они спустились вниз, и Лера, достав из сумки фонарик, попыталась включить его. Лампочка загорелась тусклым, умирающим светом, стекло изнутри запотело от попавшего снега. Она повела лучом по бетонным перегородкам, по ржавым трубам, по углам, заваленным мусором. Свет был слабым, едва разгоняющим подвальную тьму, которая, казалось, сгущалась вокруг них, дышала, шевелилась.

— Где-то тут была, — пробормотала она, водя лучом из стороны в сторону и пытаясь посмотреть под трубами.

— И правда, где-то тут должна быть, — как-то странно, эхом, ответил дядя Миша.

Внезапно он нервно вздохнул, дёрнул головой, хрустнул шеей. Лера обернулась. Дядя Миша засопел ещё тяжелее, расстегнул молнию на куртке, сорвал её с себя и бережно повесил на трубу.

Что-то в нём изменилось.

Глаза. Они стали мёртвыми, пустыми и одновременно лихорадочно блестящими, как осколки бутылочного стекла. Он как-то по-новому горбился, напрягся весь, словно боролся с чем-то внутри себя, и вдруг придвинулся к ней, навис всей своей массой.

— П-показалось, видимо, — сглотнув, тихо сказала Лера. Сердце боязливо сжалось, а потом забилось часто-часто, отдаваясь в висках. Ей вдруг захотелось уйти, немедленно, и она, услышав этот внутренний крик, ничего не говоря, пошла к выходу.

— Не показалось, — он преградил ей путь, и голос у него тоже был уже другой: холодный, тягучий, смакующий каждое слово. — Ты наблюдательная. Даже слишком. Хорошо, что рассказала. А тувельку я потом и сам поищу.

Время замедляется.

Оно вязкое, как смола. И в этой смоле она тонет.

Громадная ладонь снова сверкает перед глазами.

Она жмурится, и этот новый удар отбрасывает её и опрокидывает на спину. Слышно, как внутри хрустят кости, очень больно, и она не может вдохнуть.

Он оказывается сверху, вдавливая её в холодную землю и острые камни. Эта его ручища обхватывает сразу обе её тонкие ручки, вытягивает их за голову, прижимает к земле. Его лицо совсем близко. Дыхание его — рваное, глубокое, похожее на клочкотание или рычание зверя. А сама вдохнуть не может. Задыхается.

— Дядь Миш... вы... вы чего... — доноситься её дрожащий, едва слышимый шёпот, слёзы начинают течь из глаз.

— Ч-ш-ш, — говорит он почти ласково. — Не кричи. Не люблю, когда кричат. Ты же не хочешь, чтобы я делал тебе больно? Будешь тихой — всё быстро кончится.

Новой волной накатывает ужас. Такой, которого она ещё не испытывала, даже в этой новой Московской жизни. Его свободная рука уже где-то внизу. Словно огромный паук бегаёт по её бёдрам и коленям. Изучает. Ищет место куда ужалить.

— Дядь Миш... вы чего... не надо, пожалуйста... отпустите... — вырывается у неё, и она сама пугается своего голоса — такого тонкого, жалкого, мышиноного, надрывающегося от страха.

Он её не слушает, делает что-то с её телом, ей неприятно, и она просто тонет в этом ужасе, как в чёрной воде из сна.

— Отпустите, дядь Миш, я никому не скажу...

— Конечно, не скажешь, — усмехается он.

Его рука поднимается выше, он зажимает ей рот и нос одновременно. Она вырывается, но он так силён, что ничего и не может выйти. Лёгкие жжёт, перед глазами плывут тёмные круги. Она дёргается под ним, но это всё равно, что биться о скалу. Его дыхание лёгкое и ровное, совсем не такое как когда он спускался с ней. Он просто смотрит, внимательно и безучастно, как она задыхается, словно по телевизору идут новости или читает газету. Не моргает, не напрягается, не боится. Только нездорово блестят его пустые глаза. В них ничего нет.

Хотя нет.

В них смерть.

Её смерть.

Её. Смерть.

...Это не может быть правдой.

Это происходит не с ней.

Она может уйти в любой момент.

Это просто кошмар, она вот-вот проснётся, и пойдёт в школу, будет новый день, она будет жить, она со всем справится, у неё ещё столько всего впереди. Это какая-то другая девочка здесь...

...Сердце болезненно сжимается, то срывается в галоп, то пытается дёрнуться в последний раз изо всех сил. Темнота, которая была лишь фоном этого кошмара, уже проедает окружающее пространство и светлое пятно лица дяди Миша, которые она ещё видела. Она словно в тоннеле, и выход всё дальше, сжимается в точку.

И вдруг он снова даёт ей дышать. Воздух, словно раскалённый пар, обжигает и царапает внутри. Жизнь возвращается в неё толчками, болезненно, нехотя, прорывается сквозь онемение, слабость и трепет. А его рука уже снова внизу, изучает тело, мнёт грудь, гладит живот, спускается ниже, туда, где всё сжалось от ужаса и отвращения.

Страх почему-то вдруг откатывает с той же волной, что и темнота перед глазами. Она больше не пытается двигаться или говорить, что-то подсказывает ей, что так делать не нужно. Это даже не шёпот, словно виденья без картинок, но вот они уже становятся плотнее, и обретают форму голоса, чужого голоса.

Думай.

Думай и наблюдай.

К ней и раньше приставали парни. Зажимали на танцах в деревенском клубе, тискали в тёмных углах, звали на чай или фильм и там давали волю рукам. Они становились словно не в себе, не контролировали себя, пока не наорёшь на них или не ударишь как следует. Костя не был первым. Но там, в тех случаях, была похоть, неуклюжая, животная, но похоть, которую она ещё не совсем понимала, но которая имела свой предел... Здесь же что-то совсем иное, куда более тёмное и опасное.

Вдруг накатывает осознание, и она едва сдерживает судорожный вздох.

Это же всё он. Все эти пропавшие девочки. Это из-за него. Он их убил. И теперь он собирается убить и её.

Мысли отчаянно бьются в голове, словно стая перепуганных птиц. И она кричит на них внутри себя, приказывает остановиться, замереть, быть тихой.

Они подчиняются.

Но не ей.

Командует тот новый голос. Это не пугает, ведь он пришёл помочь. Она больше не одна. И она тоже становится наблюдателем, будто бы не лежит тут под убийцей и насильником, а играет шахматную партию, цена которой её жизнь.

Хватка у него стальная. Если против Кости и банды Лапиной она ещё могла побороться, брыкаться, царапаться, то тут шансов нет в принципе. Он держит её как в тисках, и не собирается давать ей и шанса на побег.

Можно закричать. Но они в подвале, и никто не услышит. А если услышит — не полезет, побоится. И стоит ей только закричать, как он разозлится. И сделает ещё большее.

Его нельзя злить! Единственный шанс — держаться тихо. Быть покорной. Не провоцировать. Убедить, что всё в порядке, и найти выход из этого подвала, как только появится возможность.

Она перетерпит, что всё, что он сделает.

Только нельзя засыпать, нельзя отключаться, нельзя погружаться в спасительное забытие. Если она сдастся и опустит руки — умрёт. Если тех девочек так и не нашли, значит, он никого не отпустил. Нужно перетерпеть всё, что будет, и искать возможность...

Юбка задирается до живота, кофта расходится в стороны. Он копается со своим ремнём и джинсами. У неё только глупая мысль, что она могла надеть джинсы, которые спасли её от бутылки буквально вчера, но они были грязными и мокрыми, и пришлось бросить их в стирку.

Она замирает. Стараётся быть тихой, как мышь, не вскрикивать. Хочется умолять его остановиться, прекратить, сказать, что ей больно, невыносимо больно, и что она хочет уйти, хочет домой, но что-то держит эти слова в неё в глотке. Сцепить зубы, закрыть глаза.

Держаться тихо.

Терпеть.

Терпеть.

Просто терпеть.

Когда он заканчивает и встаёт, она остаётся лежать на камнях.

То, что от неё осталось.

То, что ещё зачем-то хочет жить.

— Умничка, что не кричала. Другие кричали, не помогло им, — даже как-то ласково хвалит он. — Лежи, не вставай. Это не всё ещё.

Он натягивает джинсы, роется в карманах куртки, достаёт сигарету, закуривает, смотрит на неё сверху вниз. Она тут же отводит взгляд, смотрит на его тяжёлые ботинки. Такие огромные, что легко раздавят ей голову.

Ледяной голос внутри подсказывает: «Он сам заговорил. Он хочет говорить. Он разрешает. Нужно сказать что-то, что угодно, чтобы он не убивал. Он сам начал разговор, значит, можно говорить. Не умоляй, не жалуйся, говори, будто он твой близкий».

— М... м... мне... т... т... тоже не нравится... когда кричат, — ломающимся голосом выдавливая она из себя.

Он с некоторым удивлением смотрит на неё, будто бы и не ожидал, что она примет приглашение на этот разговор, молчит и продолжает курить.

— В-вам, наверное... внимания не хватает, — ей на ум вдруг приходит очередное изречение матери.

— Внимания? Мне оно как раз и не нужно, — смеётся он так, что кровь стынет в жилах. — Ты чего? Я же тихий больной человечек, который даже твёрдо стоять на ногах не может. Сама видела. Внимание мне, наоборот, ни к чему.

— Вы... так из-за ранения? Из-за мамы? Не можете себе найти никого? Я понимаю, война, нога... но вы же хороший... — мысли скачут в голове, она не может за ними уследить, но что-то вырывается из её рта, и голос не её.

— Боже, — он закатывает глаза, и в этом жесте столько презрения к её наивности, — Да это даже не моя мама. И я никакой не дядя Миша.

Даже ледяной голос у неё в голове вдруг замолкает, не понимая, как переварить сказанное. Поток мыслей обрывается, ничего не приходит в голову.

Он улыбается — спокойно, почти мечтательно, как будто он обычный человек. Затыкивается сигаретой по-житейски, будто они курят между этажами как старые соседи, начинает говорить:

— Мишка-то в Чечне погиб. Духи его в грузовике сожгли. Я пока его труп доставал, весь в мазуте и гари перемазался — чёрный был, как чёрт. А он, пока живой был, всё о мамке своей переживал: кто, мол, о ней позаботится, если помрёт. Вот и помер, — он стряхивает пепел на землю, и в полутьме подвала огонёк сигареты на мгновение высвечивает его лицо — абсолютно спокойное, равнодушное. — Там, знаешь, как плохо было? Жрачки нет, бинтов нет, лекарств нет, связи нет, никто ни черта не знает, связи нет, боеприпасы могли днями не подвозить — хоть руками воюй. Ну и всё. Мои все почти триста или кончились... Кончились мы, понимаешь? Часть мою расформировали, а меня к этим засунули — представляешь, к кавказцам? К тем же самым духам, которые на нас и охотились. Добровольцы там, менты местные какие-то,

тоже ОМОН. Вот с ними будь, пока мы часть перестроим. А я им сразу высказал всё, что о них думаю. Не заладилось у нас. Переводить меня отказались, а мне что делать? Все с оружием, с ножами, с гранатами... это же не просто морды друг другу побить. Там убьют и зарежут, как собаку, скажут не мы, в засаду попал, диверсант добрался, самострел он. Ну и я ушёл, пока меня не кончили. Там свои подкинули, там на автобус сел, там на поезд, там на электричку. Письма, думаю, Мишкины передам, да там подумаю, что делать. А эта дверь открыла, старая, и говорит: «Сынок, вернулся!», «Заходи, говорит, ты мне снился». Идти мне было некуда, я и зашёл. А Мишка такой был тихий, что его даже в лицо никто не запомнил. И мама родная забыла. Представляешь?

— П-представляю...

— А ещё там Лена жила, в комнате у неё, пока Мишки не было. Ещё девочка, прям как ты. Тоненькая вся, нежная такая, застенчивая, никому не нужная, сама по себе. Я и забыл, как девочки пахнут, пока служил. Она от меня бегала. «Не такая» говорила всё, повторяла, как заведённая. До конца не верила, что я ей что-то сделаю. А я сделал.

— И она уехала?

Лера и так знает ответ, но нужно во что бы ты ни стало продолжать этот страшный разговор, думать, цепляться, пытаться укладывать всё в голову и представлять, искать слабое место.

— С ней стало то же, что и с тобой станет, — он пожимает плечами, житейски и просто. — Нарезу тебя на мелкие кусочки, да спущу в канализацию. Прям тут вот, совсем недалеко лючок есть. Первый раз в квартире было — всё в крови, и позастрелало в трубах. Чуть не поймали меня. Сантехник подумал, что мясо выкинули. Хорошо он тупой и пьющий. Никого не вызвал, просто поругался, представляешь? А тут, внизу, ничего не застревает. Сколько вас таких ещё будет.

Он совсем не боится. Верит, что не поймут... Неужели в нём совсем нет страха?

— Меня будут искать! — вырывается у неё, страх снова пытается накрыть с головой. — У меня друзья...

— Ты чего врешь? — он снова смеётся. — Нет у тебя никаких друзей. Никому ты не нужна, и искать тебя никто не будет. Я же наблюдал за тобой. Ты же одна одинёшенька. Я о тебе всё знаю, Жукова. Это ж я тебе звонил. И про маму твою знаю, и про Эдика этого, и что батяка твой пропал, расписание твоё знаю, и что прогуливала. Всё о тебе знаю. Думаешь, это ты в меня врзалась тогда? Думаешь, я просто так мимо проходил, когда ты на лавке сидела? Я ждал. Я тебя выбрал.

— Почему... я? — она не хотела это спрашивать, но не смогла удержаться.

— Мамка твоя сопьётся, все решат, что ты убежала, и никто тебя искать не будет. Ну и потому, что ты красивая. Все тебя хотят своей сделать, но ты только моей будешь. Навсегда.

Он улыбается — широко, почти нежно — и это улыбка заставляет её дёрнуться.

— Да ты не вертись, куда ты отсюда уже не денешься.

Как же удивительно и чудовищно горько, что тот, кого она почти не замечала, с кем почти не говорила, знает её жизнь куда лучше... даже мамы. И самое обидное, самое убийственное — это то, что он абсолютно, стопроцентно прав.

Она никому не нужна. Никто не будет её искать. Никто бы её на защитил. Она сама по себе. И именно поэтому она умрёт здесь.

Снаружи вдруг раздаются шаги, едва слышимый хруст снега, звук проникает через небольшие окошки вентиляции, и быстро удаляется. Дядя Миша замолкает и смотрит на неё, словно ждёт, что она закричит, и знает, что это не сработает, но ему самому интересно решиться она или нет.

Она не может.

Не помнит как это, вообще кричать.

Лёд внутри хрустит. Мысли снова в хаосе, и сталкиваются друг с другом.

Кто-то говорил, что надо кричать не «помогите», а «пожар» или «горим». «Помогите» — это когда чужому человеку нужна помощь. Чужие проблемы, которые вряд ли кто будет решать. А «пожар» — он касается всех, и когда пострадать могут все. Куда больше шансов, что кто-то выбежит и начнёт разбираться, в чём дело.

Сигарета заканчивается, и он отбрасывает бычок в темноту. Оранжевая точка кувыркается и исчезает во тьме.

— И когда говорят долго, мне тоже не нравится, — выдавливает он сквозь зубы и идёт к ней.

Она собирает все силы, какие были, привстаёт, и пинает его в большую ногу — ту самую, которую он всегда волочил. Это глупо, отчаянно, по-детски, ведь он лишь притворялся больным, и не понятно, на что она рассчитывала. Он улыбается, и бьёт её наотмашь, хватая за шкуру, отрывает от земли, бросает на живот, подтаскивает к себе, снова наваливается.

Из неё вырывается не крик, вой.

— Я же сказал, что не люблю, когда кричат! Рот свой закрой! Не такая она! Никто тебя тут не услышит!

Бьёт её, отрывает от земли, бросает вниз, несколько раз.

Вдруг она улетает.

В прямом смысле слова — её душа больше не в теле. Она смотрит откуда-то сверху и со стороны, как он делает с ней то, что делал с теми, кого больше нет. Как её тело, худое, бледное, беспомощное, избитое, вжимается в грязные камни. Как её пальцы скребут по земле, сдирая ногти. Как она дёргается в такт его движениям. Это всё происходит не с ней. С какой-то другой девочкой. И она, Лера, просто наблюдает. И когда всё закончиться, она сможет пойти домой.

— Вот теперь всё.

Его руки смыкаются на её шее. Пальцы как стальные тросы. Камни впиваются в лицо, начинают драть кожу, и эта боль донимает её даже там, где она стоит, возвращает её на своё место, лицом вниз, в землю её могилы.

Он где-то там, сверху, вдруг обмяк, руки расцепились, перестали душить и давить, она смогла сделать несколько судорожных вдохов. Но тут же её снова отрывают от земли, переворачивают, швыряют на спину, подтаскивают ближе.

Он смотрит на неё несколько секунд, то ли изучая, то ли любясь. Затем его лицо вдруг меняется, теперь оно сосредоточенное, деловитое. Руки снова сходятся на шее. Он стискивает так, что она чувствует, как там, внутри, что-то хрустит.

Он уже не отпустит. Не даст ей больше дышать. Не будет больше ни разговоров, ни «умничек». Это конец.

Нужно что-то делать.

Сделай что-то.

Дерись.

Дерись.

Она тянет к нему руки, чтобы выцарапать ему глаза, но он такой высокий, что она не может толком зацепить даже его губы.

Он бьёт её о землю, и она снова видит себя со стороны.

Как корчится под его весом, как из последних сил пытается расцепить его руки, скребёт ногтями по его запястьям, оставляя кровавые борозды. А он душит её так, что вот-вот сломаёт шею. Воздуха нет. Сознание утекает, как вода сквозь пальцы. Вот-вот кончатся последние силы, руки безвольно упадут, и через несколько секунд её не станет.

И в этот момент она снова чувствует на себе чей-то взгляд. Грязное, бледное лицо между трубами в темноте — лицо, покрытое спутанными чёрными волосами. Её, вроде как, собственное лицо. Лицо мертвеца. Лицо той, кто умрёт здесь и останется навсегда.

Логично, что он выбрал её.

Никому не нужна.

Никто не будет искать.

Никто не защитил.

Никто даже и не заметит.

Но почему так не хочется умирать? Почему это истерзанное тело сражается так отчаянно за последние угольки своей жизни? После всего, что с ней сделали эти люди и этот... зверь? Почему она плачет и борется из последних сил, зная, что проиграет? Почему её конец такой ужасный, такой несправедливый?

Вдруг он отпускает хватку, неожиданно, будто её мысли каким-то образом проникли в него, и что-то там нарушили. Его лицо искажается от боли, но не той наигранной, а настоящей, кусающей, тянущей.

Она не понимает, что происходит, да уже и не сопротивляется. Лежит, как сломанная кукла, и только слегка, с булькающим звуком, начинает втягивать в себя воздух, чувствуя, как горло горит огнём. Она очень устала, и конец этого всего был бы приятен, наверное, но тело очень хочет вздохнуть и его уже не остановить.

Он сжимает пальцы в кулак несколько раз, крутит плечом в воздухе, будто спортсмен перед тренировкой, хмурится, пытаясь унять приступ боли и ждёт, когда снова сможет душисть, чтобы довести дело до конца. У него просто свело руку. И сейчас юль отпустит.

Дрожащие пальцы Леры находят камни. Те самые острые камни, что впивались в её тело всё это время, разрывали кожу, пока зверь терзал её. Раньше они были намертво утопаны в землю, но теперь, пока они боролись и пока её били об эту землю, пока она корчилась, камни расшатались. Она находит один, второй, цепляет ногтями третий и слабыми, дрожащими пальцами собирает горсть.

Подтягивается вверх, словно по лесенке из боли и слабости, и изо всех сил и злобы, какие только остались, швыряет камни прямо в лицо зверю.

Он не ожидал этого.

Вздрагивает нелепо, по-птичьи, отшатывается и падает назад, освобождая её ноги. Блеск в его взгляде тускнеет, он тянется рукой к лицу, несколько раз моргает, и замуривается.

— Ты чего сделала? — с искренним укором и непониманием спрашивает он, словно она нарушила правила игры.

Лера подтягивает под себя ноги, шатаясь, встаёт, всё ещё судорожно хватая ртом воздух. Хочет уйти в другую сторону подвала, но он тут же оказывается рядом, всё ещё моргая и придерживая рукой повреждённый глаз. Хватает её за руку, дёргает к себе, не собирается отпускать.

Стоять она может с трудом, всем весом ложиться на него, пытается прийти в себя, а он всё не может проморгаться, трёт и трёт глаз, она мешает ему, и он нервничает, сжимает её рукой так, что снова больно.

Ударить его.

Но он же военный.

Его били сколько раз?

Не сможет она ему так ударить, чтобы свалить его, да и не даст.

И вырваться не даст.

Кричи.

Кричи.

Она задавливает волю своего тела дышать быстро и часто, втягивает в себя весь воздух, какой был в подвале.

И орёт. Прямо ему в ухо.

— ГОРИ-ИМ! ГОРИ-И-И-М!

Оглушённый её криком, он отшатывается, но не отпускает её, заносит ладонь, чтобы ударить её наотмашь, заткнуть ей рот, а она прижимается к нему, почти обнимает его сама, шепчет умоляюще из последних сил то, что пришло в голову:

— Не надо, дядя Миша... Я не такая...

Хватка вдруг ослабевает, исчезает, в его глазах что-то вроде испуга и удивления, а она, словно стрела, выпущенная из лука, уже несётся прочь. Перепрыгивает одну трубу, запинаясь о другую, падает, встает, бежит. Её бы только добежать до другого выхода, только бы там на двери тоже не было замка.

И у неё почти получилось. Ей казалось, что в этот момент она быстрее ветра, что ни острые камни под голыми ногами, ни трубы, ни темнота её уже не остановят.

Он ловит её за волосы и снова бросает на землю. Она воёт дурниной, бьётся, пытается вскочить, сделать ещё что-то, пока он не начал бить и душить.

И тут... впереди появляется пятно света.

Скрипит дверь, и по лестнице, быстро и ловко, несмотря на грузность, спускается дворник — крупный, лысый, полноватый мужчина с восточными чертами лица.

Он видит их, и кричит что-то на дикой смеси мата и своего родного языка — про наркоманов, про воров, про то, чтобы свалили отсюда. В темноте он, кажется, он не понимает что происходит, не видит пока смертельной опасности, но сверху вдруг раздаётся ещё один голос.

Этого мгновения замешательства её хватает. Она вырывает волосы из ослабшей хватки. Поднимается на ноги и бежит, мимо ошарашенного дворника, карабкается по лестнице вверх, вырывается к свету.

Глава 12

Вто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.